
Тося Шмидт Татьяна Смит
Ворожея
лёд и пламень

Татьяна Смит

Ворожея: Лёд и Пламень

«Автор»
«Автор»
2026

Смит Т.

Ворожея: Лёд и Пламень / Т. Смит — «Автор», «Автор», 2026

В землях древлян так и не наступила весна. Темные боги, разгневанные на княжеский род, выполнили обещание, данное Лешему, и наслали лютый холод.Князь Светозар отправляется на поиски меча, способного спасти его народ. А юная ведьма с болот хочет отыскать свою силу, а может быть, и любовь. Но сможет ли она забыть давние обиды?Нити их судеб сплетены вместе Макошью, но будущее скрыто от всех туманом Мары. И только пройдя весь путь, они поймут, зачем богиня свела их вместе.P.S. Цикл Ворожея был написан в 2025 г., но ранее выкладывался на другой площадке.

© Смит Т., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Находка 5
Тёмные боги 11
Бабкина загадка 16
Дальняя дорога 21
Северный гость 26
Лиходеи 31
Мара 38
Клятва 43
Пленённый царь 49
Первая ссора 54
Вдова 59
Летавица 64
Алконост 69
Яйцо 76
Конец ознакомительного фрагмента. 81

Татьяна Смит
Ворожея: Лёд и Пламень

Находка

— Отдать!!!

— Сожрать!!!

— Порвать!!!

— Продать!!!

— А я говорю отдать!

Ведьма со скучающим видом уже почти час наблюдала, как трое упырят пытаются отобрать у четвёртого, Тишки, какой-то ворох грязного тряпья. Наконец ей это надоело, хоть бы что новое затеяли, каждый день одно и то же, и она стукнула посохом о камни тропы, ведущей к избушке.

— Нишкните!

Упырята замерли, выпустив из покрытых бледно-зелёной кожей лапок уже трещавшую ткань. Тишка, такой подлости не ожидавший, а оттого тянувший свой комок с прежней силой, кубарем полетел в болотную жижу, прямо под ноги старой ведьмы.

— Что там? — ведьма властно протянула руку с длинными и острыми, пожелтевшими от времени ногтями. — Показывай!

Тишка, отряхнувшись, как собака, передал ей свёрток. Ведьма раскрыла грязные мокрые тряпки.

— И это вы хотели сожрать и порвать?! — голос старухи не предвещал ничего хорошего замершим посреди бочага упырям. Они развернулись и бросились прочь, хлопая перепончатыми ногами по мутной воде и путаясь в тине. Тишка же двинулся следом за ней.

— А ты куда? — Ведьма остановилась и посмотрела на упырёнка.

— С тобой. Помочь! — от страха он аж выпустил пузырь из носа, который тут же утер рукавом давно грязной, всей в прорехах рубахи.

— Уже помог. Принёс, а не сожрал. Нишкни, сказала! — ведьма махнула рукой, прогоняя его прочь.

Зашла в избу и закрыла за собой дверь. Там, уложив свёрток на стол, размотала грязные, пахнущие болотом тряпки и достала чудную девчушечку нескольких месяцев от роду. Та смотрела на всё с интересом, чёрные глазёнки блестели на бледном личике. А ещё она совсем не плакала. Даже во время потасовки ни разу не пискнула.

— И какая же ехидна тебя выбросила? На болоте упырям оставила, — голос ведьмы был удивительно мягким, таким его давно никто не слышал. — Такую крохотулечку, красотулечку, кто бросил? — старая Ясиня сделала козу и, подбросив дров в печь, поставила греться воду в лохани, чтобы искупать девчушку. — Нечисти они боятся, а сами-то. Даже упыри, вон, о младших заботятся, а эти… — она махнула рукой. — Тоже мне, люди.

Искупав найдёныша, завернула её в тонкий отрез льняной ткани и огляделась: «Куда же её положить?». Не найдя ничего лучше, сунула в котёл над очагом. Пусть там полежит, точно не вывалится.

Из-за печки выглянул сонный, покрытый тёмной короткой шёрсткой домовой. Похожий на небольшого росточка мужичонку с вечно недовольным лицом. И тут же сунул свой любопытный нос в котёл.

— Обед готовишь? По правилам её нужно запечь, а не варить, — тут же вынес он вердикт. — Косточки обглодать и на них же покататься. Чтобы утина не было.

— Сейчас я тебя запеку, Прошка. Совсем одичал, пока один жил? Кто ж детей ест?!

— Ты! — ковыряясь мизинцем в ухе, ответил домовой. — Ты ж яга, а значит, на лопату её и в печь. А потом…

— Не забыть зашить рот домовому, который совсем забыл о своих обязанностях, — закончила за него Ясиня. — Нишкни! — повторила она любимую присказку.

Но об обеде подумать стоило, девчушку точно нужно покормить, а ещё придумать ей имя.

— И как же тебя звать, Дареной? Ты, конечно, дарена мне, но нет. Виданой? Сколько ты всего успела повидать и ещё успеешь. Аль ещё как?

— В животе-то какая разница, как звать будут? — никак не успокаивался Прошка.

— Внучкой она мне станет. Свои знания ей передам. Мне боги детей не дали, а вот Марена подарила.

— Ты, помнится, сама из дома сбежала от сватовства, — Прошка вальяжно развалился на лавке, жуя пирожок с зайчатиной, — чтоб ведьмой стать. А теперича, значит, детей тебе подавай?

— Так не от детей же.

— А дети откель берутся? От мужа, — с умным видом заключил домовой.

— На Ярилину ночь и от богов можно понести, — ведьма перебирала кувшины, ища козье молоко. — Ты что, всё молоко выпил?!

— Не всё, там, в высоком, должно остаться, — махнул лапкой с зажатым в ней пирогом Прошка. — Эй, постой-ка! Ты этой собралась отдать моё молоко?! — взвился домовой.

— А ты тоже не сиди, иди лозы собери, люльку ей сплетешь, не будет же она в котле спать. А завтра за молоком сходишь в деревню. Свежего принесёшь.

— Там ей, между прочим, самое место. А в деревню, я тебе что, вестовой что ли? — буркнул Прошка, поднимаясь с лавки.

— А кто пойдёт, Тишка? Так его или самого вилами забьют, или же бабы со страху попередрут. Сходишь, я сказала! Иди за лозой.

Спорить с ведьмой было себе дороже. Поэтому он отправился на берег за ивой, бурча под нос:

— Приволокли же, проклятые, не могли на месте сожрать. А Проша теперь ножки стирай, ручки труди. У-у-у-у, я вам! — погрозил он небольшим кулачком стоявшим в стороне упырятам.

Те тут же попрятались в кустах. Характер домового болотной ведьмы был хуже, чем у неё самой, мог и камнем кинуть, ежели что ему не по нраву. А находка упырят, судя по недовольному виду, радости ему не принесла.

Надергав прутьев, Прошка присел на камень и жаловался кикиморе на долю свою тяжёлую. Да на то, что ведьма на старости лет совсем с глузду двинулась, притащила человечье отродье и теперь с ним нянькаться. Кикимора его тоже расстроила, подобрав юбки из мокрой тины, рванула к избе. Посмотреть, видите ли, кого там Тишка принёс.

Сплюнув, домовой собрал прутья в охапку, взвалил на спину и отправился обратно. Бабы в избе уже сюсюкались с найдёнышем, а ему ведьма приказала люльку плести.

Разложив на полу лозу в форме солнца, Прошка принялся сплетать из самых толстых прутьев днище.

— Крепче плети, чтоб не выпала, — наказала Ясиня и снова заагукала над ребятёнком.

Домовой злобно глянул в сторону лавки из-под косматых бровей, но ослушаться не посмел. Рука у ведьмы была тяжёлая. Как и характер. После того как её турнули из Белоземья, места на границе миров, где был Великий лес, она стала злобной и несносной. Только и терпела, что его да упырёнка Тишку с кикиморой. Остальным хода на болото не было.

Деревенские, которым требовалась её помощь, передавали послания через Прошку, что ходил три раза на седмицу в деревню. Отдавал мази, травы и забирал молоко с мясом да творог с маслом. Которыми шёл расчёт с Ясиней за ворожбу.

Проверив люльку на крепость способом немудрёным, загнала в неё Прошку, повесила ту на крюк, вбитый в матицу.

Ясиня, присев на лавку, посмотрела в окно. Имя девке дать требовалось: звучное, красивое. Вспомнился варяг, которого она лечила как-то. Тот рассказывал ей про их ведьму, Вальдис, что являлась почти что дисой, духом-хранителем. Покумекав, бабка переиначила имя на свой лад, хлопнула руками по столу и озвучила решение:

— Вильфридой будет. Фрида у варягов красивая значит, а Вилы завсегда ведьмам покровительницами были. Хорошее имя. Сильное.

Прошка буркнул под нос, что из этого отродья ведьмы не вырастет, но тут же был бит веником, поэтому благоразумно замолчал и отправился за печь с неизменным пирожком в мохнатой лапке. На утро сходил в деревню, принёс свежего молока.

Уставшая за ночь ведьма ещё спала. Домовой покачал головой, нашёл коровий рог, почистил его, помыл, натолкал туда хлебного мякиша, смочил молоком и сунул девке в рот. Та тут же зачмокала.

— Жри ужо, — Прошка качнул люльку и сел на лавку смотреть, как дите ест. Не обманула баба в деревне, хорошо с рогом придумала. Но приходилось придерживать.

Накормив найдёныша, домовой сел строгать из палки шарканок. Выскоблив небольшие отверстия, натолкал туда камушков и рыбным клеем залил дырочки. Потряс. Хорошо гремит. Из люльки тут же донёсся тихий писк. «Тоже услышала, и подавай ей сразу», — недовольно подумал Прошка, но игрушку сунул.

Ясиня долго исподтишка наблюдала за тем, как домовой, ворча, возится с девчушкой. Ещё вчера он был категоричен: выкинуть назад, и всех делов. А сегодня и молока принёс, и игрушку смастерил, и даже покормил.

На этой мысли она вскочила с полатей.

— Ты рог хоть обварил? — ведьма засуетилась, кипятя воду.

— Зачем? — Прошка недоумевающе почесал лохматую голову.

— Я за много лет врачевания поняла одно. Ежели тряпицу, к примеру, для перевязи раны проварить, то реже тогда раны гнилости поддаются, заживают лучше. Рога детские тоже, ежели варить в воде, то детей проносит реже. Помирают меньше. Почему бабы того не подметили, не знаю, — пояснила ведьма. — Молоко тоже лучше топлёное давать, аль просто сварить.

Окатив рог, она заменила тряпицу на конце на чистую и снова сунула Виле. Ела она с аппетитом, забавно причмокивая и пуская пузыри.

— Прошка! — домовой дёрнулся от резкого окрика и даже выронил очередной, только что стащенный со стола пирожок. Никакого покоя.

— Что?

— Ты Вилу видел? — ведьма вышла на порог, слеповато щурясь на солнце. Она тяжело сгибалась от болей в пояснице и постоянно её потирала.

— К кикиморе ушла, лягух ловят, — сунув пирог в рот, Прошка вытянул ноги и оперся о бревенчатый сруб избы.

Вокруг простиралось болото. Зрелище было наводящим ужас и страх. Всюду, куда хватало взгляда, торчали корявые чёрные пни и рогоз. От избушки тянулась едва различимая тропинка, уходящая вглубь топей среди покрытых мхом кочек. В тумане, который тут был вечным, виднелись тёмные силуэты мёртвых деревьев, с которых свисал сухой мох, а на поверхности чёрной, стоячей, покрытой ряской воды булькали пузыри. Говорят, это водяной чихает. Но домовой не верил. Водяной он небольшой, тут скорее чудо-юдо какое на дне живёт, да шепунов пускает по ветру. Запах был именно таким — гнилостным и противным. Додумать мысль ему не дали.

— Каких лягух? Иди приведи её домой. Пора зелье варить.

Пришлось вставать. Прошка подумал, что пока Вильфрида лежала в люльке, она ему нравилась больше. Теперь же то и дело приходилось за ней следить. Юркая и бойкая девчонка минуты продыха не давала. То с упырятами ускачет куда, то с кикиморой на конец болота уйдёт. А он ходи ищи её. Как ходить научилась, а это почитай года четыре назад, так и нет ему покоя.

— Все лапти стоптал ужо, а всё ты! — злобно сверкнул он глазами в сторону затаившегося в кустах Тишки.

Притащивший девчонку упырь фыркнул, от чего в носу надулся пузырь. Который он с шумом втянул назад.

— Сожрал бы лучше, — домовой махнул лапкой, из которой вылетел и упал прямо в жижу только что начатый им растягай. — Тьфу, ещё и пирог из-за тебя упустил.

Упырёнок тут же стащил выроненное и запихал в зубастую пасть. Перепончатые лапы, покрытые бледной серой кожей, помогли затолкать приличных размеров добычу и были обтёрты об обрывки штанов, что болтались на поясе, перехваченные бечевой. Прошка сплюнул, вновь махнул лапой и отправился на поиски пропажи.

Девчушку он нашёл быстро, ещё издалека заслышав звонкий смех.

«У-у-у, негодница, ещё и радуется, что Прошеньке ходить за ней», — злобливо подумал домовой.

— Вилька! А ну быстро домой! — он вышел на топкий берег болота. Кикимора Гранька, завидев его, тут же сморщила тонкий, похожий на сучок носик. Небольшого росточка, слегка горбатая, в драной, из болотной тины рубахе и юбке, она смешно дёргала носом и щурилась.

— Просиний Белянович, с чем к нам пожаловали? — она кокетливо сложила сухонькие ручки.

— За ней вон! — отрезал Прошка, которому ужимки кикиморы порядком надоели. Раньше он только рад был бы. Но теперь, когда эта несносная нечисть постоянно утаскивала девку, а ему приходилось их искать, вызывало только раздражение.

Схватив Вильфриду («выдумала ж имечко, старая») за маленькую ручку, Проша потащил её за собой. Выговаривая на ходу, что её там все ищут, а она, негодница эдакая, по болоту лягух гоняет.

Вилька тараторила без умолку, рассказывая, что лягухи — это заколдованные витязи и ежели найти такого и в уста поцеловать, то он обратно обернётся, и девки ладные тоже есть, и надо бы ему, Проше, найти такую. Домового аж передёрнуло при мысли, что придётся целовать склизкую холодную жабу, а то, что ведьма заставит, лишь бы внучке угодить, он даже не

сомневался. И потому начал отговаривать девчушку от мысли про поиски ему суженой среди болотных жительниц.

— Баушка, мне Пьоша сказай, — в силу малого возраста девчушка плохо выговаривала многие слова, чем тоже немало раздражала и так вечно недовольного домового. — Сьто ягухи, это не князи.

«Ягухи, — мысленно передразнил её Прошка, — сама ты ягуха, а они жабы. Холодные и противные». Он с детства не любил их, почему и сам бы не смог объяснить, просто вот терпеть не мог их холодные перепончатые лапки и липкие тельца.

Ведьма меж тем увела внучку в дом, что-то той рассказывая. Лишь бы не то, что невесту там ему сыскать можно, обратился к богам с просьбой домовой. С этой станется. Его снова передёрнуло. Он ярко представил себе, как целуется с каждой жабой в болоте.

Но вроде бы боги миловали. Ни завтра, ни через неделю никто его целовать квакух не заставил. Зато старательно рассказывалось о том, какая Граня чудесная. Как она сети из тины плетёт, как травы нужные находит. «Решили зайти с другой стороны», — понял Прошка. Ведьма давно его оженить пыталась, теперь и мелкую дрянь надоумила, и та всё чаще притаскивалась домой вместе с кикиморой. А та, в свою очередь, приносила настойку мухоморовую, которую он очень уважал. И потому каждый раз, как приходилось отодвигать от себя чару, сердце его обливалося кровью. «Ну что за коварные люди, так издеваться над несчастным домовым». Но сдаваться он не собирался. Привыкший жить бобылём, он им оставаться планировал и далее.

Шли месяцы, а затем и годы. Девка росла, набиралась ума и знаний, как молодая берёзка тянется к солнцу. Прошка, хоть и ворчал по привычке, уже не так строго смотрел на неё. Даже тревожился порой, как вот сейчас, когда бабка Ясиня наконец решила отпустить Вильфриду на первую в её жизни Ярилину ночь. К людям ведьма её не пускала, но разрешила погулять с мавками да русалками, что собирались на лугу возле реки Белой. Там они водили хороводы до утра, пели песни и пытались изловить неосторожных парней, что загулявшись забредали в их владения.

Бабка, провожая Вильфриду, строго наказывала:

— В реку не лезь, слышь? Водяной сегодня разгуляется, хоть и побаивается меня, но тебя утащить может. Да и с мавками будь осторожна — они хоть и веселятся, но шутки у них злые.

Девка покивала, нацепила на голову венок из полевых цветов и рванула по тропке в сторону леса. Ясиня сперва хотела домового вслед отправить, но подумала и махнула рукой:

— Пусть учится быть самостоятельной. Не вечно же мне за ней присматривать.

На берегу реки Белой было шумно и весело. Духи леса праздновали Ярилину ночь, и казалось, сама природа ликовала вместе с ними. Мавки, прекрасные и невесомые, кружились в хороводах. Их длинные зелёные волосы струились по гибким телам, а бледная кожа светилась в лунном свете. Глаза, тёмные и глубокие, как лесные омуты, сверкали озорством. Они смеялись, бегали друг за другом, а их венки из полевых цветов рассыпались по траве, оставляя за собой ароматный след.

Русалки, одетые в новые белые рубахи, подаренные деревенскими девками, водили большие хороводы. Их зелёные волосы сияли, как трава под ветром, а синие глаза светились, словно вода в лунную ночь. Они пели звонкими голосами, и казалось, что сама река подпевает им.

Лесавки, более дикие и необузданные, прятались в ветвях деревьев. Чёрные волосы, спутанные и украшенные листьями, шелестели при каждом движении. Они пугали пробегавших под деревьями мавок, а потом смеялись, как дети, радуясь своей шалости.

Вильфрида, очарованная этим зрелищем, вдруг заметила сидевшую в стороне утопленницу. Девушка была бледной, с мокрыми волосами, и глаза её были полны печали. Вильфрида подошла ближе.

— А ты чего не веселишься? — спросила она.

Русалки, словно стайка птиц, тут же окружили их, защебетав:

— Она только вчера утопла…

— Замуж идти не хочет…

— Домой хочет…

Их тонкие бледные руки тянулись к Вильфриде, стараясь коснуться её тёплого тела. Она слегка отшатнулась, но не испугалась.

— Водяной её сегодня новой женой сделает…

— А она печалится…

Вильфрида вздрогнула, представив толстого, покрытого склизкой серой кожей водяного. Его перепончатые лапы, слюнявый рот с налимьими усами… Как он будет тянуться к этой бледной, но такой красивой девушке, лапать её белое тело…

— Он же противный, — прошептала Вильфрида.

— Он царь водный, это честь…

— Честь…

— Царицей на год станет…

Русалки затараторили, кружа вокруг них. Сами-то они уже забыли, как им было в первый день.

— Завсегда царицей та становится, что первой накануне Ярилы утопла, — пояснила одна из них.

Вильфрида отмахнулась от мельтешащей нечисти и спросила утопленницу, как так вышло. Та рассказала, что пошла по воду, а Умилка, её подружка, столкнула её в реку и не дала выплыть. Всё из-за Добромысла, парня, что краше всех в их деревне. Он её сватать хотел, а Умила его любит.

Вильфриде стало жаль бедную девку. Она сняла с пояса цветной кушак и протянула утопленнице:

— Возьми. Говорят, если русалке кушак подарить, она сможет в Навь уйти, а не жить на дне речном.

Утопленница взяла подарок, и в её глазах мелькнула надежда. Но настроение веселиться у Вильфриды пропало, и она, попрощавшись, отправилась домой.

Дома её поджидал Прошка. Он сидел на лавке, жуя пирог с капустой, и смотрел на Вильфриду с привычной усмешкой. Бабка Ясиня уже спала, и потому Вильфрида, налив себе простокваши и отломив кусок пирога, села рядом и рассказала домовому о встрече.

Тот усмехнулся:

— Всех жалеть, никаких кушаков не напасёшься. Ты ведьма, Вилька, какая жалость? Тебя люди боятся должны и духи. А ты что? Эх… — Он махнул лапкой. — Спи иди ужо, жалостливая.

Сам же, оставшись один, задумался. Тяжко ей придётся, ежели она всех вот так жалеть станет. А многие этим ещё и пользоваться станут. Стоит о том с ведьмой поговорить. Она совсем стара стала, скоро и на краду идти, а девка к жизни ягини пока совсем не готова. Слишком мягкая растёт.

А в это время в своей горнице бабка Ясиня развернула старую тряпицу, в которой хранились её самые сокровенные вещи. На свет она достала небольшой сундучок из камня, гладкого и тёмного, словно вобравшего в себя всю тьму ночи. Посмотрела на него пристально, словно пытаясь разглядеть что-то важное, открыла, поморщилась от яркого света из него. А потом, тяжело вздохнув, спрятала обратно.

— Не время ещё, — прошептала она. — Не время…

Завернула, и тряпица снова легла в сундук, дожидаясь своего часа.

Тёмные боги

Она шла, держась рукой за тын из тонких кривых жердей. Тёмные, покрытые потрескавшейся кожей руки цеплялись за неровные палки. Завидев людей, она тянулась к ним, повторяя раз за разом:

— Дочка, вы не видели, где моя дочка?

К юродивой бабе привык весь Любич: лет шестнадцать назад она потеряла ребёнка. Муж, кузнец Бажан, тогда перепил хмельного мёду, избил женку и вытолкал её с ребятёнкой в ночь. Где она шаталась три седмицы, никто не знал, но вернулась почерневшая лицом и одна. А Бажан спустя несколько дней сгинул. Поговаривали, что она его топором зарубила. Но свидетелей не было, а сама баба с глузду двинулась. И вот уже почитай шестнадцать годков ходила по улицам, ища потерю. Те, кто пожалостливее, кидали ей порой еды.

И сейчас ей от торговки калачами прилетела горбушка хлеба, в которую жадно вцепились узловатые руки. Хищно впившись зубами в ноздреватую мякоть, она торопливо заглатывала подачку, не замечая падающие крошки. За ней, как обычно, следовала целая стайка воробьёв, чирикая и ссорясь из-за упавших хлебных крошек.

Её тёмные, глубоко запавшие глаза постоянно рыскали по сторонам, словно она всё ещё надеялась найти свою потерянную дочь.

Чирикая, птахи устроили свару за еду прямо под ногами бабы, то и дело схватываясь в борьбе. Но, заслышав топот копыт и громкое ржание, тут же разлетелись кто куда. А женщина словно не замечала вылетевшего прямо на неё всадника на вороном коне.

Высокий, широкоплечий, с копной непослушных пшеничного цвета кудрей, выбивавшихся из-под шлема, он чуть было не сшиб бесноватую. И разразился бранью, махнув коротким мечом. К нему тут же подскочил местный гончар.

— Не серчай, княже. Юродивая она. Сама не понимает, что творит. А ну пошла отсель, кыш, Любавка! — махнул он крепкой рукой, прогоняя бабу. Та сверкнула глазами, но шмыгнула прочь.

Всадник смерил юродивую презрительным взглядом и, пришпорив коня, поскакал вперёд, оставив за собой облако пыли.

Князь Светозар, а это был он, уже как год сидел на престоле древлян. В Любич он ездил, помня о словах няньки Малуши, померших вместе с отцом в прошлом году, что именно там живёт его суженая. Всматривался в лица всех девушек, но сердце пока огнём так и не загорелось. Вот и сейчас, возвращаясь из полюдья, заехал в городок.

Проехав по улицам, мощёным дубовыми плахами, свернул к терему наместника Гостомысла. Тот, уже предупреждённый воями, ждал князя у ворот, одетый в домотканую рубаху и штаны, заправленные в сапоги из сыромятной кожи. Поклонившись, пригласил Светозара в дом: сходить в баньку да потрапезничать.

Зная, зачем князь ездит в Любич, Гостомысл завсегда приказывал дочкам за столом чару подносить тому, а вдруг всё же хмель сердце огнём охватит и породниться получится. Но пока всё пустое.

Вот и сейчас Нежданка с Красимилой крутились вокруг стола, наряженные в лучшие рубахи из белёного тонкотканного льна, расшитые узорами из красной нити, да яркие понёвы из плотного сукна. Очелья звенели монетками и бусинками-глазками. А сами девки то и дело смеялись, да погромче, показывая ровные белые зубы.

Светозар их словно и не замечал. Развалившись на лавке среди своих дружинников после бани, он отправлял в рот куски сочного тушёного мяса и делился с Гостомыслом, как прошло полюдье. Рассказывал, сколько дымов не смогли собрать шкурок и отдали по сыну ему в вои.

Жаловался, что дороги все позамело, обозы еле тянулись. Елизар, его воевода и друг детства, сидел рядом и кивал, подтверждая слова князя.

Рассказал, что около Барановичей волки лютовали, пришлось задержаться, чтобы стаю извести. Совсем жизни людям не давали, проклятые. Словно гнал их кто. Лесорубы говорили, что волки стали с севера приходить, голодные и злые.

Гостомысл кивал, а сам всё на дочек поглядывал. Подливают ли они князю в чару, улыбаются ли. Те и сами были не прочь уехать в Искоростень, а потому улыбались широко, двигались мягко, женственно, да всё в чару мёда подбавляли. Елизар, глядя на их потуги, лишь в усы посмеивался, знал он, что князя таким не пронять.

Жена Гостомысла, Мила, глядя на всё это, аж лицом потемнела. Надо же так, дочек, как рабынь на торгу, подсовывать. Будто у них другого приданого нет, кроме телес белых да услужливости. Но муж не оставлял попыток сосватать их за князя и потому от жены каждый раз лишь отмахивался.

А девки у них были умницы, рукодельницы. Такую любой бы рад в жёны взять. Но Светозар и головы не поворотит. Женщина досадливо поморщилась. Родичи княжеского рода — это, конечно, хорошо, но пренебрежение, выказываемое князем раз за разом, уже порядком её злило.

Князь же, казалось, вообще не замечал красавиц. Он лишь изредка поднимал глаза от чаши с мёдом, чтобы обвести всех присутствующих хмурым взглядом. Сидевшие мужи от этого взора глаза отводили, умел он глянуть так, что хотелось в нору поглубже забиться и там приезд княжеский пересидеть.

Допив очередную чарку хмельного мёда, князь поднялся. Тяжело хлопнув ладонями по столу, он отправился наверх, в отведённую ему опочивальню. А Миларада зашипела на мужа, едва за князем закрылась дверь.

— Видишь же, плевать ему на дочек наших! Зачем девкам с воями крутиться рядом? Выдай их за Ярослава, вятичи давно хотят с нами породниться. Дался тебе этот Светозар!

Муж шикнул на разошедшуюся бабу и со стуком поставил чашу на стол. Тяжело поднялся и тоже отправился отдыхать. Князь встанет рано, и ему, Гостомыслу, тоже придется вставать.

Миларада проводила мужа хмурым взглядом и пошла в горницу, где спали её дочери. Девки уже почивали, утомлённые плясками и угощениями. Миларада постояла над ними, вздохнув, и поправила одеяла.

— Спите, мои красавицы, — прошептала она.

Проснувшись, Светозар плеснул в лицо ледяной водой из глиняного кувшина, прогоняя остатки хмеля. Надел любимую рубаху, на белом полотне которой яркими нитями были вышиты обережные знаки рукой его кормилицы. Подпоясался и спустился в трапезную, где его уже поджидали Гостомысл и Елизар, его верный воевода.

Налив из бочонка кваса, Светозар отпил. Хорош. Кисловатый, холодный, то, что нужно после вчерашнего застолья.

Но сердце покоя не давало. Как всех девок пересмотреть? Вдруг ту самую пропустит? Его осенило: «Точно! Надо просто всех собрать». Об этом тут же было сказано Гостомыслу. И дан день, чтобы собрать всех девушек от тринадцати до двадцати лет от роду. Чтобы князь мог на них посмотреть.

Гостомысл досадливо крякнул, но воле князя перечить не посмел. И отправил воев по домам, девок собирать.

Смотрины прошли за три дня. Девушки шли чередой, одна красивее другой, но сердце князя так и молчало. Нет среди них его суженой. В отчаянии Светозар расспросил наместника, не уезжал ли кто из городища. Тот поморщил лоб, сказал, что несколько семей уехали. Но было то давно, и куда — он не ведает.

Светозар помрачнел. Как найдешь теперь, что богами ему послана? Ежели она неизвестно куда родичами увезена. С этими думами засобирался в путь. Пора было и домой возвращаться.

Выехав за ворота Любича, Светозар пришпорил коня и пустил вскачь по дороге. Елизар припустил следом. Князь в последнее время ни о чём, кроме той, что бабка ему обещала, не думает. Догнав Светозара, поехал рядом.

— Друже, не гневись, но оглянись вокруг. Неужели ничего не видишь? Совсем тебе эта девка ум застила, — проговорил воевода. После смерти отца он занял место подле молодого князя и был тому верным другом и соратником.

— Вижу, — буркнул Светозар. — Снег кругом.

— То-то и оно! Снег. А уже снегогон! А снег и таять не думает.

Светозар резко натянул поводья, тормозя коня. И словно пелена упала с глаз. И правда. Не слышно первой капели. Метель метёт, будто лютень на дворе. Как он этого не замечал?

Соскочив с лошади, выхватил меч и хотел было по берёзе ударить. Елизар мягко остановил его руку.

— Древо, княже, ни при чём. Не вымещай злобу на нём.

Тяжело дыша, Светозар воткнул меч в снег. Прав был воевода. Пора за ум браться, а не по Любичу в поисках девки, как пёс, поднявши хвост, носиться.

Успокоившись, он сел обратно в седло. Махнул мечом дружине, чтобы за ним следовали, и отправился к ближайшей деревеньке Крутогорке. Там их должен был уже ждать староста Буян. Гонца к нему отправили ещё три дня назад.

Съехав с пригорка, увидели деревню. Над высоким частоколом вились дымки топившихся изб. Но ворота были закрыты. И лишь когда обоз подтянулся ближе, стражники распахнули их. Рядом с воротами стоял сам староста Буян, широкоплечий мужик с окладистой бородой, в тёплой овчинной шубе.

— Княже! — воскликнул он, кланяясь. — Ждали мы тебя!

— Какими новостями порадуешь, Буян, — ответил он, спешиваясь. — Что скажешь?

— Пойдём в избу, княже, — качнул головой Буян. — Недобрые вести у меня. Упырь завёлся.

— Упырь? — нахмурился Светозар. — В Крутогорке?

— Да, княже. Повадился он к скотине да людям. Троих уж уволок. Кровь всю выпил, да нутро повыел.

— Надо что-то делать, — князь нахмурился и направился к избе старосты. — Вечером с воями в дозор пойду.

— Да зачем же, княже, сам-то? — заметил староста, семеня рядом. — Сейчас мужей соберу, и с дружиной пошлю.

Войдя в избу, Светозар сел на лавку у стола. Староста налил ему квасу из глиняного кувшина.

— Рассказывай, Буян, — князь отпил из кружки. — Когда это началось?

— Да вот, княже, с месяц назад, — ответил тот. — Сначала скотина пропадать стала. Овцы да коровы, а потом и люди.

— И что вы сделали?

— Да что сделаешь, княже? Стали запирать скотину в хлевах, да по ночам караулить. Но упырь хитёр, обходит все ловушки.

— Не иначе как местный, — задумчиво произнёс Светозар. — Знает все тропы и повадки.

— Так и есть, княже, — согласился Буян. — Полагаю, кто-то из наших обратился.

— Надо найти его и убить, — князь постучал пальцами по столу. — Иначе он всех вас перебьёт.

— Верно, княже, — кивнул староста.

Вечером князь вместе с воями вышел в дозор. Положив руку на навершие меча, он внимательно осматривался, выискивая упыря в ночных тенях.

Меч у него был знатный. Клинок из воронёной стали был прочным и острым. Рукоять из резного дерева удобно лежала в руке. Навершие меча было сделано из серебра и изображало голову волка с оскаленными зубами.

Светозар получил этот меч в подарок от своего отца.

Меч для воя был не только оружием, но и символом власти и чести. Носить меч имел право только свободный муж. Рабы и челядь прав владения оружием не имели. И берёг князь свой меч как зеницу ока.

Оглаживая пальцем волчью голову на навершии меча, Светозар чутко прислушивался к шорохам. Деревенька жила своей жизнью. В хлеву мычали коровы, позади слышалось блеяние овец. В крайней избе, где жила вдовая бабка, чему-то смеялись девки. Небось на вечерки собрались да играли в лычки и козла. Вон и парни из других изб так и шмыгали.

Внимание Светозара привлёк излишне громкий шум из дальнего хлева. Махнув рукой, он позвал с собой Елизара и, держа меч на изготовку, распахнул дверь.

Над задранной коровой склонилось существо, похожее на человека, но с неестественно бледной кожей, горящими красными глазами и острыми зубами. В руке с огромными когтями были зажаты потроха коровы.

— Упырь! — воскликнул Светозар, обнажая меч.

Существо обернулось и посмотрело на князя. Его глаза вспыхнули ещё ярче, а клыки обнажились в жуткой усмешке. Растопыренные огромные уши чуть дёрнулись. И упырь резво перемахнул через загон. Выскочил в окно, используемое для проветривания хлева, и был таков.

Дружина кинулась по следам, на ходу выпуская стрелы по нежити.

Тварь перескочила забор и кинулась в сторону леса.

Елизар остановил князя, сказав, что дружина и сама справится. Через час они и правда притащили голову нежити, насаженную на кол. Рассказали, что догнали его в подлеске. Тварь пыталась достать воев кривыми когтями, но её быстро упокоили длинные копья. Сердце упыря, как и положено, пронзили осиновым колом, а тело разрубили на куски и раскидали.

Светозар кивнул. Он был спокоен, что упырь наконец-то уничтожен. Теперь можно возвращаться в деревню.

Староста наутро почти час кланялся и князю, и его дружине. А Светозар задумчиво смотрел вдаль. То волки в Барановичах, то упырь в Крутогорке. Зима, что не уходит. Всё это пугало сына князя Пересвета. Такого на его памяти ещё не было. Стоило поспешить в Искоростень, поговорить с волхвом Беловидом. Он мужик умный, гляди, что подскажет. А что не знает, так то боги ему расскажут.

Собрав дружину, Светозар отправился в путь. Ехали молча, каждый думал о своём. Светозар думал о том, что происходит в его княжестве. Почему волки стали нападать на людей? Почему появился упырь? Почему зима никак не кончается?

Добравшись, князь сразу вызвал волхва Беловида. Стоя на гульбище, он смотрел, как по двору спешит высокий мужчина. В тяжёлой, богатой шубе из соболиных шкурок, с тяжёлым посохом в руке. Посох Беловида был предметом многих перешёптываний. Сделанный из тёмного дерева, с поверхностью, покрытой замысловатой резьбой. На верхушке посоха был вырезан лик Велеса. Поговаривали, что посох был вырезан из самого мирового древа, которое соединяло Явь, Навь и Правь. Бабы даже шептали, что посох может открывать двери в другие миры.

Поднявшись к князю, волхв поклонился. Светозар слегка склонил голову в ответ. И рассказал Беловиду, что по пути приключилось. Задумался Беловид. Затянувшаяся зима грозила мором землянам древлянским.

Не посеешь вовремя поля — и не будет урожая. А тут ещё и нечисть повылазила.

Ушёл он на капище, богов испросить. Но и боги не смогли внятного ответа дать.

Порешили тогда, что надобно задобрить Змея, что в реке Уж живёт. Выбрали самую красивую девку да утопили в полынье. Но и опосля этого Лель не проснулась, и весна не пришла.

И тогда Беловид вспомнил о том, что грозил Леший роду княжескому тёмными богами.

Уговорил князя принести жертву Чернобогу. На капище бычка черного забили, щедро облив идола кровью горячей. Но и этого было мало, ответил Чернобог, но сказал, что гневаются он и Мара, не дадут они Лели проснуться.

Волхвы неделю совет держали и порешили на нём, что нужно Светозару отыскать меч Харалуг и победить тёмные силы.

Вспомнились князю слова нянькины да отца: «Прадед наш спрятал его, чтобы он в злые руки не попал, да где — не сказал. Говаривали, что хранится он у той ворожеи, что изгнанна им была. Хотел он её вернуть. После того как он Лешего победил, тракт да град построил, иссяк источник живой водицы. Вот и хотел он ведьму уговорить найти новый, только отказалась она, обиду глубокую затаила. Но меч на хранение приняла. А где та ведьма теперь? Никто того не знает».

Понимал князь, что ведьмы, конечно, поболе людского срока живут, но, скорее всего, её и в живых уже нет. А где меч, никто не знает, как говорил отец. Знал он только, что жила она где-то на болоте, аж за самим Туровским лесом, но где точно, только сам прадед Светозар то ведал.

С мрачными мыслями уходит от волхвов князь: «Где ведьму искать, а ежели жива, отдаст ли она меч? И даже отдаст, как победить самого Чернобога?»

И снова на ум ему пришли слова нянюшки: «Карачун яйцо жар-птицыно заморозил, льдами окутал. От того птица не возродилась и богиню не пробудила. А сделал он то от обиды великой на Дадона. Ему и спасать княжество от неминуемой гибели. Порешили, что князю снова плыть на остров Буян, спасать яйцо…»

Но помнил он, что без меча и верной жены делать там неча. Присел на полати, задумался. Решил, что перво-наперво меч сыщет, а потом уже и суженую свою искать станет. Меч отыскать всё же проще. Хоть какая-то указка имеется.

Бабкина загадка

— Прошка!!! — черноволосая девушка с глиняной бутылкой в руке ворвалась в избу. — Ты опять всю настойку вылакал, супостат проклятый?! — голос её не предвещал ничего хорошего.

Небольшой, покрытый чёрной мохнатой шёрсткой домовой выронил из руки надкушенный пирожок с капустой и икнул.

— Чё сразу Прошка? Как что, так сразу я? — ушёл он в глухую оборону, прячась за покосившуюся от времени печь.

— Мне что назавтра Горке отдавать? Тебя? — девушка потрясла над головой глиняной бутылью. — Вот я тебе!

Она схватила веник, но Проша шустро юркнул за пыльную занавеску, висевшую на жерди у печи. Научил на свою голову, была добрая да покладистая, а выросла сущая ведьма.

— Я, между прочим, тебя выкормил, выпестовал… — раздался из-за занавески голос с нотками жалобными да обиженными.

— Кто? Ты? А кто меня сожрать бабке советовал? — голос юной ведьмы дрожал от возмущения. — Выпестовал он!

— А кто тебе молоко из деревни носил? Шарканок строгал да люльку из ивовой лозы делал? — девушка подозрительно притихла, и домовой продолжил. — То-то! Всё Прошенька. И вот она, благодарность людского племени. Веником. Старого домового. И как тебе не стыдно.

В бок печи прилетела бутылка. Проша благоразумно затих. Через минуту выглянул, девка сидела на лавке, опустив голову, от чего чёрные её волосы, длинные и густые, как смоль, закрывали лицо.

— Вилька, ну ты чего? — он осторожно приблизился. — Из-за настойки, да? Там ещё ж есть… Не горюнься, — он тронул лапкой край поневы, грубой домотканой ткани, расшитой по подолу затейливыми узорами. И вспомнил, как два года назад она с лавки в неё впрыгивала.

«Молодая девчонка стояла на грубо обтёсанной лавке и, весело смеясь, примерялась, как половчее прыгнуть, чтобы попасть точно в широко раскрытую юбку-поневу, что держала старая ведьма. Обряд был старинным и очень важным, символизирующим переход из детства в юность, в пору невест.

Бабка Ясиня, державшая поневу, была лесной, хотя уже скорее болотной ведьмой. Она приняла найденную упырями на болоте Вильфриду как внучку и нарекла девочку этим именем. Обряд перехода из детства в юность совершался в возрасте пятнадцати вёсен. Девчонка должна была прыгнуть в раскрытую поневу. Если она попадала точно в середину, то считалось, что она готова к замужеству.

Вилька, как звали её домашние, домовой да кикимора с упырём, задорно смеясь, запрыгнула в поневу с первой попытки. Ясиня поцеловала её в лоб.

— Ну вот и выросла, — сказала она. — Теперь уже не дитятя».

— Бабку Ясиню вспомнила, — всхлипнула из-за завесы волос ведьма. — Расскажи мне про неё. Она мало говорила о себе.

Ясиня померла месяц назад. Прошка и Гранька с Тишкой помогли Вильфриде собрать краду и проводить ту как положено. Но тоска до сих пор не покидала названную внучку лесной ведьмы.

— А что тут расскажешь, — Проша задумался, почесывая за ухом. — Я ж уже много годов тут один жил. Старая ведьма померла, изба в запустение пришла. Крыша прохудилась, стены покосились, окна затянуло паутиной. Я уже думал, всё, помру.

— А ты-то отчего? — перебила его молодая ягиня, откладывая в сторону недошитый рушник, взятый ей, чтобы занять руки, на котором красовался затейливый узор из разноцветных ниток.

— Что бабка учила, всё мимо пролетело, — домовой покачал головой. — Мы с домом вместе помираем, как только он разрушится, так и нас не станет. Ты слухать будешь или вопросы задавать? — даже осерчал он.

— Буду, буду, — примирительно сказала Вила. — Только ты не ворчи.

— То-то же! Вот. Что я там сказал? Помирать собрался я, вот. Сижу, печаль с невзгодами да лишениями заедаю грибом сырым, ложку строгаю. Тут дверь как шарахнет по стенке. От грохота пыль с потолка посыпалась. Я кубарем и улетел за печь. И силой такой повеяло. Ажно страх меня взял. Тут и бабка твоя вошла. Волосы всклокочены, глаза яростью горят. Но дом принял её, теплом окутал. Она как-то вся и прониклась. А тут и я вылез. Новую ведьму, значится, поприветствовать. Рассказала, что её из мира чудного выгнали, что в Лесу Великом был. Выпер Лесной князь. И древлянский тожа. Она пять дней по болотам да лесам скиталася, голодала, холодала, пока избу не нашла. Так и стали вместе жить.

Вила помнила этот рассказ, но, со слов бабки, там было не так жутко, как помнил это домовой. «Много дней я по лесам аки волк металася. Из сил, почитай, выбилась. И тут ноги как сами меня на край болота вынесли. Смотрю, изба стоит. Думаю, зайду, переночую хоть. Дверь распахнула да внутрь вошла. Гляжу, на столе ложка недоскобленная лежит, качается. А никого не видать. Присела на лавку. А из-за печки как комок грязный как вылетит. Я чуть концы и не отдала».

— Опосля, можа, через год аль два, не помню ужо, князь Светозар явился. Не тот, что сейчас княжит, прадед его дальний. Как дорогу отыскал, то только боги ведают. Бабка-то твоя все дорожки мороком заговорила, глаза отводить она знатно умела. Но и ты научишься. Пришёл, значится, на колени бухнулся да так жалобно запричитал, — Виле мало верилось, что сам князь на коленях стоял, но перебивать не стала. — «Спаси, говорит, Ясиня, иссяк источник живой водицы». Но бабка твоя ухват взяла и как погонит его. Князь аж отшатнулся да побледнел весь. Осерчала люто. Тогда упросил он её меч принять. Непростой. Булатный клинок Харалуг. Выкован тот меч, говаривают, в глубокой пещере огнём самого трёхголового Змея, что в горах обитает. И оттого сила в нём неимоверная заключена. Даже богов им сразить можно. Но правда то аль досужие сплетни, что бабы по базарам носят, не ведаю.

— А что бабушка? — Вила вновь принялась вышивать отложенный рушник.

— Что-что, приняла она тот меч.

— И какой он? — спросила девушка, не отрываясь от работы.

— Красивый, — ответил Проша. — Весь из чёрного железа, а на лезвие руны наложены и будто светятся. Широкое такое лезвие, обоюдоострое. Рукоять вся в знаках обережных, а навершие в виде главы змия исполнено. Глаза змеи из яхонтов самоцветных сделаны.

Вильфрида представила себе этот меч и почувствовала, как по её спине побежали мурашки, даже от рассказа силой веяло. Она никогда не видела ничего подобного.

— А сейчас он где? — больно уж ей хотелось самой на то чудо поглядеть.

— Спрятала его твоя бабка. А куда — даже мне не сказала. Чары навела, что глаз отводят. Сказала лишь, что придёт время и тот, кому он предназначен, явится. Слова ему нужно передать, и ежели он с добром пришёл, то меч сыщет.

— Какие слова? — ведьма подалась к домовому.

Тот наморщил лоб, припоминая, что ему велела передать Ясиня:

— Он ни близко, ни далеко.

Он ни низко, ни высоко.

Средь цепей тот меч хранится,

Сыщет тот, кто не боится.

У пленённого царя
Ноша, князь, лежит твоя.

Вила, как ни пыталась, не смогла разгадать бабкино послание. А тут и домовой «обрадовал», что вторая часть есть. Когда сыщет князь то, что у царя, придётся снова поискать:

— Отыскал ты, князь, каменья.
Применил ты все уменья.
Отыщи теперь клинок,
Чтобы он тебе помог.
Тот клинок во тьме таится.
Коли сыщешь, пригодится.
Берегись ты, князь, чего-то,
Стащит он тебя в болото.

Чем вовсе запутал девку. Бабка, оказывается, меч на три части разобрала. И отыскав клинок да глаза, нужно было ещё и главу Змия сыскать с рукоятью. О том, где она, говорилось в третьей части:

— Змий лежит и ждёт свой час,
Поджидает где-то вас.
Коль придёшь к нему один,
Не видать тебе седин.
Потому возьми с собой
Ту, что звать твоей судьбой.
Лишь она найдёт дорогу
И положит меч к порогу.
Знает лишь она одна,
Где лежит его глава.

Вильфрида приложила палец к губам. «Да, умела бабка туман напустить. Интересно, зачем вообще такой сильный меч может понадобиться? И какой из князей явится? Дреговичей или же потомок Светозара, древлян правитель?» — об этом и решила домового расспросить.

Тот задумался и ответил:

— Думаю, что древлянский. Их это меч. Да и бабка твоя из древлян. Но могут, конечно, и дреговичи прознать, и радимичи. Но видится мне, что знал что-то Светозар, когда меч оставлял. Ведал, что пригодится он. А у Ясини в сохранности будя. Оттого и ехал так далеко, искал её. А теперь тебе эту тайну хранить.

Слова Проши заставили ведьму задуматься. Хотелось разгадать загадку, но что за царь, какая тьма — она так и не поняла. Как и то, почему князь не доживет до седин, если явится один. Чем больше она думала, тем сложнее, заковыристее ей казалась загадка. Плюнула она на это и решила, что пусть князь голову ломает и та, что ему судьбой напрядена.

Весна и лето всегда были порой трудной, не до долгих размышлений в эту пору. Нужно было запасы припасти на долгую, холодную зиму. А потому начинать надо было, едва снег сходит. Гранька, кикимора и подруга бабки, обещалась помочь посадить репу да тыквы. Но сперва требовалось обряд провести — отомкнуть землю после холодов и посеять зерно, без которого не будет хлеба. К нему-то и готовилась новая болотная ведьма, или ягиня, как ее звали деревенские.

А пока она наблюдала, как домовой с Тишкой распахивают мерзлую землю, чтобы скорее отогрелась. И готовила угощение Полевику. Ясиня завсегда тому приносила на край пахоты крынку молока да каравай хлеба. Земли на болоте было немного, но задобренный ведьмой дух завсегда помогал с урожаем.

А ей пора идти огород готовить. Бабка приучила её садить репу, капусту, гречихи немного да овса с пшеницей. На хлеб да на каши. Была грядка и под тыкву с огурцами. Тишка помогал грибов намочить да насолить.

Вечером Вила распустила волосы, надела белую, простую из тонкого льна рубаху и вышла на распаханную землю. Прошка и Тишка, заведомо упреждённые, носа из дому не казали. Гранька их там приспособила пироги помочь ей испечь. А потому никто не мешал ягине провести необходимые действия.

Скинув рубаху, Вила легла на землю и стала по ней кататься, приговаривая слова обрядовой песни:

«Отец наш Род,
Землю разбуди,
Семена прими,
Урожай роди».

Она знала, что, глядя на тело женщины, Род окропит семенем своим землю, в которую она после обряда посеет семена, и урожай будет хорошим.

Ведьма каталась по земле, приговаривая слова заговора, пока не почувствовала, что земля готова принять семена. Этот обряд проводился каждый год в каждом селе и деревне. Он был призван обеспечить хороший урожай и плодородие земли. Считалось, что тело женщины обладает особой силой, которая может передаваться земле и способствовать её к плодородию. Поэтому для проведения обряда выбирали самую плодовитую и здоровую бабу в деревне.

Посеяв семена, девушка оделась и отправилась в дом. Там уже вкусно пахло пирогами с капустой и зайчатиной. Тишка ещё вчера поймал беляка и принёс им. Он частенько угощал дичью ягинь, которые, в свою очередь, привечали уже изрядно подросшего упыря. Вилька так и вовсе его кем-то вроде брата считала. Почитай, он же её и спас. Иначе бы разодрали её его родичи.

Несмотря на славу кровожадных тварей, Тишка был спокойным. На людей не кидался, ловил дичь по лесам. А ещё мог и подсобить чем. Ясиня говорила внучке, что из-за чего-то в нём осталось духа человеческого малая толика, когда другие, становясь упырями, облик людской теряли вовсе и лишь крови жаждали. От того, видать, родичи Тишку и не жаловали, не видели в нём своего. Люди тоже принимать этого недоупыря не желали, так и прибился он к ведьме, что жила на болоте.

После смерти Ясини Тишка и вовсе поселился в избе, жил в клети, где раньше ютилась Вилька. В отличие от бабки она была добрее, но к людям, как и Ясиня, не ходила, считала, что незачем. Отвары да мази в деревни по-прежнему носил Прошка, принося взамен молоко с мясом, иногда творог и масло. Вот и назавтра нужно было отнести Гориславе настойку мухоморовую, что вылакали эти две бессовестные рожи. Вздохнув, Вила налила в бутыль нового зелья и прибрала в корзину. До деревни, где жила Горка, несколько часов ходу. Проша встанет засветло, чтобы к вечеру управиться.

Закончив приготовления, ягиня распустила волосы и села на постель. Сон никак не шел. Она вспоминала рассказы бабки о том, как та князя Светозара спасла и чем тот ей отплатил. И всё больше убеждалась, что жить среди людей ей не хочется. Лживые они, не умеют ценить добро, им сделанное.

Ясиня сына его спасла, а что в ответ? Была изгнана жить на болотах. Люди с окрестных деревень хоть и просили помощи, но сами избы сторонились, бабку нечистой силой считали. А тот же Тишка, спасённый бабкой от анчутки, что хотел над упырёнком подшутить, да чуть не утопил, отличался верностью, почти собачьей.

Русалка, которой она кушак подарила, тоже завсегда приплывала её проведать. Хоть и не помогло это ей уйти в Навь, но помнила та доброту. Рыбы могла принести и просто посидеть на берегу, поболтать. Подруг у Вильфриды не было, она как-то попробовала в лесу заговорить

с деревенскими девками, так те её шишками закидали, а потому была рада даже общению с русалкой.

Водяной их тоже не обижал, мог жемчужину красивую подарить или раков наловить.

С этими мыслями она легла в кровать и накрылась шкурой, подаренной лесовиком. И зачем этим людям помогать? Явится князь, сказать, что не ведает ничего про меч, и пусть катится восвояси. С чего она ему помогать станет? Его прадед сильно бабку её обидел, а она теперь ему меч сыскать помоги. Вот ещё. Лучше сама отыщет. Такой силы оружие и ей самой сгодиться может. И почему Ясиня вечно горевала о том, что так и не стала ведьмой княжеской? Про Бажану вспоминала, а та сгинула, её и искать никто не стал. Неблагодарно людское племя, прав в этом Прошка.

Во сне ей привиделась бабка. Ясиня стояла подле кровати и гладила морщинистой рукой по волосам.

— Не горячись, девка. Мара-то в тебе говорит. Хочет с пути сбить. Ты и сама племени людского. Их и держаться надобно. То, как со мной обошлись, и моя вина. Не во всём я с тобой честна была.

Рассказала, как они с Лешим обманули князя. Что поверила нечисти и хотела таким способом стать ведьмой самого древлянского правителя. Позволила сгубить Бажану ради своих честолюбивых помыслов.

— Тебе судьба уготована богами яркая. В две нити Макошь прядет твою жизнь. По какому пути пойти, только ты сама выбрать сможешь. Стать Мары жрицей и соратницей верной, да людей губить, или же верной подругой и советницей князя. И вместе с ним Русь от гибели спасти. Но как оно станется, никто не ведает, ни я, ни Мара, ни сама матушка Макошь. Лишь ты сможешь дороженьку свою проложить. Лишь тебе под силу с богами тягаться. Оттого и меч приняла. Знала, что будет у меня внучка, да силы такой, что мне и неведома. А как её сыскать, сама вскоре поймёшь, как за мечом князь явится. Но то когда будет. А пока спи, моя искорка ясная. Не тревожься понапрасну.

Провела рукой по голове её и исчезла, как и не было.

Вильфрида подскочила на кровати. Сердце бешено стучало в груди. И пойми, бабка ли то приходила, правда, аль от думок да рассказов Прошки что примерещилось. Спустив с постели босые ноги, дошла до кадушки с водой, омыла лицо, попила из пригоршни. И села на лавку. Тут и домовой встал.

— Чаго не спишь? — спросил он.

Вила рассказывала ему про странный сон. Прошка задумался.

— Утро вечера мудренее, ложись-ка, девка, спать. Как оно будет, время покажет. Явится ежели князь, тогда и думать станешь, помогать ему иль Маре. А пока нечего печалиться. Даже ежели бабка твоя нечисти помогала, сына княжьего она спасла. Да и не от злого умысла помогала, Лес важен был. Но что теперь прошлое ворошить. Спи, ступай, а я в деревню.

Вильфрида вернулась в постель, а домовой выскользнул из избы и потрусил по тропинке меж болотных кочек. То, что девке судьба непростая уготована, знал он давно, но не хотел раньше времени ту тревожить. Время всё по местам расставит, а боги путь верный ей укажут.

Дальняя дорога

— Севка! — Светозар спустился с крыльца и окрикнул конюшего.

Тот похлопал вороного жеребца по крупу и, обтерев руки, поспешил к князю.

Светозар, наряженный в тёмную шерстяную рубаху, подпоясанную ярко вышитым кушаком, и плотные шерстяные штаны, ладно сидевшие на статной фигуре, стоял у терема. На ногах у князя были высокие сапоги из мягкой кожи, отороченные мехом. Вотола из мягкого войлока лежала на широких плечах. Собираясь в походы, князь старался одеваться неброско, практично. Вот и сейчас он скорее походил на зажиточного крестьянина, чем на князя древлянских земель.

— Оседлал? — конюший как раз готовил скакуна Грома к выезду. Княжич решил, что отправится в путь один, так ловчее. А пока его не будет, заправлять оставил совет волхвов.

Севастьян кивнул и подвел коня к Светозару.

Конь был вороной масти, с длинной гривой и хвостом. Он был сильным и выносливым, с мускулистым телом и крепкими ногами. Сбруя, хотя и не была богатой, но была прочной и надёжной, изготовленная из качественной кожи и надёжно закреплённая на коне. Удобное седло было изготовлено так, чтобы князю было сподручно долгое время находиться в нём без устали. Уздечка, простая, но крепкая, позволяла хорошо управлять конём.

Вскочив в седло, Светозар пришпорил лошадь и выехал за ворота. Путь предстоял неближний. До Любича планировал доехать за несколько часов. Без обоза, верхом, двигался он достаточно быстро. Но по дороге заехал в Крутогорку. Узнал у старосты, как обстоят дела. После поимки упыря деревня жила спокойно, что князя порадовало. Староста предложил не скакать по темну и остаться на ночь. День и правда был коротким, словно не снегогон на дворе. Потому предложение Светозар принял. Он сходил в жарко натопленную баньку, потрапезничал у старосты и лёг спать.

Наутро, едва рассвело, Светозар пустился в путь. И спустя три часа был у ворот Любича. Гостомысл обрадовался приезду князя. Пригласил в терем, где снова крутились, наряженные, как на Ярилу, девки. Князь только вздохнул, видать, от помыслов наместника его только женитьба и спасёт. Тот пожалился Светозару на то, что весна не приходит. Пришлось рассказать о том, что волхвы смогли узнать. Гостомысл только руками всплеснул. Сам Чернобог осерчал на их земли. И как с ним князю бороться?

Светозар рассказал ему о мече волшебном, что способен богов победить, расспросил про ворожею. Гостомысл в ответ только хмыкнул. Но куда делась ведьма Ясиня, он не знал. Говаривали, что где-то у дреговичей обосновалась. Но леса вокруг Турова дремучие, болот много, где именно она пристанище нашла, того не ведал наместник. Попрощавшись, Светозар дальше двинулся. Хотелось ему до Щучьего плёса, что почти на границе земель древлянских, добраться затемно.

В Плёсе его, как и положено, встретил староста. Драгомил был высоким, грузным мужчиной с широкими плечами и мощной грудью. Густая рыжая борода обрамляла его суровое лицо, на котором выделялись глубоко посаженные серые глаза. Одетый, несмотря на то что тут было теплее, чем в Искоростени, в неизменный овчинный тулуп, толстую шерстяную рубаху и валенки, он стоял в воротах, широко раскинув руки в приветствии.

— Доброго здоровьица, княже. Не ждали мы тебя так скоро. Вот же полюдье было, — густой бас Драгомила разнёсся над селом, заставив птиц вспорхнуть с ветвей деревьев. — Аль приключилось чего?

Князь решил раньше времени много не болтать. Сказал лишь, что хочет вещь в род вернуть, что его прадед у ведьмы спрятал. Но и Драгомил не знал, где та обитает.

Переночевав, утром князь снова выехал в путь. Впереди были земли дреговичей, поросшие густыми лесами. Стоило князя Радмира предупредить бы, что едет к нему с миром. А потому послал из Плёса гонца в Туров, а сам неспешно следом двинулся.

Переночевать решил в селе Буруны, что на реке Припеть стоит. Там завсегда можно было остановиться у бабки Малены, которая с радостью принимала гостей заезжих. Сплетни послушать да досужие разговоры.

До Бурунов доскакал до темна. Нашёл покосившуюся, но ещё крепкую избу. Потемневшая от времени, стояла она на отшибе. Говаривали, что бабка Малена с бесами знается, но правда то, аль чья выдумка, Светозар того не ведал. Но бабка всегда тепло привечала гостей, а потому в избе её часто останавливались те, кто проездом был в селе. Сегодня гостей у бабки не было. Он постучал о притолоку и, склонив голову, вошёл в сени.

Просторное помещение, служившее одновременно прихожей, кухней и столовой, было прохладным, видать, гостей давно не заезжало. Деревянный пол был усыпан соломой, чтобы впитывать грязь. В углу располагалась печь, явно давно не топленная. На грубых деревянных лавках, расставленных вдоль стен, были наброшены шкуры.

Пройдя через сени, Светозар вошёл в горницу. Это была большая комната со сводчатым потолком и двумя окнами. Стены были украшены вышитыми рушниками и чурами. У дальней стены стоял широкий деревянный стол, за которым могли разместиться сразу несколько человек. Рядом находились лавки и сундуки, доверху набитые хозяйственной утварью и одеждой. На одном из них и сидела хозяйка избы. Тянула одной рукой нить, второй крутила веретено.

— Здрава будь, Малена, — поклонился ей Светозар.

— И тебе не хворать, княже, — щуря подслеповатые глаза, повернулась на голос бабка.

Князь гостил тут не первый раз и тайны, кто он таков, не делал. Малена отставила пряжу и, кряхтя, поднялась.

— Жрать, поди, хочешь? — грубовато спросила она. Ей было без разницы, кто заезжает в гости, в своём дому княгиней была она, остальным же следовало вести себя учтиво и спокойно.

— Не откажусь, — Светозар присел было на лавку. — Весна, смотрю, пришла почти... — начал было он, но его тут же перебила хозяйка.

— А чё расселся тогда? Дрова я рубить стану, что ли? Поди, дров наколи, печь истопим. Баню затопи тоже, воды натаскай. И я помоюсь.

Если она и якшалась с бесами, то ягиней была неправильной. Те сами и баню истопят, и накормят. У Малены же кров приходилось отрабатывать даже князю.

Вздохнув, Светозар закатал рукава и вышел во двор. Поплевав на ладони, он взялся за топор и принялся колоть дрова. Через пару часов во дворе уже вовсю курился дымок бани, а сам князь утирал пот со лба вышитым рушником, на котором был изображён какой-то зверь. Казалось ему, что дров он наколол бабке на пять лет вперёд.

Помывшись, его наконец усадили за стол, где стояла миска с моченой брусникой, грибы из кадушки, каша и томлёная репа с зайчатиной. Накормив гостя, бабка предложила рассказать тому сказку. Всё ещё скучая по кормилице, хоть и будучи взрослым мужем, Светозар согласился.

— В стародавние времена, когда ещё боги ходили по земле, — начала свой сказ Малена, — не было смены времён года. Всегда стояло тепло на дворе. Цветы цвели яркие, солнце светило. Но не все тому были рады. Тёмные боги Чернобог, Мара да Карачун и тогда уже холод да тьму любили, и задумали они извести Ярилу да Семаргла, чтобы землю-матушку погрузить во мрак да лёд. Долго гадали они, как им то исполнить. Наконец придумали. Оборотилась Мара девой, что красивее на свете нет. И села на камне Ярилу поджидать. Тот завсегда по одной тропочке ходил. И идёт он, и видит:

Сидит на камне красавица писаная. Волосы золотистые, словно рожь поспевшая, рассыпались по плечам, в них вплетён венок из полевых цветов. Глаза голубые, как небо весной,

а губы — красные, словно ягоды лесные. Сарафан алый, с вышивкой на подоле, расшит бусинами да золотыми нитями. На груди висит ожерелье, камни в нём переливаются разными цветами. Лицо белое, румяное, а сама девица пригожа и статна, но печальна. Горькие слёзы так и катятся по щекам.

Ярило залюбовался девицей и подошёл к ней ближе.

— Здравствуй, красна девица, — молвил он. — От чего горько плачешь?

Поднялась Мара, поклонилась ему.

— Потеряла я в пещере под горой очелье, что мне батюшка подарил. Никак отыскать не могу.

— А зачем же ты, девица, туда ходила? — подивился бог.

— Убежал туда мой козлёночек, искать ходила. И его не нашла, и подарок тятин упустила.

Жалко Яриле стало девицу. Решил помочь ей. Пошёл к пещере в горе. Высокая гора была, а пещера тёмная, вход в неё узкий и извилистый. Ярила склонился и вошёл внутрь.

Сначала шёл он по широкому коридору, но потом коридор стал уже и ниже. Всё глубже и глубже в пещеру спускался бог. Воздух становился холоднее и сырее. Стены пещеры были неровные, то и дело попадались острые выступы и глубокие трещины.

Ярила шёл осторожно, чтобы не пораниться. Он всматривался во тьму, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. И слышит позади грохот. Бросился взад, а там уж завалило вход камнями. То Чернобог и Карачун постарались. Заперли бога солнца. Оставалось изловить Семаргла.

Бабка перевела дух и налила себе простокваши. Посмотрела на дремлющего князя и предложила тому на печь ложиться. Светозар противиться не стал. А Малена сказ продолжила:

— Заманили они его наперво в реку. Тоже с помощью Мары. Та дитёнком обернулась и как давай кричать, что утопнет сейчас. Семаргл как раз мимо летел. Спустился ближе к реке, попытался ребятёнка выхватить. Тут-то его на дно Мара и утянула. Остыл огонь его. А там и Карачун с Чернобогом подоспели. Сковали лапы да крылья. И оставили под водой. Темно на земле стало, холодно. Собрались боги на совет, как быть. Богиня смерти не просто так по земле ходит, нельзя её просто пленить. А она и одна многое наворотить сможет, за другов своих месть тая. И порешили, что отныне каждый месяц в году будет богам отдан. Тёмные получили себе Студень, Лютень и Лютовей. От того зимой и темно, и холодно.

Светозар, накрывшись шкурой, уже уснул. Малена погасила лучину и тоже легла. Улыбнулась своим думам и глаза закрыла.

Наутро князь рано встал, но бабка уже не спала. Накормила его кашей с блинами, в дорогу туесок собрала. И её Светозар расспросил о ведьме. Призадумалась Малена.

— Много в наших лесах ведьм. Но на болоте лишь три живут. Какая уж из них твоя, того не ведаю. Первая живёт недалече от Вороньего, к ней ближе всего, почитай на границе земель древлянских. Что на ручье Звонком. Вторая в Бережках почти, где Топи гиблые, это к кривичам ближе. Третью сыскать можно подле Белого камня, там и речушка тоже имеется, и болото. Он на границе трёх земель почти, древлян, радимичей и наших. Более ничего не знаю, не помогу.

Поклонился князь, поблагодарил за кров и помощь. Три ведьмы — это, почитай, не всех проверять. Начать решил с Вороньего, до него на коне часов пять езды по лесу.

Оседлал коня и пустился в путь. Тропка в лесу хоть и была, но видно, что чаще пешими по ней ходят. То и дело конь о корни спотыкался. Спешился Светозар, решил, что лучше дольше идти и коня в поводу вести, чем сверзнуться и голову свою сломать. Долго шёл, устал уже. Решил присесть, поесть, чем боги послали, и ногам роздыху дать. Тут было заметно теплее, весна уже, считай, вступила в свои права, нежели в его землях. Значит, и правда боги осерчали и на земли древлянские проклятье своё наслали.

Поел и пустился дальше в путь.

Тем временем в Любиче Гостомысл спорил с женой.

— И что, что князь? — горячился мужчина. — Да я с энтим дивом сам не хуже любого князя стану. Богам указывать смогу. Вам бы, бабам, как мышам за печкой сидеть и нос оттуда не казать.

Жена его хватала за руки, пытаясь не пустить со двора.

— Одумайся, чурами прошу. Недоброе ты, Гостомыслушка, затеял. А как не выйдет? О дочерях подумай. Заклинаю, стой.

— Отпусти добром! — наместник вырвал рукав из цепких пальцев бабы. Та ринулась следом.

— Стой, прошу тебя!

Но упрямый наместник твёрдо решил раздобыть меч волшебный, что князь Харалугом назвал. Но кому такое дело поручишь? Ежели человек неверный, а в таковых Гостомысл не верил, сам был не из таких, то меч-то может и мимо него ускользнуть. И самому пойти никак. А ежели меча не существует? И все россказни — бабьи выдумки. Думы в голове были сложными.

Отцепившись наконец от жены, Гостомысл сбежал в свою клеть. Закрылся и стал кумекать, как дело провернуть. Порешил, что отправится всё-таки сам. Всем скажет, что поехал князя выручать, дескать, попал тот в беду страшную. Но как без дружины ехать? А с воями боязно. Прознают про меч да и утопят в каком болоте, а меч себе захапают. Хитрее тут поступить нужно. А как, всё скумекать не мог.

И жена эта ещё, нет чтоб поддержать. Вот добудет меч, её первую прогонит. С этими мыслями вышел в горницу, где уже крутилась Нежданка. Мать её недолюбливала за характер, как у Гостомысла, да и имя её говорило само за себя. Матери она была не люба. Зато отец в ней души не чаял.

Заметив, что отец чем-то опечален, Нежданка подошла ближе. Расспросила. Да тут же и надоумила.

— А ты, тятя, возьми воев. Но зачем едете, не говори, а как ведьму сыщете, придумай им дело какое да отошли.

И как сам до такого не додумался, сразу видно, в него девка, головастая. Вот меч добудет и лучшего жениха ей сразу с ним сыщет.

А то и саму княжить посадит, вон, в землях Светозара. Планы в голове Гостомысла были грандиозные. Он уже представлял, как завоюет земли русские, хазарские да ромейские. А то и все другие тоже. С таким-то мечом ему всё под силу будет. Все головы перед ним склонят.

Поцеловал дочь в чело, пообещался, как возвернётся, на торжки взять, да бусами всю грудь ей увешать. И отправился воев в путь-дорогу собирать, чтобы князь их сильно не обогнал. Без меча-то ему с ним не совладать. Но как обойти князя? Тот хорошо вперёд ускакал. И снова дочь подсказала:

— А ты, тятя, пошли вперёд воя из верных, но соври и ему, скажи, пусть князю передаст, что на Вручий напали. Он тогда, глядишь, и возвернется.

Но такой план Гостомысл не одобрил, надобно тогда, чтобы и взаправду кто напал, а то поймёт князь, что недоброе затеял наместник Любича. Но кого послать во Вручий? И вспомнил он тут о жрице Марине, решил той предложить службу сослужить своей хозяйке да козни Светозару учинить. Покумекал и придумал, могли эти жрицы упырей поднять. То и подозрений не вызовет после Крутогорки, и князя, ежели не возвернутся, то понервничать и поиск меча остановить заставит. А ещё решил вдогон послать разбойников, пусть и они князя остановят. А ранят, так ему ещё и отлежаться придётся. То, что убить не смогут, то он понимал, необученные два лиходея с князем не справятся, но проблем доставят.

Этой же ночью сговорился с ними и отпустил, оставив в залог сына старшего из татей.

А наутро отправился к жрице, что жила на краю города. Коль боги тёмные на Светозара гневаются, то не должна она ему отказать. А уж награду он ей пообещает. Правда, не получит она её, но то ей знать незачем. Главное, чтобы дело исполнила.

Жрица сразу соглашаться не стала, решила сперва Мару испросить. Пообещалась назавтра с ответом придти. Но Гостомысл ответил, что сам явится, нечего сплетни раньше времени по городу пускать. И довольный собой отправился в терем. Где уже поджидала жена.

— Вы это что с Нежданкой удумали? — вновь напустилась она на мужа. — Нешто можно такое удумать? Против самого князя идти удумали. Головы не сносите. Привяжут вас промеж берёз и отпустят, — снова заголосила баба, хватая Гостомысла за руки и пытаясь отговорить от затеи меч себе забрать.

Тому её крики порядком надоели, оттолкнул он от себя бабу и взялся за вожжи. Решил уму-разуму её научить. Взяла привычку на мужа кричать. Ну ничего, скоро меч у него будет, а там он ужо ей покажет, где раки зимуют. С этими мыслями он опустил вожжи на спину жены.

Долго ещё из терема крики бабы доносились. Пришлось даже ворожею звать, чуть до смерти не забил.

Северный гость

Тишка сидел на берегу и что-то строгал из палочки. Домовой с удочкой уже битый час пытался понять, что такое пытается выстрогать упырь, но к разгадке так и не приблизился. А спросить как-то не решался, вот ещё, показывать, что ему интересно, чем там этот дохляк занят. Вила с утра погнала их из избы, уборку затеяла, видите ли.

Готовилась к Яриле. Домовой нервно передернул плечами, к его празднику так не готовилась. Пирог испекла и довольная, горшок бы ей разбить. Но сам научил, что надо быть твёрже, потому ежели горшок расколотишь, то самому веником битым быть, как мыши. Это Проша понимал. Но злость не уходила, чем он хуже Ярилы этого? От неё и на упыря нервничал, сидит, ножичком скребёт. Ещё и рыба совсем не ловится. День выдался на редкость неудачным. Гранька эта ещё, чтоб её бесы куда унесли, опять о свадьбе заговорила. Нешто не понимает, что домовому просто неприлично с кикиморой обжениться?

Нет, жениться-то он не против, но ему б домовиху какую, но поблизости свободных не имелось. От того и ходил бобылём.

Вильфрида тем временем прибралась дома и готовилась к обряду. Вся деревня ждала толчённой в ступе воды. Её полагалось набрать из нескольких ключей, что били неподалёку, истолочь, читая наговоры, и, разлив по бутылям, раздать людям. Такая вода помогала от многих хворей. А ещё должны были принести детей на «побитие вербой». Ворожея легонько постукивала хворых веточками, и те быстрее выздоравливали. Дел было много.

С утра козу в поле первый раз выгнала, тоже оходив ту по отощавшим за зиму бокам веткой вербы.Деревенские мужики с утра уже по полям катались да по лесу колобродили, волков якобы кормили, но на деле больше пугали.

Прошка плюнул на рыбалку и смотал нить с самодельным крючком, надо новых кузнецу заказать. И собрался уже было домой идти. Сколько можно на мёрзлой пока ещё земле сидеть, так и утин подхватить недолго, как из лесу вышел мужик, красивый и высокий, со светлыми длинными волосами, заплетёнными в косы. Надетая кольчуга была прикрыта плащом из волчьей шкуры. Крепкой рукой он сжимал топор. Лицо его было суровым и обветренным, а глаза сверкали синим огнём.

Мужик остановился на краю поляны и окинул взглядом сидящего на берегу Прошку, реку и лес. Тот, в свою очередь, тоже удивлённо смотрел на незнакомца. Что-то знакомое было в фигуре воина, а то, что он воин, домовой не сомневался.Тот подошёл ближе.

— Здесь живёт вёльва Эйшина? — голос с сильным северным акцентом выдавал в нём варяга или нормана.

Прошка почесал нос: «Эйшина — это Ясиня, что ли?». О том и спросил гостя.

— Эйшина, да, вёльва, — подтвердил тот.

— А ты сам чьих будешь?

— Я Эгиль Ульв, сын Одда Рауда, конунг Тронхейма. А ты кто? — кажется, его совсем не смущал ни сидящий рядом упырь, ни сам домовой.

Такого подробного ответа Прошка не ожидал. Но зато вспомнил, кого ему этот ухарь напоминает. Оддом звали того северянина, что лечила Ясиня, а это, стало быть, его сын. «Понятно!»

— Прошка я, домовой, — буркнул тот.

— Гутгин?

Прошка нахмурился: «Чегой-то он обзывается».

— Никакой я не уткин, а до-мо-вой, — по слогам произнёс он. — За домом слежу. Понимаешь? — как неразумному дитяти, пояснил воину. Тот кивнул. «Ну наконец-то понял!».

— Я так и сказал, гутгин.

«Тьфу ты, опять уткин или как там он бормочет, разбери этих норманов». Решив не повторять (всё равно своё лопочет), домовой важно приосанился.

— Ясиня померла давно, опоздал ты. Можешь взад вертаться, — тут как назло явилась Вильфрида и с интересом уставилась на Эгиля.

«Ну вот, сейчас ещё влюбится, того гляди, — промелькнуло в голове Проши. — В избу поселит, и будет этот болтун меня опять уткиным обзывать».

— А ты кто? — решила тут же выяснить ведьма.

Тот снова представился. Объяснил, что ищет Ясиню: отец перед смертью просил той дар передать. Вильфрида, нет чтобы прогнать (ворчливо подумал домовой), предложила гостю пройти в избу.

«Воооот уже началось!»

— Я Вильфрида.

Гость (хотя какой он гость, явился без зова) тут же заохал, какое красивое имя, видите ли.

— Прекрасна липа скалы змеи,
Украшенная слезами Фрейм,
Живёт за морем в Гардах;
Тогда как я желал бы,
Чтобы молодая Хлин утёса сокола
Мне была бы рождена,
Чтобы Луны ресниц её.
Мне сияли, — он смущённо замолк.

А Вила непонимающе посмотрела на покрасневшего северянина.

— Я не скальд, но висы немного умею сочинять, — похвалился тот.

— Красиво, но непонятно, — ведьма задумалась, а Эгиль тут же перевёл ей своё творчество.

— Прекрасная дева, украшенная золотом, живёт в Гардарике, а я бы хотел, чтобы её глаза сияли лишь мне.

Теперь уже Вильфрида зарделась от удовольствия. Домовой аж недовольно крякнул, совсем как утка, небось этот рыжий и сглазил. В избе Вилька налила рыжему (как звал его про себя домовой) простокваши и подала приготовленные на вечер пироги. Между прочим, любимые пироги домового, с потрошками. А ему утащить с утра не дала, по лапам отхлестала рушником.

«Вот пусть теперь ей этот дрова и колет», — злобно подумал Прошка, наблюдая за тем, с какой скоростью исчезают пироги в ненасытном брюхе Ульва. Плюнув, домовой вышел во двор, дров наколоть, по вечерам ещё было прохладно, да и на утро надо было запасти. Отобедав, тот сытно икнул и начал рассказывать, как он на своём драккаре по морю прибыл. Единственное, что понял домовой, это то, что драккаром тот называл ладью. Зайдя в избу с охапкой в руках, услышал конец разговора:

— И вот тогда Ньёрд наслал на нас бурю. Но был с нами мудрый Атли, что ведал сейд. Смог он остановить шторм и не дал Ньёрду перевернуть драккары, — Вилька сидела, подперев голову кулаком, и слушала, чуть ли не рот открыв.

За спиной со скрипом приотворилась дверь, и в избу шмыгнула Гранька — тоже, видать, интересно на заморского гостя поглядеть. Тот же соловьём заливался, снова свои эти висы Вильфриде читал. От его стихов даже кикимора зарделась и толкнула остреньким, сухим локотком Прошку:

— А чтоб и ты мне такое почитал, а?

На скрипучий голос обернулись и Вила, и Эгиль. Тот хлопнул ладонью по столу и заржал, что тот конь:

— А это кто, Просья, кюна твоя?

Домового аж перекосило, как кабана какого обозвал. Он хлопнул дверью и выскочил вон, тяжело дыша от душившей его злобы. И эта ещё хороша, сидит, смеётся. Нет чтоб ухватом пригреть да из избы выкинуть.

Вильфрида с недоумением оглянулась: «Что это на него сегодня нашло? Как с привязи сорвался».

Домовому же пришлось зайти обратно.

— Там детей на побитие притащили, тебя ждут. Аль сказать, занята? — язвительно добавил он.

— Уже иду, — жестом остановила она поднявшегося было нормана. — То женское ведовство, мужчинам смотреть нельзя. Побудь тут.

Эгиль послушно кивнул и снова опустился на лавку. Почти до вечера с окрестных деревень несли ведьме хворых, она читала над ними наговоры, легонько стегала вербой. Выполнив обязанности, Вила устало вернулась обратно, где её тут же засыпал вопросами северянин. Он не понимал, зачем нужно бить детей. Ведьма, как смогла, объяснила ему суть обряда. Тут и Прошка из-за печи вылез, где пробыл всё время, не желая общаться с гостем.

— Всё, пора и честь знать. Негоже девке в одной избе с чужим мужиком ночевать, в сарае с Дерезой поспишь.

Он шустро вытолкал Эгиля в сараюшку, где жила коза. Тот, привычный в походах ко всему, противиться не стал и тут же рухнул на солому, закинув руки за голову. Вернувшись в избу, домовой напустился на Вильфриду:

— И что это такое творишь? В деревню тебе надо, там мужиков справных много. Неча на иноземцев глядеть. Сейчас голову тебе задурит, и поминай как звали. И будешь, как бабка твоя, потом годами вздыхать и ждать, когда он вернётся, а не вернётся… — Проша замолчал, поняв, что сболтнул лишнего, но Вила уже пристала с расспросами.

Пришлось рассказать, что дед этого ухаря тоже красиво пел её бабке, а потом в одно утро собрался и утёк по-тихому. Только его и видели. И более не появлялся на пороге избы. Ясиня долго горевала, даже захворала, еле её домовой да кикимора выходили. Девушка задумалась: северянин ей нравился — весёлый, бойкий и говорил красиво. И собою хорош был. Но как и правда он такой же, как его дед? Сказок наболтает, а потом сбежит восвояси. Решила наутро с ним поговорить.

Разбудил Прошку стук топора. Выглянув в небольшое оконце, увидел, как пришлый, скинув рубаху, дрова колет. Пришлось выходить да заставить надеться. В избе загремела горшками Вила, погрозив кулаком, Проша отправился на подмогу, а то опять все пироги без него сожрут. После обеда норман развалился на лавке и снова начал сказки баять. Расхваливать свой Тронхейм и звать девушку с собой. Та только глазами в домового сверкнула, дескать, видишь, а ты: «Сбежит, сбежит». Решила и она ему что-то рассказать. И начала про бабку да Светозара.

— …А потом он к ней с поклоном приехал, стал упрашивать, чтобы она на хранение приняла от него… — Прошка наступил ей на ногу, не дав закончить. А когда ведьма возмутилась, схватил за подол и вытащил во двор.

— Ты чего это болтаешь? — накинулся на неё домовой. — Чуть про меч не выболтала.

— Так, может, он и есть мой суженый, — начала было спорить Вильфрида. — Вот и приехал.

— И зачем это интересно варягу Русь спасать? Они, знаешь ли, больше набегами промышляют да ищут, где земельки себе оттяпать, — домовой знал о варяжских воинах немного, но поболе ведьмы. — У них её мало. И всем сынам надел дать не выходит, вот и таскаются, ищут, где осесть.

— Он сказал, что он конунг, князь по-нашему, — возразила та.

— А я скажу, что я князь всей Руси, и что — верить сразу? — не сдавался Проша. — Не болтай лишнего, сказано тебе. Что вы за народ такой, бабы, лишь бы языками чесать.

Ведьма фыркнула, но тему разговора перевела. Решила ещё присмотреться к гостю. Но ей, никогда тесно не общавшейся с мужчинами, он казался идеальным кандидатом в мужья. Рукастый, сильный и говорит красиво. Эгиль же, по мнению домового, вёл себя как кочет перед квочкой: ходил, распушив хвост, и всё сманивал Вильфриду куда-то. Та от сладких речей таяла и готова была хоть прямо сейчас рвануть на драккар и плыть к чёрту на кулички. Что задумал этот северянин, Прошка не знал, но догадывался, что хорошего в этом для ведьмы немного. Что-то заставляло его быть настороже и постоянно одёргивать девушку, которая словно разума лишилась. Он даже было подумал, что это колдун какой, который лишь притворяется варягом, но волшбы гость не творил, и домовой решил, что он просто хочет себе силу ведьмовскую заиметь. С хорошей ведьмой завсегда в бою проще — это все знают, и варяги тоже. Не зря же они своих вёльв с собой в набеги таскают. И порешил, что хозяйку избы ему не отдаст.

Из разговоров он уже успел понять, что там ему места не будет. У северян свои домовые имеются, те самые гутгины, — он наконец смог разобрать странное слово, которым его прозвал варяг в самом начале. А значит, бросят его тут, и появится аль нет новая ведьма — кто знает. А помирать домовому совсем не хотелось. Как и отпускать воспитанницу неизвестно куда и с кем.

Кикимора же пеняла ему, что он лишь из своих замыслов мешает девке жизнь строить да замуж выйти.

Вечером северянин уходил в сарай, а утром начинал колоть дрова, таскать воду и, кажется, убираться с их болота совсем не собирался, чем немало злил Прошу. Тишка и тот под обаяние гостя попал. Он помог вырезать тому дудочку, ту самую, что строгал при их первой встрече упырь. И теперь, весело насвистывая, нечисть сидела на завалинке и слушала россказни про богов северных. Вот и теперь баял этот рыжий очередную, как он их называл, сагу про каких-то ётунов. Но говорил складно. Даже Прошка сел послушать.

— Далеко на Севере, в стране, именуемой Ётунхейм, обитали могущественные великаны, известные под именем Хримтурсов — инеистые великаны, — начал Эгиль. — Вечный враг их, бог Тор, бесконечно с ними сражался, истребляя их своим могучим молотом, но один великан всё же уцелел.

Его перебила Вила, попросила рассказать о Торе. Тот отказывать не стал.

— Тор — могучий бог грома и молний, сын великого Одина и Земли Грунн. С его могучим молотом Мьёльниром, что сокрушает врагов, он защищает Асгард и людей от проклятых гигантов. Его сила не знает равных, а храбрость — легендарна! Тор всегда в битве, и ни один противник не способен его остановить. С рыжей бородой, в доспехах, он словно молния на небе! Каждый раз, когда гремит гром, знайте — это Тор на своей колеснице мчит по небесам, в упряжку запряжены два козла — Тангниостр и Тангриснир, что продолжают звать нас к доблести и чести!

Рассказав про своего Бога, продолжил и о великане:

— Он укрылся в снежной горе, и продолжал жить там. Никто не ведал, сколько лет ему было; говорили, что три или четыре тысячи, ибо ни в одной саге его имя не значилось. Этот Великан был высок — его рост достигал почти ста пакенов, а глупость его оценить и вовсе не могли. Может, это всего лишь оскорбительное выражение, но и половины такой высоты и глупости, было бы предостаточно.

Инеистый Великан стойко переносил холод, хотя страшился оттепели, когда ему угрожала опасность растаять. В своей норе он большей частью пребывал в дремоте, но раз в сто лет пробуждался, окидывая взором мир вокруг, чтобы узнать, что происходит в этом новом времени. Это пробуждение дарило ему силы, ведь он, вероятно, надеялся продержаться еще тысячу лет. Во дни минувшие, на службе у инеистых великанов находились мелкие, ловкие карлики, кои именовались чёрными альвами. Они умели видеть сквозь горы и обладали всеми знаниями мира, но лишь одного не могли сделать — создать солнечный свет.

Он бы, наверное, и далее рассказывал, но тут пришла Гранька, сбила его с мысли. Оказывается, к избе прикатил на своей коряге Водяной и уже час ждал Вилу, нужно ему было что-то той сказать.

Девушка поднялась и отправилась вызнать, с чем пожаловал хозяин рек и озёр.

Надутый боле обычного, тот нервно теребил свои усы, что так похожи на налимьи, и нервно озирался. Завидев Вильфриду, подплыл поближе. От Водяного несло тиной и застоялой водой.

— Здравствуй, девица, — раздался булькающий, чем-то похожий на кваканье лягушки голос. — Слышала, что бабку твою князь древлянский ищет?

Вила покачала головой, ничего подобного она не знала, да и откуда бы, почитай, ни с кем, кроме варяга, то и не знается. Водяной продолжил:

— Слыхал я от щуки, что приплыла с самого Ужа, а может, и не она, а кто сказал, что беда приключилась в землях древлян. Осерчал на них сам Чернобог. И теперь молодой князь помощь колдовскую ищет.

Вила почесала кончик носа: ну ищет и ищет, ей с того какая печаль? Да и отыскать болото, не зная, сложно, морок вокруг наведен, и она лично его поправляет. Но любопытство взяло. Зачем это Ясиня опять древлянам нужна стала или же за мечом князь едет? Но этого ей бы не хотелось. Помнила она, как его прадед её бабку обидел. И ежели он её суженый, то такого ей не надо. Но и помогать Маре она не шибко хотела. Может, всё ж чего напутала та щука, что вести принесла? Иль вовсе князь про меч не знает, ежели и явится, то можно самой о мече промолчать. Она бы хотела с варягом жить. Добрый он, ласковый. Сказки бает складно. А что с Прошкой недружен, так то привыкнут. И уезжать не обязательно, можно и тут же жить.

Но Водяному всё же наказала, если явится князь вблизи, ей тут же сказать. На болото не пущать, но и в реках не топить. Сможет добраться, несмотря на преграды чинимые, тогда и поговорит она с ним, а коль нет, то всё равно ему с Чернобогом не тягаться. На том и порешили.

Лиходеи

В Вороньем князю сказали, что ведьма, живущая на болоте, и правда пришлая, но как давно появилась — никто и не помнил уже. Говорила, что пришла от радимичей, не ужилась с тамошним воеводой. Звала она себя Улитой, деревенские — бабкой Улой. Но прозваться-то можно как угодно, кто проверит?

Потому князь сам решил съездить и проверить. У избы встретил сгорбленную старуху с крючковатым носом, в рваных лохмотьях, от которой дурно пахло смесью жира и давно немытого тела. Когда-то именно так описывал ягинь воевода, дядька Видбор.

Светозар спешился, поздоровался учтиво. На что бабка злобно сверкнула почти белёсыми глазами. Он передал ей привет от Светозара. Та и ухом не повела — то ли правда не знала такого, то ли прикидывалась. «Как-то вызнать бы?» Решил князь схитрить. Вызвался помочь бабке, а та и рада. Нагрузила работой, как челядинца какого. Дров ей нарубил, воды натаскал, баню истопил. Бабка намылась, сидит довольная, кашу из грязной миски уминает, да так, что ещё за ушами треск стоит.

Светозар тем временем ей сказки про Лешего рассказывает, ждёт, может, выдаст чем себя бабка. А та кашу сожрала, рот утерла грязным рукавом, икнула сытно и говорит:

— Это ты Ясиньку, что ль, сыскать пытаешься? Слыхала я про неё. Говорят, с тех пор как она от древлян ушла, с ней, почитай, вся магия испарилась. Даже вход в чудной мир закрылся.

Но магия в их землях ещё теплилась, пусть и не такая сильная, как пока Лес стоял. Решил князь не упускать возможность и разговорить Улиту.

Но та боле ничего такого и не знала, лишь то, что Ясиня на болоте, как и она, бобылихой жила, да людей сторонилась. А вот на каком — того не ведала. Вроде как в топях, что люди гиблыми кличут, но давно то было, может, куда перебралась уже.

Поблагодарил князь и за эту помощь, лучше чем никакой, да обратно отправился, на Гиблые топи ехать решил.

Возвращаясь с Вороньего, Светозар был погружён в свои думы. То, что ему повезёт и первая же ведьма окажется той самой, он шибко и не надеялся, но было обидно. А потому засаду на него устроенную проморгал. Стрела вылетела как из воздуха, пробив ногу, и застряла в ней, покачиваясь.

Князь спрыгнул с коня, охнул от боли и, спрятавшись за деревом, выхватил меч. Из-за кустов вышли два мужика совершенно разбойничьего вида.

— Давно мы тебя тут поджидаем, что ты как косой к дереву жмёшься? — хохотнул старший.

— А он нас увидел и в штаны наложил, — поддержал его второй.

Выставив вперёд короткие мечи, они начали кружить вокруг Светозара.

Князь с прищуром следил за татями, держа меч остриём к земле. Те, однако, не спешили нападать, знают, гадёныши, на кого оружие подняли. Святозар сплюнул.

— Эй, чумазые, — позвал он ближайшего мужика, — так и будете плясать, али делом займёмся?

Не ответил тать, а только переглянулся с подельником и отошёл в сторонку, держа меч наготове.

Кровь стекала по ноге Святозара, как бы не окочуриться. Ждут, проклятые, не решаются напасть, пока меч в руке держится.

Князь зарычал, наступив на раненую ногу, но не упал. Подняв меч, нанёс он удар по татю, высек меч искры из оружия вражьего, но не нанёс раны. Подскочил второй и попытался проткнуть князя, да не тут-то было, успел князь отбить подлый удар. А сам погрузил кинжал в брюхо разбойничье, да так, что захлебнулся тот кровью алой.

— Ну что, — Святозар обломал древко стрелы, а наконечник и потом вынуть можно. — Продолжим?

Взвыл разбойник голосом нечеловечьим, замахнулся мечом и налетел на князя, как стая диких воронов. Защитился князь, отвёл удар и сам атаковал. Рассёк меч лишь воздух, увернулся тать и отпрыгнул в сторону.

Усмехнулся Святозар. Неплох лиходей, но больно осторожный. Но есть способ, как на такого управу найти. Не бегать же за ним, в самом деле, словно лису за выторопнем.

Закашлялся князь, упал на колено и склонил буйную головушку. Заулюлюкал мужик, бросился на князя, на ходу замахнувшись оружием.

На то и был расчёт. Отбил князь удар своим кинжалом, да и насадил того на свой меч, аки куропатку на вертел. Завыл мужик, захаркал кровью, да и издох.

— Псу — и смерть собачья, — Святозар с трудом поднялся на ноги. — Жаль, издох, допросить бы не помешало.

Потемнело тут в глазах, и свалился кулём рядом.

Во Вручее тем временем было неспокойно: три упыря за ночь вои изловили, но те успели поперед того двоих горожан порвать, их теперь волхвы выхаживали. В Искоростень гонца послали, чтоб подмога оттуда пришла. Перли мертвяки со всех сторон, почти всех на подходе положили, но вот троих упустили. Не справлялась дружина, что стояла в городище, помощь требовалась.

Жрица Мары, притаившаяся в чаще, злобно хохотала, глядя на то, как нежить город осаждает: хозяйка ей дала добро, чтобы князю насолить, и подлая чёрная душонка бабы теперь ликовала, глядючи на мучения воев.

А в Любиче наместник места себе не находил, ожидая возвращения татей, хотя и надеялся, что те не возвратятся. Не хотелось ему руки свои их кровью марать, а ещё, не дай боги, кому растреплют. Такое дело таясь делать надо. Пока же он продумывал, как от жрицы избавиться, чтобы совсем следы замести. И готовился к походу, якобы выручать попавших в беду Вручан, а на деле — князя сыскать да меч себе оставить. Хотел он хитро поступить: собрать воев и пойти в сторону городища, а там якобы от князя весточку получить и, отправив дружину к Вручию, самому за князем двинуться, взяв пару воев.

Выехав из Любича, он всё время озирался по сторонам: Нежданка должна была послать гонца. Тот нагнал их почти у Искоростеня. Гостомысл досадливо поморщился, но деваться было некуда. Принял письмо, сделал вид, что прочёл. После чего объявил воям, что князь его на подмогу вызывает, а им следует помочь Вручанам отбиться от нежити. А заодно лес прочесать, на предмет вдруг кто упырей поднимает.

Сам же отозвал троих дружинников и в обратный путь двинулся.

Дружина его же дальше двинулась. По пути встретили воев искоростеньских и дальше уже великим войском пошли, будто не нежить рубить, а в поход ратный.

Во Вручии царила суматоха: простой люд по домам прятался, ставни закрыты, двери заперты, и лишь стражники на частоколе дозор несли. До вечера всё тихо было, бабы что посмелее даже обед снесли воям.

Но едва стемнело, послышался из лесу со стороны погоста вой, да такой, что кровь в жилах стыла. То тут, то там замелькали красные глаза, и упыри — из тех покойников, что не на крадах жгли, а хоронили в моровых избах, некоторые из пришлых и вовсе своих мёртвых в землю зарывали — двинулись на Вручий.

Упыри лезли на частокол, цепляясь когтями за брёвна. Их мёртвые тела, покрытые гниющей плотью, источали смрад. Воины отбивались, рубя упырей мечами и топорами. Но упыри были сильны и неутомимы, а их число всё росло. Они перелезали через частокол, прорывались через ряды воинов и врывались в город. В городище люди в страхе разбегались в разные стороны. Нежить же разрывала всех, кто попадался им на пути. Они вырывали сердца из груди, разрывали людей на части, высасывали кровь.

Воины пытались сдержать тварей, но силы их были неравны. Упырей было слишком много, и они всё набегали откуда-то. Вскоре ряды воев были прорваны, и нежить ворвалась в город. Дружинники отступали, отбиваясь от наседавших со всех сторон мертвецов.

Воевода Искоростеня, видя, что город падёт, ежели не извести того, кто нежить поднимает, собрал своих лучших воинов и бросился в лес, чтобы найти лиходея. Долго бежал он по тёмному лесу, цепляясь за коренья да ветки. В снег проваливаясь.

И наконец они увидели посреди чащобы поляну. Стояла там старуха древняя в чёрном балахоне и что-то бормотала. В руках она держала посох, на верхушке которого был вырезан череп. Бросился он вперёд и снёс ей голову. В этот же миг все упыри попадали замертво.

Гостомысл же тем временем почти до Любича вернуться успел, лошадей, не жалея, гнал. Хотел он поскорее в город вернуться, узнать, не явились ли его пособнички. Но по прибытии понял, что о тех ни слуху ни духу. «Порешил их, видимо, князь», — подумал наместник, но то и к лучшему, зачем ему свидетели его подлости. Сменил лошадей и дальше отправился.

Как искать князя, он пока не знал, решил сперва в Плёс заехать разузнать, куда тот двинулся, а там уже и кумекать, как его догонять. По пути он представлял, как будет вершить власть на землях славянских. Будет он правителем сильным, люди будут его бояться и почитать как богов. Построит великие города, обнесённые высокими стенами и защищённые сильными дружинами. И никто не посмеет встать у него на пути. Все перед ним кланяться станут.

Жена вновь попыталась его остановить, но Гостомысл лишь оттолкнул назойливую бабу прочь и из города ускакал. Нежданка же, уже считавшая себя княгиней земель древлянских, хотела было сестру да мать пошпынять, но была теми за косы оттаскана да в погребе заперта, откуда карами им страшными от тятьки, как тот вернётся, грозила.

Открыв глаза, Светозар попытался встать, но голова кружилась, и очень хотелось пить. Над головой виднелись закопчённые брёвна потолка, потемневшие от времени и покрытые паутиной. Вокруг были стены, сложенные из грубо обработанных брёвен, между которыми виднелись щели, замазанные глиной с соломой. В избе было темно и душно. Единственный источник света — небольшое окошко, затянутое бычьим пузырём, пропускало внутрь скудные лучи солнца.

Откуда-то издали доносился знакомый голос: бабка Малена ругалась с кем-то во дворе. Князь осторожно сел на постели и опустил вниз босые ноги. Из одежды на нём осталась лишь нижняя рубаха да порты. Как он тут оказался?

Попытался встать, но тело не слушалось, и, покачнувшись, он сел обратно. Крови потерял много, видимо, вот и слабость.

«Ну что ж, подождём Малену, может, она расскажет, кто меня сюда притащил», — подумал Светозар.

Стены избы слегка кружились перед глазами, но князь упрямо вглядывался в них, пытаясь вспомнить, что произошло. Вот он сражается с разбойниками в лесу, его ранят в ногу… А дальше — темнота.

Сколько он пролежал без сознания? Что произошло за это время? И кто, чёрт возьми, принёс его в избу к Малене?

Заскрипела дверь, и в избу вошла старуха.

— Очухался? — как обычно, в грубоватой манере спросила Малена и села к окну, достав веретено. — Я уж думала, околеешь.

Светозар сел поудобнее.

— А как я у тебя очутился? Я ж в лесу был, что к Вороньему ведёт.

— Так Горяшка тебе притащила, пошла до сестры, она у неё как раз в Вороньем живёт. Говорит: «Иду, гляжу, гость твой давешний валяется, а рядом два мужика, по виду чистые тати, да вспоротые мечом. Я перепугалась, но смотрю, твой-то дышит». Взвалила на плечо да припёрла вот ко мне. Почитай седмицу уже лежишь, — пояснила его появление в избе бабка. — А вчерашнего дня какой-то ухарь явился, лошадь в мыле, тебя всё искал. Я и сама не сказала, и деревенским запретила.

— А кто таков, не сказал? — князь задумался, кто б это мог его искать. Окромя Гостомысла, никто и не знал, куда он направился, а тому зачем бы вслед скакать?

— Не сказал. Я ему сказала, что ты в Воронье уехал, он лошадь повернул и туда поскакал, да так быстро, будто его волки гнали.

Попросил Светозар описать ему мужика.

— Ну каков он? — Малена задумалась. — Лицо широкое, глазки маленькие, как у порося, глубоко посаженные. Губы ещё поджимал постоянно. Нос большущий да кривой. Бороденка жидкая, как у козла. Сам коренастый, толстоват да кривоног. Одет был в простую рубаху и штаны из грубой ткани.

Светозар слушал описание и понимал, что Малена говорит о Гостомысле. Он нахмурился. Зачем Гостомысл так спешит его найти? И почему он не сказал, что это он? Малена сказала, что говорить, что его не видели, не стала — не поверил бы, знал он точно, что Светозар сюда направился. Подивился князь бабкиной смекалке.

Гостомысл же успел найти пособничков своих и в Вороньем разузнать, что князь был на болоте, к ведьме сходил и прочь отправился. Где теперь его искать, наместник не понимал. В Буруны, куда его послали в Щучьем, сказав, что князь там завсегда ночует, возвращаться было боязно, а ну как кто чего заподозрит. То, что князь там часто бывал, знавали все, мало ли с кем он там дружбу водит. Решил и он к ведьме наведаться, авось та чего расскажет.

Бабка приветила угрюмо, всё бурчала. Пришлось подхалимничать да кусок окорока в путь взятого отдать. Тогда и рассказала, что ищет Светозар ведьму древлянскую. Но где та, она не ведает, видать, мало показалось ей окорока, чтобы и этому заезжему рассказать, что знает. Но посоветовала в Турове разузнать, может, тамошние ворожеи что знают.

Туда наместник и отправился, переночевал в Вороньем, а наутро в путь двинулся.

Князь тем временем в себя пришёл, с постели уже сам вставал, но пока слаб был. Не отпускала его Малена в дорогу, мало ли, с коня ещё свалится. Грома Горяшка тоже привела, опосля того как Светозара к бабке притащила. В лесу изловила и привела.

Сама Горяшка тоже захаживала, улыбалась князю несмело и всё поддержать того пыталась. Уж не метит ли и она в невесты? Нет-нет да мелькало в голове Светозара.

Вот и опять пришла, князь смотрел, как крепкая и здоровая девка колет дрова. Высокая и статная, с широкими плечами и узкими бёдрами, руки сильные, ей бы в поляницы. У неё были длинные рыжие волосы, заплетённые в толстую косу, и весёлые карие глаза. Лицо Горяшки было круглым и румяным, с веснушками на носу. Она то и дело бросала на князя взгляд украдкою, откидывала на спину тяжёлую косу и смахивала широкой ладонью с лица пот и выбившиеся прилипшие волоски.

Но девица мало занимала его мысли, ему хотелось поскорее отправиться дальше.

Ведьма, что живёт в топях около Бережков, могла оказаться той самой или нет, но узнать он мог это лишь побывав у неё самой.

Наконец Малена сказала, что сил он достаточно набрался и может дальше ехать, подсказала путь короткий, чтобы по пути в Туров не заезжать. По нему-то Светозар коня и направил. Поблагодарил на прощанье Горяшку, подарил ей бусину, глаза девки так и засияли огнём. Князь даже подивился, такой мелочи радуется, но значения не придал, сел на коня и поскакал.

Дорога до Бережков была, считай, не дорога вовсе, так, тропиночка среди густой чащи, но добрался он быстро, за четыре дня. В деревне отдохнул, снял у вдовой бабы угол, баню помог той истопить, напарился. К ведьме решил поутру идти. И лёг спать.

Наутро, умывшись колодезной водой, поблагодарил хозяйку, оставил ей за еду и кров плату, богатую по меркам деревни, — ленту алую да серебряную векшу. И пошёл через пролесок по тропке в сторону топей.

Дойдя до берега болотца, остановился, гати не было видно, и как бабка тут ходит? Само болото было почти не видно из-за тумана, что стелился почти от топкого бережка. Тут и там то и дело торчали чёрные коряги. Вокруг всё ухало и скрипело, со дна поднимались и лопались на поверхности воды пузыри. Покричал Светозар, пытаясь ведьму дозваться, но никто на зов не откликнулся. Выломал тогда батог побольше и сам вперёд двинулся. Идёт, путь прощупывает, ноги в тине путаются. Всё вокруг хлюпает, булькает.

Тут ещё из-за куста анчутка выскочил, князь от неожиданности аж в болото сел, весна была совсем ранняя, и вода оттого ещё холодила тело. А бесу только радость.

Небольшой, не больше пяти вершков росту, покрытый чёрной короткой шерстью, с длинными острыми коготками, бесёнок скакал вокруг упавшего Светозара и что-то неразборчиво бормотал. Князь вытащил меч и начал им пугать анчутку, как известно, они лишь железо да соль и боятся. Тот заверещал и кинулся прочь.

А в тумане послышался каркающий старческий голос:

— Ты зачем это моего беса стращаешь? А?

Мара

Уже больше двух седмиц гостил в избе на болоте варяг. Дров наколол на три зимы хватит. Даже инструмент странный притащил, похожий на меч, но с тупым концом и весь в зазубринах, назвал пилой. Странная приспособа деревья валила лучше топора, а ещё быстро их на чурбаки разделяла. Прошке инструмент понравился, он даже сам попробовал, металл был тонкий и иногда выгибался дугой. Но приноровившись, он оценил придумку варягов. Надо и им такую с Вилькой заиметь в дому. Но варягу, что оценил приспособу, показывать не стал. «Не-ча, а то возгордится ещё!». И так ходит, как петух, хвост распушив. Прошка постоянно сравнивал северянина с этой птицей или с козлом.

Вот и сейчас Эгиль стоял на краю болота, оглаживая рукой короткую бородку, а в голове домового рисовался образ козла в тёмной рубахе. Он даже сплюнул, когда к тому подошла Вильфрида и рассмеялась от того, что там этот ухарь ей баял. Вечерами варяг постоянно сочинял свои висы, в чём их смысл, Проша не понимал, набор слов какой-то. «Кто ж бабу берёзой щита зовёт? Тьфу! Ладой бы там, лебедушкой, а то берёза. Как чурку какую». Совсем он не понимал, отчего Вила так к этому пришлому тянется.

Девушка тем временем позвала гостя в избу, налила ему кваса и села напротив. Эгиль опять заговорил про то, что хочет видеть её хозяйкой Тронхейма.

Вила, уже знавшая о том, что у варягов живут свои домовые, решила спросить его, как он себе представляет уживание двух домовых.

— Просья останется тут, — пожал плечами варяг. — В Тронхейме уже есть гутгин, зачем второй?

Вильфрида даже дар речи потеряла: как это «останется тут»?

— Ты понимаешь, он же погибнет, если не появится новая ведьма?

— Он просто дух, зачем так переживать? — Эгиль искренне не понимал девушку.

— А Тишка, что будет с ним, с Гранькой? — Виле казалось, что вот-вот он рассмеётся и скажет, что это была шутка. Но варяг не смеялся.

— Они вообще альвы. Ты станешь кюной конунга Тронхейма, а тебя волнуют какие-то альвы? — приподнял бровь варяг.

— Это не какие-то альвы! Они моя семья! — голос Вилы дрожал от гнева. И вот в это она влюбилась? Бесчувственный истукан!

— У тебя будет большая семья, — он начал перечислять своих родичей. — Зачем тащить нечисть?

Это он сейчас назвал самых близких ей, ну ладно, не людей, но существ, нечистью? Нет, они, конечно, нечисть, но… Терпение девушки лопнуло, и она схватила ухват.

— А ну-ка выметайся живо, — наставив на него рога, она начала выталкивать гостя из избы. — Пошёл, говорю! Ну!

Эгиль, ошалевший от напора, свалился с лавки и тут же получил рогатиной в седалище. На шум прибежал и Прошка. С криком: «Наших бьют!» вцепился варягу в волосы. С притолоки от поднявшегося сквозняка упал ошалевший от всего паук. И свалился прямо на нос орущего благим матом варяга. Тот от неожиданности завопил ещё больше, перевернулся и прямо на четвереньках вылетел из избы. По пути чуть не снеся лбом дверь. Где на него тут же набросился Тишка. Упырь вцепился острыми зубами в ногу северянина и трепал того, что твой цепной пёс.

Отбившись наконец, Эгиль рванул в сторону болота, забыл и про меч, брошенный на завалинке, и про приспособу дивную. Едва он ступил в воду, как его тут же окружили мавки и кикиморы, те тоже на шум явились. Чуть не утопили.

Выбравшись на берег с другой стороны, варяг отдышался, опершись руками о колени.

— Сумасшедшие какие-то, — выдохнул он.

Горячая кровь требовала вернуться и отомстить, но тропинка, как назло, пропала, да и хихикающие кругом мавки уверенности не добавляли. Сунься снова — так точно утопят проклятые.

Осмотрел себя на предмет повреждений — так и есть: все штаны разлохмачены, на ноге следы зубов упыря. Варяг задумался: а ежели помрёт? Ядовитые они или нет? Этого он, к сожалению, не помнил.

Сплюнув, поднялся: нога зудела и болела. Дохромав до ближайшего дерева, выломал палку и пошёл в сторону деревни, решив вернуться на драккар и найти вёльву посговорчивее и желательно без приданного в виде бешеных альвов.

Прошка тем временем утешал ревущую в избе Вилу. Она горько рыдала, уткнувшись носом в тёплую, пахнущую пирогами и пылью шёрстку домового.

— Я ему квас наливала, баню топила, — всхлипывала она. — А он что? Пусть, говорит, помрёт. Разве же так можно? Как это помрёт? А Тишка? Какая Тишка нечисть? Правильно, никакая!

Казалось, она говорила сама с собой, но Прошка лишь молча похлопывал её маленькой ручкой по спине.

— И правильно, мы тебе хорошего жениха сыщем, тутошнего, зачем нам эти дикари.

Но пилу в пылу потасовки, пока Тишка трепал варяга, он всё же припрятал: «В хозяйстве сгодится, чай».

— Никакого мне не надо, он тоже скажет, что вы нечисть, — вновь всхлипнула Вила.

— Так ты и его ухватом по хребту погладишь, — усмехнулся домовой, — а мы подсобим.

В избу проскользнула Гранька.

— Чего сырость развели, от сырости анчутки заводятся. А они ой какие зловредные, — кикимора сморщила тонкий носик. — Даже мы их не любим. Вредные они страсть.

Присела на лавку и утащила с блюда румяный пирожок, тут же ухватив кусок побольше мелкими острыми зубками.

— А как вернётся? — всполошилась ведьма. — Это он с нежданки так утёк, а вот вернётся, да с мечом или воев приведёт?

— В болоте притопим, — махнула зажатым в сухонькой ручке пирожком Гранька. «Уже и повадки мои переняла», — недовольно подумал Прошка. — Пусть только сунется.

Пару дней ведьма с домочадцами всё ж провели беспокойно, мало ли явится кто; но, видимо, гость понял, что защитники у Вилы хорошие, и более к ним не сунулся. Водяной сказал, что видели, как драккар от берега отчалил и в сторону севера подался. Ну, то и хорошо, спокойнее стало.

Вила сидела у окна и пряла; веретено споро крутилось в её руке. Задумчивая более чем обычно, она была ещё и молчалива. Прошка решил её чем-то развлечь и рассказал, как девки в деревне Лелин день праздновали.

— Я с горушки наблюдал, — начал домовой. — Ночь ясная была, звёздная; костры запалили большие. Парни с девками через них прыгали, плясали вокруг, песни пели. Красиво как было! Но самое интересное днём, конечно, было. Выбрали Лелю, самую красивую девку в селе. В этом году Жданка ей стала, — домовой покосился на Вилу. — Ежели б ты тама жила, конечно, б тебя выбрали.

— Меня бы не выбрали. Леля — она светловолосая, златовласая. А я? Как ворона! — девушка посмотрела на косу иссиня-чёрного цвета и отбросила ту за спину.

— Но краше других, — начал было Прошка.

— Рассказывай дальше лучше, — перебила его Вила.

— Девы все нарядные пришли, в белых платьях; узоры яркие по подолу вышиты, венки большущие на головах. Усадили Жданку на скамью, дёрном покрытую, и понесли на берег, где гулянье проходит. Усадили в центре и стали ей дары, словно самой Леле, подносить. А как к

полуночи дело дошло, парней прогнали, скинули платья, оставшись в одном исподнем, и стали хороводы водить; но я-то смотреть не стал. Сама знаешь, нельзя мужикам женскую волшбу видеть, особенно в Лельник творимую.

Вила кивнула, отложила пряжу и встала, разминая затекшие от работы руки. Тишка уже натаскал в баню воды: вон дымок курился. Банник расстарался, истопит скоро.

Отнесла кусок хлеба овчиннику: тот исправно следил за хозяйством, нужно было не забывать следить за тем, чтобы всегда сытый был. Идя обратно, заметила в кустах странное существо: черное всё, уши длинные, как у зайца, ручки сухонькие, почти человечьи, и огромные желтые глаза.

«Это же коловерша, — догадалась ведьма. — Неужто сила моя просыпается, о которой бабка говорила?» Вила знала, что коловерши служат ведьмам, но раньше никогда их не видела.

Существо моргнуло и скрылось в зарослях ракитника: не готов он еще к ней в услужение пойти, но его появление — знак добрый. Зайдя в избу, рассказала о том домовому. Прошка, чтоб его бесы унесли, решил изловить коловершу и тут же смылся за дверь.

Из кустов послышалась возня, по двору пронёсся чёрный заяц, а верхом на нём — истошно орущий домовой.

— Стой, тебе говорю! Стой, окаянный, — орал Прошка, вцепившись в шкуру коловерши.

Тот метался по двору, сшибая всё на пути, и тоже орал как резаный, к тому же голосом вполне людским.

— Отцепись от меня, нечисть проклятая, — визгливый, словно крик зайца, голос бил по ушам.

— Я на прошлой седмице мылся! — тут же возмутился домовой.

Вила вздохнула и вышла во двор. Схватив пробегавшего мимо коловершу за длинные уши, стряхнула с него Прошку. Тот кулем свалился на траву.

— А ну тихо, оба. Разорались, — голос ведьмы обещал им хорошую трёпку, духи притихли. Один прижал уши к спине, второй потирая седалище.

Ведьма приподняла коловершу, рассматривая его внимательно. Тот замер и прикрыл глаза.

— И зачем явился?

— Силу почуял, но слабо пока. Видать, ошибся двором, — буркнул тот. — Ну, аль не проснулась ещё.

Вила вздохнула и поставила духа на землю. И что с ним делать? Тот опасливо отодвинулся, но не сбежал, подергал носом, словно принюхиваясь: всё-таки силой пахло от неё.

— Ежели дозволишь, останусь пока, вдруг пробудишь силу-то, — наконец принял он решение.

Подумав, Вильфрида кивнула. Прошка недовольно сверкнул глазами, но говорить ничего не стал: знал, когда лучше промолчать.

Вечером после бани девушка устроилась на постели и наблюдала, как коловерша с домовым закуток за печкой делят: во все стороны только шерсть летела. Но она решила не вмешиваться: им долго ещё вместе жить. С этим закрыла глаза и погрузилась в сон.

"Она шла по тёмному лесу, над головой светила яркая, почти белая луна, от чего на тропинку ложились тёмные кривые тени. Вокруг ухало, выло, скрипело, наводило тоску и жуть нагоняло. Ей казалось, она идёт уже целую вечность и никак не может придти. Нельзя придти, если не знаешь, куда идешь. Она шла, касаясь рукой шершавых стволов, капель холодной росы на траве, лёгкой дымки тумана. Мир вокруг казался нереальным, а может, так оно и было?

Наконец впереди показалась поляна. Залитая белым мертвенным светом Луны, она словно светилась каждой травинкой. Посреди поляны спиной к ней стояла женщина, высокая, с длинными распущенными волосами цвета воронова крыла. Одета она была в длинное чёрное платье, перехваченное тяжёлым поясом. В её руках сверкал синеватым светом острый серп,

лезвие которого покрывали руны. Бледная, почти белая кожа её рук казалась безжизненной, холодной.

Она повернулась к Виле. Её бледное лицо было лишено всякого выражения, а глаза светились холодным, неживым светом. Раздался голос, тихий, словно шелест опавших листьев, что гонимы ветром:

— Пришла? Я давно тебя жду.

— Зачем? — собственный голос казался ягине далёким, словно доносился откуда-то из тумана.

— Хочу предложить дружбу. Стань моей жрицей. Ты получишь силу, власть. Станешь самой могучей ведьмой на Руси. Разве не об этом мечтает каждая ведающая?

Мара, а это была она, подошла ближе и протянула руку. В какой-то момент Виле показалось, что плоти у неё нет и к ней тянется костлявая рука мертвяка, но наваждение прошло. От руки веяло могильным холодом.

— Не готова пока принять, значит, что ж. Пойдём, покажу что.

Она взмахнула серпом и словно разрезала ткань Мироздания. Прореха зияла огромной чёрной дырой с рваными краями. Мара шагнула в неё.

— Идём же. Смелее.

Девушка всё же двинулась за ней. Края разрыва с лёгким хлопком сомкнулись. Вила резко обернулась, но вокруг была темнота, и лишь тусклый свет Луны позволял видеть очертания.

— Где мы? — Вила шла за богиней, стараясь не отставать. Под ногами что-то шуршало, хрустело.

— В подлунном мире, месте перехода в Навь. Войти сюда могут лишь мёртвые, — на этих словах Вила запнулась. — Боги и очень сильные ведьмы. Какой и ты можешь стать. Если поймать душу умирающего здесь, её можно успеть вернуть в тело. Я могу пробудить твою силу, служи мне верой.

— Только ты можешь? — уточнила будущая могучая ведьма.

— Нет, она может и сама пробудиться, но для этого должно произойти что-то ужасное. Но даже это не всегда пробуждает силу. Ты можешь просто погибнуть, — чуть раздражённо откликнулась богиня.

Вила задумалась. Возвращать умершего к жизни, конечно, дело доброе, но не вернётся ли он упырём или ещё какой нечистью?

Впереди показался берег озера. На острове посреди воды стояла избушка. Она была большой и крепкой, срубленная из толстых брёвен, которые почернели от времени. Высокие столбы поддерживали её, поднимая над землёй. Окна были большие и светлые. Крыша была покрыта дёрном, на котором рос мох.

Около избы паслись три лошади. Одна была белой, как снег, с длинной гривой и хвостом. Вторая была чёрной, как ночь, с блестящей шкурой. Третья была рыжей, как огонь, с густой и пышной гривой. Лошади были прекрасны.

Озеро было окружено густым лесом. Деревья были высокие и могучие, их ветви сплетались над головой, образуя непроглядный шатёр. Листья на деревьях были тёмно-зелёными, почти чёрными, а в воздухе витал запах хвои и сырой земли.

— Они могут стать твоими, — увидев интерес в глазах, произнесла Мара.

— Кто они? — Вила понимала, что это не просто кони.

— Ночь, Утро и День, три помощника Яги, той, что сильнее всех, той, что живёт на озере в Подлунном мире. Ты можешь стать ей.

Но Вильфрида не хотела жить здесь, одна, посреди чёрных вод озера. Она любила своё болото и свою избушку.

Мара вновь пошла вперёд, девушка, бросив ещё один взгляд на коней, поспешила следом.

Вскоре они вышли к реке, берега её поросли прекрасными цветами, вода была чистой, прозрачной, а на том берегу ярко светило солнце. Вила уже было шагнула на деревянный мост, изукрашенный резьбой, как холодная рука схватила её за локоть.

— Тебе туда рано.

— А что там? Где мы?

— Это река Смородина, Калинов мост. Видишь, — Мара указала на людей, идущих по мосту, — это души, спешащие в Навь. Пойдём, покажу, как видят Калинов мост с другой стороны.

Она взмахнула рукой, и они оказались в совершенно другом месте. Мимо них текла огненная река, чадил дым, мост был ветхим и, казалось, вот-вот развалится. Посреди моста замер, закрыв глаза, василиск. Теперь понятно, почему души не рвутся из Нави, подумала ведьма.

— Ты видела много, подумай. Если решишь, позови меня, я приду, — Мара вновь взмахнула серпом, и они оказались на той же поляне, откуда начали свой путь. — Сила ждёт тебя, ведьма, ты мне матерью обещана, но дитём неразумным, не могу потому неволить, сама придти ко мне должна, — Мара шагнула в туман и словно растворилась в нём".

Вила подскочила на постели. Холодный пот покрыл лоб мелкими бисеринками, сердце глухо ухало в груди, словно кузнечный молот. Это всего лишь сон? Она откинулась на подушку и замерла, пытаясь отдышаться. Или не сон? Она не понимала, где проходит граница яви и сна. Всё вокруг было таким осязаемым, что ей казалось, будто она до сих пор пахнет дымом реки Смородины.

Опустив босые ноги на пол, она дошла до кадушки. По полу тянулся тонкий луч бледного света Луны. Попив из ладони, она опустилась на лавку и задумалась. Тут из-за печки вылез коловерша, а за ним — заспанный домовой.

— Чего по ночам колобродишь? — Прошка протёр глаза кулачком и зевнул.

Вила рассказала ему про сон, который был таким явным. Прошка задумался. Появление коловерши, Мары — всё говорило о том, что Вильфрида и правда сильна, но сила пока спит. И коль явилась сама Мара, то ведьмы она боится. Об этом он и сказал Виле.

Та задумалась. Как же ей поступить? Отказаться от силы, которой нет ни у одной из живущих на землях славянских ведьм, или же спасти Русь от беды, что на неё надвигается? Но принять силу Мары значило и своих домочадцев бросить, а этого она не могла. А потому силу придётся самой добывать. Потрепав коловершу между ушами, она вновь легла в постель. Как говорила бабка, утро вечера мудренее...

Клятва

Светозар сидел на лавке и осматривал избу. В центре избы, отбрасывая причудливые тени на стены, пылал огонь в печи, увешанной пучками сушёных трав. Воздух был наполнен горьковатым запахом полыни и терпким ароматом чебарки. На стенах висели вылинявшие шкуры, а у одной из них стояли старые деревянные кадушки и крынки с неизвестным содержимым. Возле них висели засушенные птичьи головы и чьи-то рога. В углу высился деревянный идол с вырезанными рунами, отбрасывая зловещую тень.

Бабка Цыба полностью оправдывала своё имя. Эта грязная старуха в лохмотьях была похожа на ожившую Ягу из сказок. Её сморщенное лицо было покрыто сетью морщин, а глаза сверкали недобрым огнём. Под большим длинным носом торчали остатки гнилых зубов, а длинные седые волосы были спутаны в колтуны. Старуха была одета в грязную холщовую рубаху и юбку, которые когда-то были белыми. Её босые ноги были покрыты мозолями и бородавками. Сгорбившись, она суетилась у печи, помешивая что-то в большом котелке. Её костлявые руки с длинными кривыми ногтями непрерывно двигались, добавляя в варево неизвестные ингредиенты.

После нападения анчутки она вышла из тумана и долго ворчала о том, что ходят к ней всякие, шастают, беса её пугают. Но в дом пригласила и даже налила в грязную глиняную чашку какого-то отвара.

Пить князь брезговал и оттого вертел башкой, как сыч, разглядывая жилище ведьмы. Та же, закончив варить что-то пряно пахнущее, присела у края стола, смахнула оттуда пару жирных мух и уставилась на Светозара.

— И с чем пожаловал?

Князь рассказал, что приехал он, дескать, привет передать от князя Светозара, правителя земель древлянских.

Эта бабка его прадеда, как оказалось, знала.

— Эт который одну свою ведьму сгубил, а вторую погнал? — рассмеялась она, показывая остатки гнилых зубов. — И сам свои земли источника воды дивной лишил? Слыхивали мы о таком, но знать я его не знаю. Ты, кажись, ошибся, соколик, не ко мне тебя послали, видимо.

Князь такому обороту обрадовался и решил расспросить, а не знает ли она, к кому ему надо. Как оказалось, не знает, но слыхала, что подле Белого камня живёт древлянская то ли ведьма, то ли ворожея, и по времени, как она там появилась, сходилось.

Пришлось Светозару откланяться и обратно идти. Анчутка, правда, более не пугал и даже совсем не появился. Бабка же проводила его до берега и даже доброго пути пожелала.

Переночевав в той же избе, что и накануне, наутро он двинулся обратно. Получалось, что ему вновь в сторону Любича путь держать, но, не доезжая своих границ, в леса уйти и там уже искать село Камень, что на речушке, а скорее на большом ручье Белом стоит. Где-то там, в глухих чащобах, на болоте и жила ведьма, что пришла много лет назад из его земель.

Но тревожило его сейчас не только это: наместник Гостомысл, что за ним по лесам рыскал, никак из головы князя не выходил. Зачем за ним поехал? А главное, где сейчас того бесы носят? С этими думами он гнал коня вперёд; вскоре должна была появиться деревня Теребовка, где Светозар думал и сам переночевать, и коню роздыху дать.

Гостомысл тем временем и вправду волком серым по лесам рыскал. В Турове князя не видели, но гонец от него был; многие то знавали. Потолкавшись на базаре, наместник решил к Радмиру не ходить: незачем тому знать, что он князя ищет. Воев отправил в корчму квасу испить да поесть чего. А сам тем временем коня нового взял и из города выехал. Пущай его ищут, думают, что лиходей какой убил аль выкрал.

И вот уже целый час плутал по лесу, куда ему путь бабка-ведунья указала, сказала, что там, в Бережках, и живёт ведьма древлянская. Гостомысл на радостях ей целую куну отдал. Но леса тут были дремучие, и он, кажется, заблудился.

Ему казалось, что каждая ветка так и норовит его за тяжёлое корзно зацепить. Надо было одеться попроще, но любил Гостомысл роскошь и всегда наряжался в лучшее. Он не понимал Светозара, который в полюдье аль поход выряжен был, как воин простой. Но теперь пожалел о своём решении. Тяжёлый плащ из тонкой шерсти, богато украшенный вышивкой, только мешался. А скинуть его — так замёрзнешь.

Поняв, что сам дорогу он не сыщет, присел на корягу.

— Никак нечисть какая мне следы путает, — заговорил он вслух, чтобы страх отогнать. — Ну так покажись, что ты, как выторопень какой, прячешься?

Зашумел лес вокруг; боязно стало Гостомыслу.

И тут из-за дерева вышел мужик. Высокий, плечистый, с длинной бородой и волосами, заплетёнными в косу. Одет он был в простую рубаху и штаны из грубой ткани, на ногах — лапти. Но глаза его были странными: зелёными, будто трава по лету. Взгляд был тяжёлым, проницательным, словно он видел Гостомысла насквозь. Лицо обветренное и загорелое, а руки — большие и грубые, как у какого челядинца.

— Чего кричишь? — прозвучал грубоватый голос.

Наместник приосанился, разговаривать с челядью он умел:

— Ты мне потыкай ещё, мужик чумазый, а всё туда же.

Мужик рассмеялся:

— Ты хоть знаешь, с кем говоришь?

— А что тут знать, лапотник? — наглость мужика начала злить Гостомысла.

Покачав головой, мужик вдруг стал увеличиваться в размерах. Его одежда лопнула по швам, а тело покрылось густой шерстью. Перед наместником стоял уже не мужик, а настоящий леший — хозяин леса. Его рост был выше человеческого, руки превратились в лапы с длинными когтями, а лицо вытянулось и стало звериным, но всё же сохранило человеческие черты. Глаза лешего светились недобрым огнём, а изо рта торчали острые клыки.

Гостомысл понял, что совершил большую ошибку, разозлив лешего. Он оскорбил хозяина леса, и теперь тот был полон решимости наказать его.

— В лес мой явился, ещё и хамить удумал? — заревел он.

Потемнело в глазах наместника, помутилось сознание.

Очнулся он в тесной пещере, осмотрелся вокруг. Пещера лешего была просторной, но низкой. Тусклый свет от костра позволил ему разглядеть немногое. Земляной свод поддерживали грубые деревянные столбы, а стены были покрыты мхом и плесенью. С потолка свисали корни, а на стенах её росли грибы. Воздух был сырой и холодный, пахло прелой листвой. В дальнем конце горел костёр, отбрасывая причудливые тени на неровные стены. Там же стоял грубый топчан, покрытый шкурами животных. На полу валялись мелкие кости животных и птиц.

Сам же наместник висел на стене, прикованный за руки корнями; комья земли больно впивались в спину. Лешего не было видно.

Попробовал Гостомысл разорвать путы, что руки его обвили, но коренья только сильнее сжали запястья.

— Чего извиваешься, будто уж? — в круг света шагнул хозяин леса. — Хотя ты скорее аспид какой.

Он свалил в дальнем углу хворост и сел на лавку, ковыряясь пальцем в ухе.

— Ну, рассказывай, зачем ты в мой лес пожаловал, — леший оперся могучими руками о лавку и чуть подался вперёд.

Гостомысл задумался: «А что рассказать, правду аль придумать чего?»

Покумекал, вспомнил, что прадед Светозара в давние времена обидел какого-то лешака, авось этот чего о том знает и тоже обиду за сородича держит. И начал рассказывать о том, что на землях древлянских творится, о замыслах князя молодого. От себя приврал, конечно, что, дескать, задумал нынешний Светозар всех леших с помощью меча волшебного, что Харалугом зовётся, извести. И он, Гостомысл, то бишь, хочет тому помешать, спасти хозяев леса. И оттого надобно ему, первому, ведьму ту сыскать, у которой меч и хранится. Сказали ему люди добрые, что в Бережках та ведьма, вот он и поехал. А что накричал, так то с испугу, а вовсе не со зла. Да и не признал сразу великого хозяина лесного. А так бы он да никогда не посмел. Ему казалось, что голос его звучит величаво, уважительно и очень убедительно.

Но леший лишь рассмеялся, услышав его рассказ.

— Складно баешь, но я ж твою душонку подлую насквозь вижу. Не желание спасать тобой движет, а алкаешь ты, наместник княжий, славы, власти. Но то похвально, ежели люди власти не ищут — слабы они духом. Хотя и ты слаб. Перед более сильным вона как лебезишь. И сдаётся мне, попади этот меч в твои руки — несдобровать ни богам, ни духам.

Снова заговорил Гостомысл. Принялся убеждать, что готов служить верой да правдой, ни единым помыслом вреда не принести тёмным богам да духам.

Задумался леший. Врал наместник, как гадина какая, которую в костёр бросили, извивался. Но был способ думы его чёрные в пользу свою обернуть.

Хлопнул он ладонями по коленам.

— Верой говоришь, да правдой?

Замер Гостомысл, что это лешак такого задумал? Вон как светится весь, точно подлость какую. Но жить ему очень хотелось, а потому кивнул.

— Значится, и клятву готов Чернобогу да Маре на крови принести? Аль соврал мне сейчас? — навис он над побледневшим наместником.

Клятва на крови была нерушима, это знал любой пострел. И её сейчас предлагали ему принести, да не абы кому — тёмным богам. Но ежели откажешься, то не дожить же до вечера. А клятва, может, как и удастся вывернуться.

Снова кивнул Гостомысл.

Леший рассмеялся утробно, громко. Хлопнул в ладоши, и упал, будто лист осенний, наместник на пол. Потёр затёкшие руки. «Что дальше будет, кто ведает?»

А лешак тем временем нож достал, круг очертил и протянул тесак Гостомыслу.

— Режь, — приказал он. — Да капай в круг и слова клятвы говори.

Дрожащими руками взял тот нож, провёл по запястью, и первые горячие капли упали в круг. Втянулись в чёрную землю с шипеньем, будто та раскалённой была. Заговорил, слова будто сами собой на ум приходили. Казалось ему, что каждое слово, каждая упавшая капля наполняют его силой тёмной. Договорив, он устало опустился наземь, нож выпал из ослабевшей руки.

— Ступай теперь прочь и помни, клятвой ты связан, ежели что удумаешь, в тот же миг падешь замертво.

Леший вытолкал его из пещеры, и тут же земля сомкнулась, будто и не было там ничего. Обессиленный Гостомысл свернулся калачиком и погрузился в тягостный сон.

«Очутился он вновь в пещере. Тёмной, лишь от идола, что стоял в середине, еле видный свет исходил. Пещера была огромной, её своды подпирали массивные колонны из чёрного камня. Воздух был тяжёлый и влажный, с запахом сырости и чего-то древнего, потустороннего, — будто в могильный дом попал. Стены были покрыты странными письменами.

В дальнем конце находился алтарь, подле которого, почти у самой серёдки, и стоял идол самого Чернобога. Идол был вырезан из цельного куска чёрного дерева и изображал могучего мужчину с суровым лицом и длинной бородой. Глаза его были сделаны из яхонтов, которые светились тусклым, зловещим светом.

Перед ним стояла чаша, наполненная тёмной жидкостью, которая пузырилась и испускала отвратительный запах. Рядом с чашей лежал кинжал с изогнутым лезвием, на котором были выгравированы древние руны.

А перед алтарём стоял мужчина. Чёрный тяжёлый плащ, почти как корзно Гостомысла, спускался до самой земли. Массивная его фигура внушала страх. Он обернулся, чёрная густая борода скрывала черты лица, и так неразличимые в полутьме. Раздался голос, громкий, разнёсшийся по всей пещере и гулким эхом отдававшийся от её стен.

— Клятву мне, значит, принести решил? А знаешь, что будет с тем, кто её ослушается?

Наместник икнул — сам Чернобог с ним заговорил. Взяв себя в руки, поклонился — негоже сейчас выказывать неповиновение.

— Знаю. Но не страшит меня это, я её рушить и не думал даже.

— Ой ли? — казалось, бог ему не верит. — Подлая чёрная душа твоя иное говорит, но не уйти тебе от данной на крови клятвы. Даже не пытайся!

Чернобог взмахнул рукой, и Гостомысл словно вылетел из пещеры и…»

И проснулся. Уняв бешено колотящееся сердце, сел. Приснится же такое. А всё леший со своими запугиваниями. Ну да чуры с ними, аль бесы, кто у них там. Пора в Бережки добираться, только вот как? Едва подумал, как увидел среди леса тропку — никак хозяин проводить решил, подумал наместник.

Тропинка вывела его прямо к болоту. Туман стелился над водой повсюду, куда хватало глаз. Где-то в нём хрипло каркала ворона, метались тени. Гостомысл боязливо поёжился, место было неприветливым. Осмотревшись, он вроде как заметил тропку среди кочек и мха. Взяв валявшуюся на берегу слегу, он двинулся вперёд. Под ногами влажно чавкало. Почва мягко пружинила, и казалось, ещё шаг — и провалишься в трясину.

Тут ещё и анчутка из тумана выскочил и вцепился в ногу. От неожиданности и страха наместник заорал не своим голосом и кинулся вперёд, не разбирая дороги. Ему казалось, что ветки, словно кривые чёрные руки, хватают его, и отовсюду доносится хохот.

Выскочив из кустов, что росли вдоль берега, он бежал уже по самому болоту, едва успевая огибать появлявшиеся из ниоткуда бочаги. В один всё же угодил. Мутная жижа, словно дикий зверь, вцепилась в него и начала тянуть вниз. Гостомысл чувствовал, как липкие холодные руки болотника всё крепче сжимают его ноги, и снова потерял сознание.

Так бы он, наверное, и сгинул в болоте, но бабке стало интересно, кто же это там снова по её душу явился. Приказала анчутке вытащить бедолагу да в избу приволочь. Несмотря на малый рост, дух обладал силой недюжинной и с задачей справился быстро. Притащил бездыханное тело наместника да так на полу и бросил, неча лавки тиной марать.

Светозар же тем временем уже добрался до берегов реки Белой и теперь шёл по тропинке в лесу, что вела к болоту. День выдался тёплый, в землях дреговичей весна уже вовсю хозяйничала, тут и там цвели яркие травы, щебетали птахи. Сердце князя сжимала холодная рука страха: как его народу выжить? Урожай не посеян, времени, почитай, не осталось, мор случится этой зимой лютый, даже если он сможет одолеть богов. А как не сможет? Как, если меч — просто сказка, одна из тех, что рассказала ему нянюшка? Есть, конечно, ещё надежда на жар-птицу, но и то неизвестно — правда аль нет.

Притомившись, он присел под деревом и вытянул ноги. Коня пришлось оставить в деревне, тропинка была совсем уж узкой, и вспомнил, как нянюшка рассказывала ему о приходе весны, о том, как Ярило пробуждает Лель ото сна. Вспомнил, что нельзя никому то видеть, улыбнулся. Знал он уже, как уд мужики тешат, кто захочет, чтоб кто видел тебя с ладушкой, пока вы милуетесь. Видимо, так и Ярило, славящийся своей плодовитостью да страстью удовой, будит Лель. От того она потом звонкая да весёлая всё лето ходит. После любви завсегда так. Усмехнулся вновь и с земли поднялся — неча долго рассаживаться, ему ещё меч сыскать надобно. А потом и суженую… Вспомнив о том, что её из Любича, скорее всего, увезли давно, вновь помрачнел — всё супротив него.

На берег болота вышел уже ближе к вечеру. Солнце ещё светило, но небо окрасилось в алый, и даже приятно тянуло прохладой. Берег был мрачным: чёрные мёртвые деревья, мутная, дурно пахнущая вода. Светозар зябко повёл плечами. Но тумана тут не было, как и тропки. Он было в воду уже шагнул, как из-за коряги появилась голова кикиморы. Длинные спутанные волосы цвета тины закрывали лицо, из них торчал длинный тонкий нос. Сухонькие ручки держались цепкими пальчиками за корягу. Послышался голос, словно сучок треснул:

— Зачем пожаловал? А?

Светозар достал меч — как известно, нечисть железа калёного боится, но этой хоть бы хны, а тут ещё и коряга с водяным со дна вынырнула. Тот, огладив жирное колыхающееся брюхо, забулькал:

— Уходи, князь, подобру-поздорову, неча тебе тут делать.

В кустах начали появляться мавки. Понял Светозар: тут надо хитростью. Решил болото обойти и зайти с другой стороны, там, где нет водицы.

Пошёл по кромке вдоль берега, а за ним водяной на коряге катит. Увидел князь тропку в лес — решил посмотреть, что там, вдруг удастся от болотника избавиться.

И сотни шагов сделать не успел, как услышал пронзительный женский визг. Сердце его удар аж пропустило. Бросился на голос, вскоре выскочил на поляну и видит: старик тощий, такой, что аж рёбра видны под грязными лохмотьями, сухорукий, бледный, как упырь, в девицу вцепился. Та от него палкой отбивается, а ему всё нипочём. Глаза словно два куска льда горят, а сам на скелет похож. И корона на голове торчит, чёрная, как смоль. А девка красивая, волосы длинные, чёрные, словно грива его коня. Глаза огромные, чёрные, как ночь. Губы алые, сама высокая, статная. Сердце его аж зашлось от красы неписаной. Замер он на миг, любуясь, но тут же опомнился.

Выхватил меч свой и кинулся выручать девицу. Но запнулся за корягу и прямо под ноги им упал. Сшиб старика и сверху на того завалился. А тот будто и рад: ухватил за шею холодными пальцами и давай душить. Потемнело в глазах князя.

Пленённый царь

Всё утро Вила ходила задумчивая. Зачем Мара явилась, что от неё хочет? Мысли не давали покоя.

В дверь проскользнул Тишка с охапкой дров, свалил их у печи и посмотрел на девушку.

— О чём задумалась, ведьма?

Та аж встрепенулась:

— Не зови меня так, я ворожея.

Но в душе понимала, как себя ни назови, сущность от этого не изменится. Да и не было большой разницы в том, как самой себя называть, — люди всё равно ведьмой кликать станут.

Рассказала упырю про ночной сон, что так её тревожил.

Тишка почесал лысую голову:

— Так ты же ей матерью в услужение обещана, вот и пришла…

Из-за печки выскочил Домовой, взъерошенный боле обычного, и тут же накинулся на упыря:

— Чего чё попало болтаешь? Али дел больше нет, кроме как языком чесать?

Коловерша, вылезший следом, лениво чесал задней лапой за ухом, ну чисто пёс аль заяц, и сонно зевал.

— Так то всем известно, — Тишка с недоумением посмотрел на Прошку.

— Что вам там известно? Мара что-то говорила про мать, но я не придала этому значения. Рассказывай давай! — Вила села на лавку, всем видом показывая, что рассказать придётся.

— А что рассказывать? Упыри, ты как знаешь, завсегда Маре служат. Вот она нам с братьями и приказала пойти в лес той ночью, найти там бабу и свёрток, что та несёт, отнять. Мы и пошли, — Тишка уселся на пол, сложив длинные ноги по-турецки. — Идём по лесу, темно, холодно. Видим: баба шастает по кустам, — Он прикрыл глаза, вспоминая ту ночь.

"Тёмный лес ярко освещал бледный свет полной Луны. Четыре упырёнка уже час крались следом за идущей по тропе женщиной. Она постоянно озиралась, нервно кусая разбитые в кровь губы. Лицо её несло следы недавних побоев, а к груди был прижат свёрток из ткани, который она бережно поправляла. Этот свёрток Мара и приказала отобрать, но что делать с ним дальше, не сказала.

Упырята нагнали бабу и выскочили ей под ноги. Та лишь сильнее сжала губы и прижала ношу ближе к груди. Нечисть кусала её ноги, рвала одежду. Пока, наконец, обессиленная женщина не упала на землю, выпуская тряпьё из ослабевших вдруг рук. Видимо, Мара тогда и ей явилась, так как, протянув руки к тряпкам, женщина едва слышно прошептала:

— Отдам, отдам, лишь спаси её.

Свёрток чудом схватил Тишка, пока упырята трепали бабу. Заглянув в него, он… бросился прочь. Братья кинулись за ним, пытаясь отобрать то, что теперь бережно прижимал к своей груди Тишка. Но он чётко решил, что отдаст находку ведьме, которая его привечала. Однако на болоте перед избой его нагнали, и завязалась потасовка. Именно тогда Ясиня и отобрала свёрток. А потом долго выхаживала Тишку, которого Мара чуть не угробила. От того, видать, часть духа в нём и сохранилась, вытаскивала с того света, ну или где там упыриная суть обитает, как человека".

Это он и пересказал Вильфриде.

— Ну а дальше ты знаешь, тебя там бабка нашла и как внучку воспитала. Знала она, что в тебе сила таится страшная и что Мара к тебе явится. И Макошь то знала, а оттого судьба твоя в две нити ей сплетена, но какую выбрать, лишь ты решишь. Не может Мара тебя забрать силком. Макошь и тут её в дураках оставила, напряв вторую дорожку для тебя. Но обе они

сплетены с тем, кому меч Харалуг по судьбе начертано сыскать, но без тебя тот меч ему не поможет, ваше полотно жизни вместе соткано.

Вила задумалась, Харалуг, скорее всего, князю земель древлянских судьбой найти написано, но как она может ему помогать, потомку того, кто так обидел её бабку?

Решив, что разберётся с этим, как князь заявится, встала с лавки и принялась печь растапливать, а то за разговорами совсем про тесто на пироги забыла.

Прошка, уже совсем привыкший к присутствию коловерши, уселся на того сверху и поехал в гости к овиннику. Тишка, после рассказа притихший, копошился у печки. А Вила всё думала о том, что Макошь ей напряла. Понимала, что выбор за ней, но его, по сути, и не было: или стать прислужницей Мары, или ненавистному князю помогать. И тот, и тот вариант ей совсем не нравились.

Плюнув на всё, она испекла пироги, накрыла их рушником и подхватила корзинку. Предупредила домочадцев, что пошла в лес, пора первые травы собирать. Серп, висевший на притолоке, прихватила и вышла во двор.

В лесу было тихо, солнечные лучи пробивались сквозь листву и приятно грели кожу. Вильфрида уже набрала берёзовых листьев, почек и теперь искала жабник, красивый цветок с пятью белыми пушистыми лепестками. Предстояло ещё собрать листья и цветы царь-зелья, баранчиков, серёжки ольхи, молочника корень накопать.

Каждую траву она сперва трогала, определяя, есть ли в ней сила, просила мать-землю дозволения дать для сбора растения.

Сам сбор тоже был делом непростым. Следовало прочесть наговор, под определённым углом срез сделать, задобрить землю за дары. Подарить ей монетку из серебра, ленту алую или ещё чего.

До обеда, считай, и проваландалась, но и половины из нужного не собрала.

Солнце уже высоко стояло, пора было найти тенечек да отдохнуть. А то полуденница поймает и накажет. Наконец нашлось удобное место под раскидистым деревом. Придремав, Вила вспомнила первую встречу с этой нечистью.

"Ей было лет десять. Убежав в поля на берегу реки Белой, она совсем позабыла счёт времени. А когда поняла, что наступил полдень, была вдали от леса, посреди огромного поля. Солнце стояло в зените, и его лучи жарко припекали голову. Устав от игр с полевиком, Вилька двинулась в сторону реки, как вдруг на тропинке заметила женщину.

Окружённая маревом жара, златовласая, с серпом в руке, она словно поджидала девчушку. От страха гулко заколотилось сердце, а незнакомка, будто плывя по воздуху, подобралась ближе и взмахнула серпом. Может и сгубила бы, да полевик не дал, утащил Вилу в густую траву. Долго её потом после той встречи бабка отпаивала отварами разными…"

Наконец жара спала, и Вила снова отправилась травы искать. Вскоре она натолкнулась на нору — тёмный узкий лаз меж двух камней, откуда тянуло прохладой. Заглянув внутрь, она ничего не увидела в кромешной темноте, но что-то словно тянуло внутрь.

Поведя рукой, она зажгла синеватый огонёк, ведьмин, как называла его бабка. Пока из колдовства только это она и умела, всё остальное так, волшбой и не назвать, ведовство одно. Но Вила и сама не горела желанием иметь силу — не будет от неё покоя, это она знала точно.

Огонёк плыл впереди, освещая стены, покрытые каплями воды. Извилистая тропка спускалась вниз, было прохладно и сыро. Вскоре Вильфрида вышла в пещеру. Большая, конца не видать. С потолка её падали тяжёлые холодные капли. Одна попала за шиворот, заставив поёжиться.

Осмотревшись, она поняла, что толком ничего не видит, и двинулась вперёд. Чем дальше она шла, тем больше становилась пещера. Вила уже могла различить очертания стен, покрытых сталактитами и сталагмитами. Казалось, что они вот-вот сомкнутся над её головой.

Воздух становился всё тяжелее, и Вила начала ощущать, как её охватывает ужас. Она остановилась и прислушалась. Где-то впереди послышался стон.

Вила медленно двинулась вперёд, осторожно ступая по неровному полу. Стоны становились всё громче, и теперь она могла различить, что они доносятся из-за поворота.

Собравшись с духом, Вила заглянула за угол. И тут же отшатнулась в ужасе. На неровной стене из камня висел человек. Лицо его было скрыто копной давно нечесаных спутанных волос. Грязные рваные лохмотья свисали с изнеможденного тела. Он был тощ, и через прорехи в одежде виднелись торчащие рёбра. Его кожа была бледной и морщинистой, а глаза глубоко запали. На голове у него была надета чёрная корона, украшенная драгоценными камнями.

Корона, сделанная из серебра, потемнела от времени. Она была тяжёлой и неудобной, и старик с трудом удерживал голову, глядя на вошедшую девушку.

Казалось, что он прикован к стене уже много лет. Его тело было покрыто язвами и ранами, а волосы и борода были длинными и спутанными. Он был похож на человека, который вот-вот умрёт.

Но, несмотря на свой жалкий вид, дед был всё ещё жив. Его глаза горели огнём ненависти, и он смотрел на Вилу с презрением.

— Зачем явилась? — голос старика был похож на карканье вороны, сухим и трескучим. — Проверить, не подох ли я тут?

Вила подошла ближе, пересиливая свой страх.

— А вы кто?

Дед закашлялся, поднял глаза на неё, принюхался зачем-то. На миг его глаза сверкнули.

— Я-то? Кандальник, как видишь, — он встряхнул тяжёлыми железными оковами, которые были покрыты рунной вязью. — Заточили тут и подыхать бросили. Силы моей боялись, а ты сама-то кто? А то будто духом знакомым пахнет, — его глаза вспыхнули огнём, или ей это только показалось?

— Так вы колдун? — ведьма присела на камень и представилась. Ей вдруг стало жалко этого старика; судя по отметинам на руках, висел он тут ой как давно.

— Ещё какой, самый сильный из живущих на свете. Но отобрали силы. Проклятая Мара приковала тут. Хотела, чтоб я мужем её стал, а я возьми да откажись, — новый приступ кашля сотряс тщедушное тело.

— Мара и вас хотела забрать? — снова эта богиня встретилась на её пути.

В глазах деда зажёгся огонёк интереса, но тут же пропал, словно его и не было.

— Рассказать, что ли? — спросил он, и в его голосе послышалась насмешка. — Только слушай внимательно, а то потом скажешь, что я не всё рассказал аль что соврал.

Девушка кивнула; интересно же было послушать историю его.

— Я был молод, хорош собой и богат. О, как я был богат! — при упоминании богатства его голос дрогнул от удовольствия. — Камни, серебро, меха, мои сундуки ломились от них. Терем мой стоял на вершине горы, откуда открывался вид на бескрайние леса, бурные реки и далёкие горы. Девки с окрестных деревень все хотели быть хозяйками моего чертога, но я искал свою ладу, свою единственную, да так и не нашёл за столько-то лет. Боялся я за свои богатства и за себя, а оттого стал изучать волшбу. Стал вскоре колдуном сильным, могучим, не даром, конечно, пришлось сделку заключить, — с кем он не уточнил. — Смог душу свою от людского глаза запрятать, да так, что никому не сыскать, бессмертным стал, но старость отсрочить не смог, так и живу древним стариком. Но прознала про то Мара и решила, что муж бессмертный ей нужен. Явилась ко мне в образе прекрасной девы и стала предлагать править Навью вместе. Отказался я, не хотелось мне в царстве подземном её жить. Хоть и хороша она собой, но живое тепло рядом приятнее, чем она, будто лёд холодная.

Очередной приступ кашля заставил его ненадолго замолчать. Откашлявшись, он продолжил:

— Обозлилась она тогда, взмахнула серпом своим, и очутились мы тут. Я на стене прикованный, а она подле меня. Прокляла и ушла. Должен я тут был висеть тысячу и сто лет, пока не явится та, что сжалится и не даст мне воды из пяти ключей испить. Спадут тогда чары тёмные, вернётся сила моя, и снова стану я править землями, — он попытался расправить иссохшие плечи да застонал.

Вильфрида посмотрела на старика. Не казался он ей правителем великим, но, а как он и правда колдун могучий да чародей сильный, сможет ли он ей помочь силу открыть?

— А почему из пяти ключей? — спросила она деда.

— Того не ведаю, — он тяжело дышал, рассказ забирал последние силы. — Но все они рядом, вокруг камня разбросаны, что рядом со входом стоит.

Вила спросила его, а не знает ли он чего про то, как силу ведьмовскую разбудить. Старик сказал, что знает, и ежели сила к нему возвернётся, то в благодарность он поможет и Вильфриде её обрести.

Задумалась девушка: ну а почему не помочь? Но в чём вот воды-то принести? Дед указал на ведро, стоявшее у камня, которое раньше она не замечала.

Подхватила его и пошла наружу. Первый ключ бил сразу за камнем. Принесла из него воды, напоила ей старика. Всё ведро тот выдул махом.

Ещё четыре раза пришлось ей сходить. Последний источник нашла аж у кромки леса. Вода в нём искрилась, словно вся волшебством наполнена была.

Выпил последнее ведро мужик, руки напряг, и лопнули оковы, его держащие. Упал он на пол, отдышался. Встал, поклонился девушке.

— Спасибо тебе, девица, без тебя долго бы мне ещё тут висеть. Будешь ты ведьмой моей. Сила в тебе и правда немалая сокрыта. Сыскать источник мёртвой воды только сильной ведьме возможно.

Вильфрида аж замерла. Какой ещё ведьмой его? Это чего этот старикан удумал себе? Бросилась было прочь, но схватил её за руку тот, к себе притянул.

— Куда же ты, девица? Сам Кощей с собой миром править зовёт. Зачем от судьбы бежать, зачем року противиться?

Аж в груди от страха зашлось. Вот кого она на белый свет выпустила! Это ж надо было так опростоволоситься. Замерла, стала думать, как ей от него избавиться. Знала по рассказам бабки, что колдун он и правда могучий, а ещё невест своих в подземельях до смерти замучивает. Не такой она себе судьбы желала. Ну её, эту силу, живой бы уйти теперь.

А Кощей тем временем её раздумья за покорность принял, даже хватку ослабил.

— То-то же, а то бежать сразу. В серебре купаться станешь, миром с тобой править будем. Тебя как звать-то, кстати?

Отошёл немного, полюбоваться решил, видать, девицей. А девица огонёк на ладони зажгла да в глаза ему кинула и бросилась прочь, пока он ослеплённый стоит.

Выскочила наружу и как скоромча прочь ринулась. Несётся, слышит, как кусты за ней трещат, — догоняет чародей. Выскочила на поляну, палку схватила и давай его охаживать. А тому всё нипочём.

Совсем уже из сил выдохлась, да как закричит — ну а вдруг кто услышит?

Кощей тем временем вновь её за руку ухватил, к себе тянет. Лупит она его палкой по макушке, а он знай к себе волочёт.

Тут вновь кусты затрещали, выбежал на поляну витязь. Собой хорош: волосы, что пшеница, золотом на солнце блестят, плечи широкие, глаза ясные. Сердце в груди девичье запело будто. Замер на миг и вой, да кинулся с мечом на старика.

Но посреди поляны споткнулся он — нога в коряге запуталась, — так и полетел прямо в них, словно стрела, что из лука пущена. Даже меч выронил из рук.

Кощей от увиденного руку её бросил и на витязя кинулся. Сшиб его тот с ног, и покатились они по земле, будто два зверя.

Бессмертный в шею молодца вцепился пальцами кривыми и давай его душить. Тот уже и не шевелится, и жизнь из него начала уходить, как вода из битого горшка.

Вильфрида палку оброненную подняла, размахнулась получше и со всей силушки по башке Кощею и дала. Разжались пальцы, вновь задышал витязь, а девушка подхватила его под руку и припустила бежать прочь, а то как очухается супостат проклятый да опять женихаться вздумает. На прощанье пнуть не забыла, правда.

А на поляне Мара появилась. Встала над Кощеем, рассмеялась злобно.

— Изловчился, решил, девка по корысти спасёт? Уговор помнишь? Пожалеть тебя должны, а не ради силы помочь. Моя она, а ты ишь чего удумал, себе силу её забрать. Не бывать тому!

Взмахнула серпом, исчезли оба в вихре, только ветер кроны всколыхнул, ветром ледяным всех пробрало.

Вила тоже силу чёрную почуяла, да припустила быстрее, считай, волоком таща незадачливого спасителя, но ежели б не он, не отбиться бы ей от чародея, утащил бы к себе в терем. На берегу болота отдышаться села, тут и парень в себя пришёл окончательно.

Видит, сидит рядом с ним девица красная, дыхание перевести пытается, а водяного да русалок с мавками не видать. «Кто ж ты такая-то, что даже эти попрятались?» — подумал князь. А сам украдкой девкой любуется, хороша. Вот бы и его суженая такая была, румяна, статна. Но не о том сейчас ему думать надо. Хотел было подняться, но в боку словно мечом пронзило, упал на землю, потемнело в глазах.

Первая ссора

— Ты зачем его, спрашиваю тебя, притащила? Там бы и бросила. Мало тебе было варяга? Нового приволокла.

Недовольный, громкий голос ворвался в сознание, сколько, интересно, он тут лежит уже?

— Жалко стало, спас он её! Не подох бы, чай.

Девичий голос бормотал что-то неразборчивое, но зато послышался знакомый откуда-то скрипучий голосок.

— Ну что ты к ней пристал, подлечит его сейчас и выгонит.

— Ага, аль замуж опять приспичит, — не успокаивался мужской голос. — Там всего-то шишка соскочила, пока кувыркался, где саданул. Но вам, бабам, только дай волю, сразу уложите.

— Он, видать, от шишки почти седмицу валяется, да? — Кикимора, а это её голос вспомнил князь, снова начала спорить.

Светозар застонал при попытке сесть.

— Очухался? — говорившего не было видно, только бас мужской слышно. — Вилька, тут твой ухарь глазья открыл!

К постели подошла девушка, странное имя подумалось князю, но тёмные глаза уже завлекли его внимание. Тёплые руки сменили повязку и поправили шкуру.

— Очнулся?

Светозар кивнул, ну как же она хороша. Видимо, улыбка всё же тронула губы.

— И чё он скалится? — мужик снова вскипел.

— Прошка, успокойся ты уже, что ты кричишь, — Вилька повернулась к столу.

Интересно, брат аль другой родич? И тут из-за стола вышел домовой.

— Я-то успокоюсь, но ты потом мне тут не реви, — он хлопнул дверью и вышел.

Точно ведьма какая, князь устало закрыл глаза, хотелось спать.

Второй раз он проснулся, когда за небольшим окном было уже темно, проснулся и закричал. В избе за столом сидел самый настоящий упырь и что-то жрал, хозяйку небось, косточка вон какая тонкая.

— И чё верещишь, будто режут тебя? — недовольный голос домового послышался из-за печки.

Вскоре и он оттуда выбрался верхом на коловерше. Князь снова потерял сознание, слишком много на его долю выпало, силы и так на исходе были. Он, конечно, привычный к сече, крови, но чтоб нечисть вот рядом восседала, этого разум его не выдерживал. Почуяв, что кто-то лупит его по щекам, открыл глаза, упырь, над ним нависал тот самый упырь.

— Живой? — поинтересовалась нежить. «Неживого жрать, что ли, не станет, аль как?»

Но, кажется, жрать его никто не собирался, видимо, про запас оставили. Упырь отошёл и стал что-то строгать, сидя за столом, интересно, что? Оберег из костей, что ли, сожрал человека, а потом и косточки к делу приспособил. Князь сам себя одернул, не о том думает, нужно тикать отседова, а он обереги упыриные размышляет, как делаются, а есть ли у них вобще обереги? Мысли скакали, как белки по веткам, одна сменяла другую, и все не о том.

Домовой этот ещё, опять вон верхом на коловерше по избе катается. А может, это ему мерещится? Упал, ударился головой, и теперь муть всякая видится? Эта мысль Светозару понравилась, скоро он в себя придёт, и всё встанет на свои места. Вот бы и зима, которая всё не уходит, наваждением была.

Девицу только жаль. При мысли о ней в его груди снова разлилось приятное тепло. «Ну точно сон! Кормилица говорила, что жаром сердце обольёт, едва он суженую увидит. Но суже-

ной была же девка из Любича, а не ведьма с болота под Туровом, а значит, блазнится мне это всё». На этом успокоился и вновь в сон провалился.

Изредка просыпался, ел, слушал, как ругается домовой, как упырь колет дрова и таскает воду. Отвары, которыми его поила ведьма, держали его в полусонном состоянии, он даже не воспротивился, когда упырь его в баню утащил, попарил там. Банник тому помогал. Что-то бормотал о том, что Вила слишком добра ко всяким пришлым, но исправно водой окатывал, даже не кипятком. Боялась нечисть, видать, ведьму, подумалось князю. Но вот придти в себя никак не выходило, а так хотелось очнуться у себя в светлице, ну или хотя бы у бабки Малены. Чтобы нежить проклятую не видеть.

Никак разум не хотел за явь всё это принимать, не должно быть так. Жар этот ещё в груди, едва девка появится. А ежели это не сон, так выходит, она его суженая, и как им быть? Она с нечистью якшается, а он князь земель древлянских. Да ещё, судя по обрывкам разговоров, уже был у неё жених, но она выбрала упыря да домового. И как ему тогда, спрашивается, землю свою спасать, ежели та, что судьбой ему назначена, нечисть ценит более людей?

Девица, кажется, о судьбе своей и не догадывалась, вечерами чесала коловершу за ухом, расчёсывала космы домового и кормила упыря пирогами. Кикимора тоже часто в гости захаживала, косила зелёный глаз на Светозара и о чём-то шушукалась с домовым, от чего тот довольно потирал ручонки и с ехидной улыбкой косился в сторону князя. Что они там за подлость задумали?

Наконец он смог подняться, сомнений в том, что он не спит, уже не оставалось, и Светозар лишь печально вздохнул, понимая, что, скорее всего, сердце его обмануло, не может быть эта ведьма его суженой. Ей вон на болоте среди нечисти самое место. Куда ей на престол древлянский.

И тут его словно осенило: а может, не в жены она ему сужена? А в услужение пойти должна, стать ведьмой княжеской, волшбу для него творить.

Зачем князю жена-ведьма? Низачем, а вот просто ворожея-чародейка пригодится. Он аж приосанился, но сердце замерло, жаль всё же, хороша ж бесова дочь, ей бы в княжьем тереме жить, но судьба, с ней не поспоришь.

Ведьма пригласила его к столу, где уже стояла миска с пирогами с капустой, с зайчатиной и лежали растягаи с рыбой. В горшочке томлёная с мясом оленя репа, брусничный морс и плошка мёда рядом с нозреватыми лепешками. Кувшин простокваши. Видать, не бедствовала ворожея, но то и понятно, со всех селений окрестных к ней ходят.

Покосился на упыря, который уминал кашу из большой миски, ложку в перепончатой лапе держать неудобно, так он аки пес нырял в миску мордой, домовой лениво жевал зажатый в лапке пирожок, под столом чем-то хрустел коловерша. Соседство нечисти стало уже привычным, но есть с ними за одним столом? Этого Светозар понять не мог, но жрать хотелось, а потому сел, наклал себе репы и взял растягай. Наскоро перекусив, вышел во двор. В землях дреговичей стояла жаркая весна, пахло нагретой землёй и… болотной водой. Девушка вышла следом, вынесла ухваты и стала чистить их песком.

— Ну рассказывай, кто таков? — спросила она.

Князь задумался: правду сказать или пока присмотреться и придумать что-нибудь? Решил, что пока открываться не станет, неча каждой ведьме знать, кто он такой.

Рассказал, что он древлянский — тут врать не стоило, обережные знаки на рубахе выдадут, — дружинник. В его землях зима стоит, не уходит, вот он и решил счастья тут поискать.

Шёл по лесу да услышал, как она помощи просит, но помочь не вышло.

Домовой, сидевший на завалинке с очередным пирогом, поморщился: Гранька ему уже успела донести, кто такой к ним в избу пожаловал. Но выдавать Светозара он не стал, решил поглядеть, чего тот задумал. Даже не поленился, сбегал до Водяного и тому наказал Вильфриде не говорить, кого она в избу приволокла.

Представился князь именем воеводы — Елизаром.

Ведьма задумалась: что с ним делать?

Елизар-Светозар предложил свою помощь: не хотелось ему с болота уходить, да и выяснить, где ворожея Ясиня обитает теперь, нужно было. Девушка подумала и согласилась: мужские руки в хозяйстве сгодятся.

Уже неделю жил князь в избушке на болоте. Колол дрова, даже приспособу дивную, доставшуюся от варяга, оценить успел. Воду таскал, да раскопал ещё участок земли под огород. Вечерами сидел на лавке, любовался на девушку, сидящую под лучиной с пряжей. Она ему сказки рассказывала, что знала от бабки. Иногда брала с собой в лес, познакомила с лесовичком. Дед Боровик Светозару понравился. А вот мавки хоть и не трогали, но глазами зелёными сверкали в его сторону злобно. Водяной тоже так и норовил водой окатить. Домовой старался его не замечать, а ежели приходилось, то был груб и неприветлив, как и кикимора Граня.

Единственные из домочадцев, кто его приняли, были упырь и коловерша. Последний так вообще повадился спать рядом с князем, жался тщедушным тельцем к его боку и тихо сопел, пригревшись. Поперву Светозара такое соседство даже страшило, а потом привык и даже сам звать того на ночь стал. Тишка оказался скромным, застенчивым. Чаще всего сидел в сторонке и что-то строгал ножичком, но что — никому не показывал.

Вильфрида о себе не рассказывала, а прямо спрашивать Светозар пока страшился. А как что заподозрит? Наконец решил, что надо девку в себя влюбить и потом уже вопросы всякие ей будет задавать. Он успел заметить, что девушка любит всякие красивые вещи, и решил ей фигурку из дерева вырезать. Не хотел князь даже себе признаваться, что сам-то он давно уже сердцем к ней прикипел. Но чем строгать? Топором несподручно, а ножичка небольшого у него не было, только меч да кинжал, а они не для затей приспособлены. Решил у упыря попросить.

Тишку нашёл во дворе. Тот сидел в тени поленницы и снова что-то строгал. Князь подошёл ближе и встал в сторонке.

— Тиша, — окликнул он того. — А не будет ли у тебя ещё ножичка?

Упырь оторвался от своего занятия и поднял голову с большими ушами.

— Мне очень надо, — пояснил Светозар. Упырь его ещё страшил, но уже не так, как в первые дни.

Тишка широко улыбнулся клыкастой пастью и протянул небольшой нож, терявшийся на огромной перепончатой лапе.

— Держи! Но сделаешь и мне игрушку? А зачем тебе?

— Хочу Виле фигурку выстрогать, ты только ей не говори, ладно? — попросил князь. — А игрушку сделаю, какую тебе?

Тишка деловито кивнул и снова оскалился. Оказалось, он хотел получить двух медведей, что стучат молотами по наковальне, про такое диво ему Прошка рассказал, князь изготовить игрунок согласился. Ему вдруг стало интересно, что такое каждый день упырь строгает. Он попросил его показать. Тишка спрятал вторую лапу за спину и густо покраснел.

— Плохо умею, неча показывать.

— А я помогу, — неожиданно даже для самого себя предложил князь.

Упырь задумался, а потом вдруг вытащил лапу и раскрыл ладонь. Там лежал небольшой оберег — Алатырь. Мелкие детали были грубыми, местами дерево расщепилось. Его лапищами такую тонкую работу делать и правда тяжело.

— Виле делаю, но не выходит, — пожаловался он.

Князь повертел оберег и сел рядом. До вечера он помогал упырю, направлял его лапу, показывал, как тому нож сподручнее держать, и наконец оберег был готов. Тишка светился от радости и тут же побежал показывать работу хозяйке. Или не хозяйка она ему? В этом Светозар пока не разобрался. Вечерами он строгал игрушку для упыря, начать решил с нее, чтоб вопросов не было, чем он таким занят. Тишка к князю тем временем совсем прикипел и частенько

сидел рядом с ним, глядя, как ловко тот ножом стружку снимает. В один из дней попросил Светозара поиграть с ним. Тот долго думал, во что, наконец вспомнил игру «Ладушки» и предложил упырю. Лапы его были слегка влажными, липкими и прохладными, но отвращения уже не вызывали, зато вызвали восторг упыря, когда их руки с мокрым хлопком соприкасались в такт стишка: «Ладушки, ладушки, где были? У бабушки! Ели там кашку. Пили простоквашку!»

Светозар читал стишок и смотрел на довольную морду упыря и думал о том, что сперва их нечистью считал, но нет, они, конечно, нечисть, но добрые, Вилу любят и даже к нему попривыкли, все, окромя домового. Даже кикимора и та приняла его после того, как он ей сеть переплёл. А вот Прошка постоянно дёргал его, будто знал что такое, но не говорил. Светозар задумался, а может и знал, Водяной мог ему рассказать, что он князь.

В этот вечер он закончил игрушку для Вилы и отдал ей. Девушка долго вертела в руках искусно вырезанную совушку, каждое перо князь изобразил как живое. Захлопав в ладоши, она даже чмокнула его в щеку и тут же отскочила, зарделась вся. В груди Светозара будто пожар разгорелся, ему казалось, что он как птица какая над землёй полетел. Он осторожно взял её руку в свою и попытался притянуть девушку ближе.

— Не балуй, — небольшая ладошка упёрлась в его грудь.

Вила смахнула упавшую на лицо прядь и хитро посмотрела на него из-под опущенных ресниц. Сердце князя ухнуло куда-то в пятки. «Бесова девка, но как хороша!» — подумал он и встряхнул кудрявой головой, прогоняя наваждение.

Вила присела у стола, кончики пальцев мелко подрагивали, помня его прикосновение. Как ей хотелось в тот момент кинуться ему на грудь, но что-то остановило.

Светозар сел тем временем напротив.

— А ты давно тут живёшь, так и не рассказала… — он обвёл взглядом избу.

Ведьма села поудобнее и начала говорить. Рассказала про бабку, как её Тишка нашёл и как она тут одна оказалась. Мир вокруг князя вдруг потускнел. Ведьма померла давно, а как же теперь меч сыскать? Девка про него не рассказала, значит, бабка ей на хранение не отдала его. Помрачнел Светозар. Это и Вила заметила.

— Ты чего насупился?

— Тяжело тебе одной жить, жалко стало тебя. Тебе б замуж выйти, что ль, — выкрутился он.

— Да кто ж меня с таким приданным, — она кивнула в сторону игравшей на полу в бирюльки нечисти, — возьмёт-то? Аль ты?

— А хоть и я, — вырвалось у Светозара. Никак он не мог в её присутствии разумно мыслить. «Что несёшь?» — обругал он сам себя. Но продолжил: — Ты же вон морок наводить умеешь, будет коловерша псом людям казаться, Тишка — братом твоим, а домовой котом обернётся, я видел, он умеет.

Прошка злобно зыркнул из-под густых бровей: «Чего удумал, котом». Девица рассмеялась.

— Спать пошли, жених. Утро вечера мудренее.

Наутро князь вышел во двор и потянулся под лучами солнца. Пора ему, пожалуй, уходить, меча он тут не сыщет, но как уговорить ведьму ему помочь?

Только он собрался с ней поговорить, как из дома выскочил домовой, опять верхом на коловерше.

— Сам ей скажешь али как? — с ходу набросился он на Светозара.

— Что скажет? — из дома на шум вышла заспанная Вила.

Светозар замешкался, но понял — пора открыться.

— Не гневайся только, я князь Светозар, правитель земель древлянс… — Договорить ему не дали. Вила схватила стоящий у двери ухват.

— Ах ты змей ползучий, гад болотный, женихом прикинулся, а сам за мечом явился, да? Хотел меня, — ухват больно ткнул его в только зажившие было ребра, — охомутать да меч выманить? Вот я тебе, супостат проклятый.

Светозар бросился прочь от разъярённой девки.

— Оглашенная!

Домовой, усевшись верхом на плетень, покатывался со смеху, глядя, как Вильфрида гоняет тяжёлым ухватом князя по двору.

— Убирайся прочь с глаз моих, змей подколодный.

Светозар натолкнулся на дерево и резво забрался на сук. В седалище прилетел ком земли.

— Тишка, хоть ты её успокой, — взмолился он, увидев выходящего из избы упыря.

Но тот лишь печально качнул головой. «А я тебе поверил, эх ты», — грустно проговорил он.

— Слезай сейчас же и выметайся вон! — ведьма пыталась достать его ухватом, от чего приходилось поджимать ноги. Ну не драться же ему с бабой в самом деле?

— Ты мне вообще-то судьбой напрядена, — попробовал он вразумить девку, не стоило.

Упоминание о судьбе разъярило её пуще прежнего.

— Сужена я тебе, значит, да? — в правую ногу прилетел камень. — Слазь, сказала, сейчас я тебе покажу судьбу твою.

И, скорее всего, стащила бы его оттуда и растерзала, но тут со стороны болота послышался голос кикиморы.

— Вилька, тебя Водяной кличет, еще одного поймал, гостя твоего ищет.

От новости князь отпустил сук и сверзился прямиком на стоящую под деревом девушку. Лёжа на ней сверху, он словно утоп в её глазах. В чувство привела шишка, ловко брошенная домовым.

— А ну слазь, чего развалился?!

Вильфрида оттолкнула его в сторону, сердито одернула платье и пошла к бочагу. Сердце бешено колотилось в груди, светлые глаза князя стояли перед её глазами.

«Суженый явился, ряженый…» — злобно подумала она.

Вдова

Голова жутко болела, пахло дымом, какими-то травами. Гостомысл застонал, опустил ноги на пол и огляделся. Изба была грязной и закопчённой. Всюду висела паутина, пол был усыпан мусором и объедками. В углу в очаге тлел огонь, от которого по избе расползался густой дым. На полу валялись шкуры животных, а на стенах висели пучки сушёных трав и кореньев. В воздухе стоял тяжёлый, удушливый запах. На деревянном столе стояли грязные миски с объедками. В одном углу избы стояла большая деревянная бочка, наполненная мутной водой. Везде царил беспорядок и запустение. Казалось, что в этой избе никто не жил уже много лет. В углу копошилась бабка — тощая, грязная старуха в лохмотьях, похожая на ожившую Ягу из сказок.

Её сморщенное, как печёное яблоко, лицо было покрыто сетью морщин. Глаза, как у хищной птицы, сверкали недобрым огнём из-под набрякших век. Под большим крючковатым носом зиял провал беззубого рта. Длинные седые волосы, спутанные в колтуны, свисали с головы, словно змеи.

Старуха была одета в грязные холщовые рубаху и юбку, когда-то белые, а теперь засаленные и в бурых пятнах. Её босые ноги, покрытые мозолями и бородавками, шаркали по полу.

Босые же ноги Гостомысла коснулись пола, и он тут же отдернул их назад. Пол был липким, противным на ощупь и весь в каких-то комочках грязи. Он брезгливо поджал ноги под себя.

— Очухался? — бабка подслеповато сощурилась и села за стол. — И чего, как нетопырь по болоту, метался? Чуть беса моего не задавил.

Наместник сглотнул. Очень хотелось пить. Бабка поняла его жест и протянула замызганную кружку с водой. Та была тёплой и отдавала тиной, но ему сейчас было наплевать. Залпом выдул болотную воду и выдохнул.

«Как бы разговор начать? Выведать у неё, где она меч прячет, аль соврать чего, сил набраться да задавить бабку и обыскать избу? Но как потом мимо беса идти?»

Решил сперва всё же солгать.

— Прохожий я. Просто мимо шёл, а тут сказали мне, что ведьма сильная живёт на болоте. Решил зайти. Может, ты мне с хворью поможешь?

Про хворь не врал. Много лет назад на охоте вепрь его задел, и с тех пор нога его частенько сильно болела. О том бабке и поведал. Та почесала бородавку на подбородке грязными длинными ногтями и задумалась.

— Ну посмотрю, коль просишь. А расчёт чем вести станешь?

Кошеля на поясе не было, то ли обобрали, пока в беспамятстве лежал, то ли в болоте утопил. Задумался. Старуха предложила ему отработать помощь: дров там наколоть, воды натаскать, избу да баню подправить и плетень новый поставить.

Гостомысл поинтересовался, как он мимо беса ходить станет. Бабка обрадовала, сказала, даст тому приказ Гостомысла не трогать. Вот он, шанс его.

Несколько дней он отлеживался, а потом принялся плату творить. Надо было войти в доверие, а там уже удавить старуху, сыскать меч да тикать с болота. Непривычный к труду, он и к топору не знал, как подступиться. Пришлось бабке учить его дрова рубить.

Взял он топор в руки и замахнулся. Но руки его были слабы и неумелы, топор соскочил с чурбака и с силой ударил по его же ноге.

Кровь брызнула во все стороны. Гостомысл взвыл от боли и упал на землю. Бабка, услышав его крик, бросилась к нему. Перевязала рану. Покачала головой, достался же ей помощничек. Отлежавшись, отправился за водой. Колодец был старый, сруб ветхий, почти весь прогнивший. Местами доски отвалились, обнажив труху внутри. Осторожно заглянув внутрь,

наместник увидел, что вода далеко от края. Он привязал к верёвке деревянное рассохшееся ведро и спустил его вниз. Ведро с глухим стуком ударилось о воду и быстро наполнилось. Гостомысл начал вытаскивать ведро, но оно вдруг зацепилось за что-то, и верёвка выскользнула из его рук. Полетело оно вниз, а наместник, потеряв равновесие, упал на край колодца. Он ухватился за скользкие доски и повис над водой. Колодец был глубокий, и вода внизу казалась чёрной и холодной. Гостомысл попытался подтянуться, но гнилые доски проломились под его весом. Он начал падать, но в последний момент успел ухватиться за каменную кладку, что была ниже досок. С большим трудом выкарабкался наверх и сел на землю, тяжело дыша. Бесёнок, глядя на его потуги, со смеху на земле покатывался. Бабка же поняла: прока с него не будет, только разрушит всё.

Наместник же задумался, как бы ему бабку объегорить. Бес ни на шаг от той не отходил, удавить при нём не выйдет. А помощи от него боле не просят. Да и поглядывает старуха уже косо, намекает, что пора и честь знать.

Вечером расплакался, мол: «Прости меня, бес попутал». При этих словах Анчутка скосил на него глаз, дескать, что это ты там несёшь? Не путал я тебя вовсе. Соврал: «Являюсь я наместником княжьим, приказано мне как лучшему воину тебя извести, но рука не поднялась».

Цыба виду, что князь у неё побывал, не подала, решила дальше послушать, что ей этот змий баять станет. Лучший воин, с таким-то пузом? Но ладно, пущай чешет, она сказки любит.

А тот соловьём заливается, на судьбинушку жалуется. Князь, мол, у них лютый, дщерь Гостомыслову в полон взял и приказал без меча на глаза ему не казаться.

Бабка тем временем придумала, как проучить болтуна. Налила себе простокваши, накрошила в неё лепёшку, сидит, ждёт, пока хлеб размокнет. Да наместнику и говорит:

— Меч, говоришь, Харалугом зовётся?

Закивал Гостомысл, счастью своему не веря. Сейчас бабка ему всё и выдаст. Душа ликует его, какой он умный да хитрый, обвёл ведьму вокруг пальца.

— Так меч тот у вдовой бабы в бережках хранится. Но отдаст она лишь тому, кто от змия огненного, что к ней кажину ночь летать повадился, избавит. Но ты ведь воин знатный, то тебе труда не составит. Вот и получишь меч, да дочь свою выручишь.

Чуть не поседел наместник. Самого змия огненного побороть надо, говорят, силён он.

Проводил его бес наутро до леса, тропку к деревне указал. К вечеру Гостомысл в Бережки и вышел, нашёл бабу вдовую. Та как услышала, что пришёл он её от змея избавить, так на шею ему кинулась. Наместник аж расцвёл.

Хороша вдова собой была: высокая, крепкая, словно яблоко наливное румяная, всё при ней. Прижал к себе её тело белое, да давай её целовать, словно сам змием тем стал. Захватила его страсть, жмётся к ней, рычит, будто зверь дикий, а баба и рада, сама порты с него тянет.

Сам не понял, как оказался на полатях. Час, почитай, она его мучила. Лежит наместник опосля, гладит её по плечу, сил не осталось. Как со змием биться станет, видать, то вслух сказал, а баба ему и говорит:

— Пока ты со мной, не явится он.

Героем себя почуял Гостомысл, без битвы с нечистью сладил. А тут ещё и отплата такая: молодая, красивая. Не жизнь, а сказка.

Порешил он, что как меч добудет, так сразу вдовицу с собой заберёт, заменит ей старую женку. А та снова гашник на штанах тянет, ненасытная попалась. Вновь отдался наместник страсти удовой.

Опосля кваса холодного напился, лёг, руки за голову закинул, лежит. А баба вновь к нему подбирается. У того уже сил нету, а она всё теребенит его.

На пятый раз он от неё на карачках в сени выбежал. «Пощади!», — говорит. А та всё хохочет, да в избу тянет за порты назад. Повернулся наместник, да охнул, глаза девки словно светятся, да как змеиные стали. Вспомнил он всё, что про огненного змия знал: может тот

прикинуться красивым мужем аль девкой красной, является он только одиноким иль сильно охочим до яра, но от супружников недополучающим. А как сблазнит человека да удова страсть силу наберёт, так и сосет жизненную силу из того, до смерти затетешить может.

И сейчас это чудище его, Гостомысла, за порты в избу волокло, а он даже меч где-то обронил. Клял он себя распоследними словами, повёлся на бабкины сказки, какой тут меч, ноги бы унести. А баба его тем временем в избу затащила и снова давай яриться принуждать. Теперь уже не он, она аки зверь какой рычит. А наместник лежит, вспоминает, как от неё избавиться можно. А главное ж вот напасть, голова против, а тело предательское так и горит огнём ярилиным, а змию того и надо, нажирается силой его.

Вспомнил, что можно отваром себя облить из касатиков, горчанки да буркуна, но где ж его взять? Ведьма ещё прогнать может, только вот она его на погибель-то и послала, проклятущая.

Одолень-трава ещё помочь могла, но и её где б взять? Наконец отстала от него баба, едва петухи закричали, отодвинулась да и легла спать, но меч его к себе прибрала. Вот и верь после этого, что вся нечисть железа калёного боится. А Гостомысл кинулся прочь из избы. Бежит в одних портках, дороги не разбирая. К вечеру запыхался, увидал заимку лесную, решил в ней переночевать. Только лёг, слышит, летит кто-то, крылья по ветру хлопают. В окна огнём полыхнуло, распахнулась дверь, и стоит на пороге вдовица.

— Сбежать решил? Так не выйдет.

Скинула с себя плащ и снова всю ночь ярила его. А едва петухи в деревнях запели, заснула. Снова бросился прочь бежать наместник, ноги еле переставляет, но идёт, понимает, что иначе погибель его неминуемая ждёт. Нужно отыскать ему ведьму, что сможет от змия избавить. Он уже и Мару с Чернобогом просил, и к Лешему взывал, но никто ему не ответил, видать, он и не нужен-то больно им.

И в эту ночь нагнал его змий, прямо под кустом пришлось тешить. К утру сил встать не было, почитай ползком уже двигался, но упрямо полз, ежели к ночи не найдёт деревни с ведьмой, не жилец он боле на белом свете. К вечеру выполз на болото, сунулся было в воду, а оттуда русалки на него глядят, заорал не своим голосом, а позади уже змий стоит. Попал из огня да в полымя. Русалки на змия шикают, тот шипит в ответ, добычу нечисть делит. Тут ещё и Водяной на коряге прикатил. Глаза свои рыбьи пучит, булькает что-то, а что в гомоне не разобрать. Но змия прогнал. И уволок Гостомысла под воду, тот уже с жизнью своей попрощался, где ж это видано, что человек на дне болота выжил. Ан нет, дышит даже, усадил его болотник на камень, дал чего-то испить, сразу сил прибавилось. Забулькал снова, но теперь наместник речь его разобрал.

— И зачем ты явился на моё болото? — спрашивает его хозяин речной. — Девок моих растревожил почём зря?

Задумался снова Гостомысл, что рассказать, как бабке да лешему, что князь извести всех желает, аль чего другое соврать?

Решил, что расскажет версию, что ищет князя, чтоб весть важную сообщить, так выглядеть будет значимее. Начал рассказ о том, как на Вручий упыри напали, послал он туда дружину, а сам за князем вдогон поехал. Да потерял воев в городе. Поверил на слово бабке, поехал в лес, где князя якобы видели, а там нет никого, заплутал. Выехал к болоту, где ведьма над ним поглумилась, сперва чуть не утопила, а потом к змию послала. И вот насилу от того вырвался да до них и добрался.

Выслушал его Водяной, покачал башкой лупатой, всё тело всколыхнулось.

— Досталось тебе, — забулькал он. — Значит, князя ищешь?

Кивнул Гостомысл. А сам оглядывается потихоньку: горница, куда его притащил Водяной, была словно в воздушном пузыре. Стены из водорослей да травы, мебель вся каменная, жемчугом речным всё изукрашено, богато хозяин рек живёт.

— Ты вот всё про змия талдычишь, — продолжил Водяной, — но змий бабой никогда не оборачивается.

Гостомысл чуть водой не поперхнулся: «А кто ж его тогда мучил?». Откашлялся и задал вопрос вслух.

— Того я не ведаю, — покачал головой болотник, — но, может, Вильфрида знает. Надо тебя к ней отвести.

О том, что и князь там, он промолчал, пущай сами решают, кто это и надо ль ему про Светозара знать.

— А пока отдохни немного, я тебе портки хоть отыщу, негоже к девице без штанов являться.

Только сейчас наместник понял, что его порты, считай, ничего уже и не скрывают. Видать, нечисть, когда трепала его, всё изорвала. Тут же срамное место прикрыл ладонями. Водяной запрокинул голову и давай хохотать, всё пузо заколыхалось.

Махнул рукой, и русалка отвела Гостомысла на покрытую травой болотной каменюку, чтобы поспал, значится. Только голову опустил он и тут же в сон провалился.

А Водяной задумался: «Отчего это летавица, а что это была именно она, а не змий огненный, он не сомневался, вдруг к наместнику пристала? Обычно эти бесы только тех одолевали, кто сам не прочь был удовой страсти где попало да с кем попало отдаться, а ещё душу имел чёрную, завистливую». С тем образом, что рисовал ему Гостомысл о себе, это не вязалось никак, а значит, обманывает он его. А этого ох как хозяин рек не любил. Ну да пусть отоспится, там он его к ведьме отведёт, и та вызнает, зачем он явился, с какими мыслями и что за дух его терзает. А пока отправил русалку в деревню, штаны с верёвки унести да рубаху, надо же во что-то гостя приодеть, как с голым задом-то вести к девке молодой.

Гостомыслу же сон снился, как он меч раздобыл, покорил земли окрестные, да бабу змия своей женою сделал. И столько в его теле любосластия да силы ярилиной было, сам себе дивился. А меч от того огнём пылал, будто они его своим жаром оживляли. И так во сне ему радостно было, хотелось, будто птице, летать.

Водяной заглянул к наместнику, что разметался по постели и громко стонал, да двигался, будто девка рядом лежит. Покачал головой, нет покоя от беса и во сне, так, пожалуй, до смерти замучает, ежели не избавить.

Дождавшись русалку, растолкал Гостомысла, тот ото сна еле проснулся, так не хотелось глаза открывать, а как открыл, понял, что снова сил, почитай, не осталось. И как эта баба и во сне-то его мучает? Мочи нет терпеть, кипит всё в нём, прикрылся, чтобы срам его не видели, а сам всё на русалок косится, не Водяной бы, кинулся б аки зверь дикий в гон.

Кинул ему тот одежу да вышел, одевайся, дескать. Натянул наместник на себя порты с рубахой, поморщился. Грубое всё, пятна вон какие-то. Не к такой одежде он привык, но да что поделаешь, сам виноват, послушал ведьму проклятую. Нет чтоб сразу удавить да меч забрать, как теперь возвращаться за ним?

Вынырнула коряга на поверхность и покатила их с Водяным к дальнему берегу.

Дивится наместник, надо ж такому чуду быть. Вскоре увидел избу, небольшая, но справная, руку хозяйскую видно. Плетень новый стоит, огород разбит поодаль, из трубы дымок курится, а на берегу баба какая-то сидит, что-то плетёт.

Подплыли ближе, и понял он, что не баба то, кикимора, сеть плетёт зачем-то. Водяной к ней русалку жестом отослал, что-то той на ухо булькнув, а что, Гостомысл не разобрал. Кикимора носиком тонким пошмыгала, послушала, в его сторону глазёнками чёрными стрельнула, юбки подобрала и рванула к избе по тропке, камнем выложенной.

— Позовёт сейчас Гранька Вильфриду. А мы пока подождём, хозяйка сама придёт, — упредил Водяной его вопрос, чего им, собственно, тут сидеть ждать. — Не любит она, когда к ней гости незванными являются, — пояснил в ответ на взгляд наместника.

Кивнул тот, придётся, видать, подождать, хотя непривычный он к такому обращению, его все обычно ждут, а тут девку какую-то жди сиди.

Отвернулся, стал болото разглядывать, но вроде как и нечего. Кругом только туман, чёрные коряги да мох с водой, куда ни глянь. Вскоре вернулась кикимора.

— Ждёт его Вильфрида, сказала привести, — раздался скрипучий голосок.

Водяной, особо не церемонясь, вытолкал пинком Гостомысла в воду и обратно в туман укатил. Сделал пометочку наместник, раздобыть меч да покарать обидчика. Его, княжьего наместника, да пинком в вонючую жижу, что он о себе удумал!? Встал, отряхнулся как мог, голову задрал важно и пошёл за скачущей по тропе нечистью к избе. Главное, ведьму на свою сторону сманить, а там со всеми расквитается.

Летавица

— Вила, — окликнул князь девушку.

— Что тебе? — нервно поведя плечом, она остановилась, мало ей этого, Водяной нового сыскал где-то, да ещё и бесом одержимого, ежели кикимора всё верно поняла.

— Не говори, что я тут. Узнать хочу, кто по мою душу явился и зачем. Никто не ведал, окромя троих, куда я поехал. Зачем бы им меня искать? — попросил Светозар.

Вильфрида задумалась.

— Ладно, на печи ляг и как мышь за веником сиди там, как вызнаем, чего гостю от тебя надобно, так и покажешься.

Князь в избу шмыгнул, лёг на печи, завесью прикрылся и лежит. Слышит, в избу вошли, лёгкая поступь, то Вила идёт, а следом кто-то грузный топает, вон аж пол трясется.

— Ну рассказывай, кто таков, зачем явился? — послышался голос ведьмы. Заговорил гость, тут же Светозар узнал голос наместника из Любича, Гостомысла. «И зачем он явился?».

— Гостомысл я, хозяюшка, наместник князя древлянского Светозара, — не уклонилось от него, что при имени княжьем девушку аж передёрнуло, хорошо, считай, союзник. — Его искал, во Вручие беда случилась, напали упыри проклятые на городище, — на этих словах он поперхнулся, за столом, в тени, сидел самый натуральный упырь и что-то жрал. Нашёл в себе духа, продолжил, а сам всё на девку косит. — Я дружину туда послал, а сам за князем. Не дело ему по лесам таскаться, меч искать сказочный, то баба напридумала, а он как дите поверил, когда в граде дела такие. Ежели уж больно надо, сам меч сыщу для него, а он землям своим нужен.

Он перевёл дух и отпил воды из ковша. Ох, хороша девка, снова в нём сила Ярилина просыпаться стала, завалить бы её на лавку да всю ночь ярить тело белое молодое. Чуть не кинулся, еле сдержал страсть, наружу рвущуюся, не время пока, успеет ещё завалить, вон она как на него глядит, не отрывается. Ну оно и понятно, таких мужей небось и не видела, рада будет наложницей его стать да по ночам радость удову дарить, страсть гасить его. Одернул мысли срамные, дальше говорить стал, а то совсем уже низ жаром охватило, того гляди, как пацан изольется в порты.

— В Турове послали меня в Бережки, а там ведьма злобная, чтоб её бесы куда снесли, наслала на меня порчу какую, баба меня преследует, яриться с ней принуждает, а я силы от того теряю. Нет, я, конечно, силён ещё, не смотри, что не юнец безусый, удовой силы во мне много, но то ежели по согласию, а супротив воли оно не радостно. Вот ежели б ты ко мне с ласкою, — чуть не выскочил Светозар с печи, но сдержался, не время ещё, но ежели тронет, не сносить ему головы. — Я б тебя женой второй взял, не знала бы ты ни в чём недостатка. Засеял бы поле твоё семенем, чтоб народилися у нас сыны сильные, — говорит, а сам к девке ближе подбирается, невмочь уже.

Сам не понял, как упырь за спиной оказался, скрутил его да к столбу посреди избы привязал.

— Летавицей ты одержим, наместник, оттого будто пёс и бегаешь, ищешь, где бы пристроиться, — заговорила Вильфрида. — А вот отчего она в тебя вселилась, то вызнаем скоро. Отвар только приготовлю, ты пока тут побудь, а то беду сотворить можешь. В таком виде ты и силком можешь полезть, так оно всем спокойнее.

Ведьма повесила над очагом закопчённый котелок и налила воду.

— Значит, ты совсем не тщеславен, говоришь? Готов живота не жалея ради князя по лесам рыскать?

Гостомысл тяжело дышал от огня, горевшего в чреслах, мысли от того путались, но обвинение, что, дескать, он просто прислужка, его обидели.

— Да я того князя могу в бараний согнуть, ежели захочу. За мной сама Мара стоит, — брякнул он.

Вила замерла, опять она. Но надо бы выведать, что известно наместнику, не просто так летавица в нём обосновалась. Эти духи завсегда выбирали души чёрные, чтобы не гнушались и силком бабу взять в момент, когда удова сила через край плещет, а значит, точно её семя разнесут. И народятся у тех баб девки — новые летавицы, которые продолжат дело своих матерей. Будут искать мужиков, что за удом уследить не могут, да душой темнее ночи. Сами-то они пустые, будто бочка, не прорастает в их утробе мужское семя.

— Сама Мара, говоришь? — она изобразила интерес, подкладывая в котёл травы.

— Сама. Я с ней да мечом всеми землями править стану, а ты, ежели верна мне будешь, то сможешь наследника мне подарить. Баба моя так и не смогла.

Князь на печи завозился, хотелось выскочить да проткнуть сердце чёрное, ишь чего удумал. Заметила то Вильфрида, подошла к завеси.

— Сиди. Покуда надо вызнать, зачем он богам, — шепнула она Светозару, злоба на него в груди ещё горела, но Мару она невзлюбила больше, из-за неё с матерью она разлучена была.

— Сына хочу, а ты девка справная, должна плодовитой быть, — Гостомысл болтал без умолку, так его эта идея захватила. — А Светозар пусть дальше суженую свою ищет, не захотел дочь мою брать, так я сам всё возьму.

— А кто ему сужена? — будто между делом спросила Вила.

— Девка из Любича, да только её волки давно сожрали, мать её у нас жила, юродивая стала опосля того, как её муж избил. Она тогда в лес сбежала с дочкой, да ту там и потеряла, мужа, навроде зарубила, а сама с глузда двинулась. Давно то было, лет ужо семнадцать как назад.

Замерло сердце Светозара, видел он ту бабу, где теперь суженую искать, точно не ведьма это. И тут его как обухом ударило, Вилу ж от матери упыри отобрали, как тут не помешаешься?

Видать, и Вильфрида поняла, что речь о ней, охнула да руками рот прикрыла. Не уйти от судьбы, князь её суженый. Но как быть, когда она его убить хочет едва видит, за обиду бабке причинённую?

Приготовила тем временем отвар, теперь бы князя как вывести, а не то не ровен час на него летавица кинется. Завязала глаза Гостомыслу, будто для обряда изгнания то надо, а сама показывает Светозару, выйди, мол, из избы. Понял тот, выскользнул за дверь, присел на завалинку.

В полумраке избы Вила тем временем колдовала над котлом. В нём кипел отвар из трав: касатиков, горчанки да буркуна. Запах был резкий и горький, заполнявший всю избу.

Гостомысла Тишка уже поклал на лавку, да привязал покрепче, его тело сотрясалось от озноба, чуял дух запах отвара, пытался освободить тело, им захваченное. Его глаза были закрыты, а лицо искажено гримасой боли.

Ведьма взяла горшок с кипящим отваром и поставила остужаться. Как только он остыл, осторожно она начала ему на голову лить, приговаривая слова волшбы, но так тихо, что не разобрать было.

Отвар шипел и испускал пар, касаясь кожи наместника. Тот застонал и забился в корчах. Вильфрида продолжала лить отвар, пока мужчина не обмяк и не перестал двигаться. Наступила тишина. Вдруг его тело изогнулось дугой, все кости выворачивая. «Аааaа!» — закричал наместник пронзительно, будто выпь какая. Он заметался по лавке, летавица искала выхода.

И снова зашевелились губы ведьмы, полились слова волшбы, словно ручей.

Долго Вила билась с нечистью, но наконец удалось изгнать её. Глубоко она засела в душе Гостомысла, никак отпускать не хотела. По телу мужчины катились крупные капли пота, ногти были сорваны в кровь, так сильно он лавку царапал, пытаясь от пут освободиться. Но наконец

затих, уснул. Грудь его мерно вздымалась, веки мелко подрагивали, а тело было холодно как лёд. «Как бы не помер», — мелькнуло в голове ведьмы.

Светозара в избу так и не пустили, больно уж он рвался зарубить Гостомысла прямо там. Но кто знает, может, не его то мысли были, а одержимостью ведомый — чёрное супротив своего князя задумал.

Лишь через сутки в себя пришёл Гостомысл, открыл глаза и мутным взглядом обвёл избу. Не чуял в себе более желания на всё кидаться да яриться, да и силы возвращались. Выпил, что ему поднесла ведьма. А через час решил во двор выйти. Отворил дверь, от света яркого зажмурился и тут же от удара в скулу обратно в избу влетел, аж в глазах потемнело. Головой приложился об лавку так, что искры посыпались. Чует, тащит его кто-то наружу, будто куль с мукой.

Открыл глаза, а перед ним, широко расставив ноги, князь Светозар стоит, меч на него направил.

— В рог, значит, бараний согнёшь? — сталью зазвенел голос княжий. — Землями моими править станешь?

Заметались мысли, будто птицы, что ответить, как извернуться, а изнутри словно кто шепчет: «Вызови на бой! Вызови, заруби! Прямо тут и станешь сам князем!». А и правда, чего бы не зарубить? Вон и меч у лавки стоит, хороший, крепкий клинок, стали дамасской, на Руси таких не делают.

Бросился наместник к нему, схватил. И встал напротив Светозара, готовится к бою.

Но не торопится князь первым напасть, стоит, мечом помахивает. Первым ринулся Гостомысл, замахнулся тяжёлым мечом, но увернулся Светозар от удара.

Еле успел наместник удар его ответный отбить, зазвенели клинки, встретившись, заскользил меч князя по тяжёлому клинку. Разошлись, наместник тяжело дышал: давно не бился, да и годы своё брали, брюхо, за годы жизни спокойной отожранное, мешалось.

Начал теперь он вокруг князя кружить, а тот не спешит, примеряется.

Взмахнул, словно снизу достать хочет, но едва Гостомысл меч подставил, как ему ногой в пузо и прилетело. Откинуло к стене. Тяжело ему бой даётся, а голос всё зудит: «Убей да убей», — спасу нет. Да и сам понимает, теперь в ноги с повинной не кинешься.

А тут ещё и домовой на плетне сидит, потешается, язвительно бормочет, дескать: «Куда ты, боров, полез, изрубят тебя сейчас, как капусту по осени».

Злоба лютая глаза ему застила. Зарычал да напролом бросился, а князь возьми да отступи. Будто баран в плетень башкой втемяшился и застрял посреди прутьев, насилу вырвался.

Размахнулся, наискосок мечом вдарил, но ловко уклонился Светозар от удара, усмехнулся насмешливо и в ответ мечом махнул. Перед лицом наместника сталь прозвенела. Отшатнулся Гостомысл, чуть не оступился, в ответ выпад сделал, глухо зазвенел его меч, встретив клинок князя, аж искры во все стороны полетели.

Пот градом по лицу уже катится, глаза застит, а отступиться никак, наступает Светозар, меч всё чаще звенит. Гостомысл наступать опять стал, осыпая князя градом ударов. Но Светозар легко отбивал выпады наместника и наносил свои, постепенно загоняя противника в угол. Гостомысл тяжело дышал. Одышка мешала ему двигаться, а лишний вес сковывал движения. Светозар заметил слабость наместника и усилил натиск. Он наносил удар за ударом. Отступал тот, пытаясь уклониться от них.

В один момент он оступился и упал на колено. Князь тут же воспользовался его промашкой и замахнулся для решающего удара. Но будто сама Макошь отвела руку князя в сторону. Меч Светозара скользнул по плечу наместника, нанеся лишь неглубокую рану. А Гостомысл, воспользовавшись передышкой, вскочил на ноги и отступил на несколько шагов. Теперь уже он кружил вокруг князя, выжидая удобного момента для удара.

Светозар не спешил. Он знал, что наместник выдохся, и ждал, когда тот сделает ошибку.

И он её совершил, размахнулся для удара, но слишком уж. Князь легко уклонился и тут же нанёс ответный. Меч наместника вылетел из его руки и упал на землю. Покачнулся от усталости, а клинок княжий прямо в сердце метит. Попрощался с жизнью тот... Но князь будто оступился и ударил лишь в плечо его. Отбросило силой Гостомысла, и видит он: стоит посреди двора женщина красоты страшной. Волосы чёрные, будто ночь, платье дымкой по земле стелется, а в руке серп, рунами горит.

Бросился прочь по болоту, пока Светозар на Мару отвлёкся.

— Зачем явилась? — тяжело после боя дышал князь, грудь ходуном ходит.

— Не время ему ещё, вот и явилась. А Лада твоя мне обещана, я своё так просто не отдам, помните, — сказала и будто дымка рассеялась. Хотел было Светозар вдогон Гостомыслу кинуться, но Вильфрида его остановила:

— Пусть бежит, у нас с тобой свой разговор имеется. А я Водяного попрошу, он в земли твои передаст от тебя весточку. Только как бы чтоб поверили, что княжье слово несёт?

Снял тогда он с пальца перстень, а на том глава волка, знак князей Древлянских, у него и на щите такая ж. «Пусть, мол, покажет его, тогда и поверят. А лучше дай на чём письмо написать».

Нашлась у ведьмы береста, на ней князь послание Елизару и нацарапал. Предупреждение тому: коль явится наместник, немедля казнить его, семью из терема выселить и в темницу посадить (а вдруг как пособники?). И пока его нет, найти того, кто временно заменит Гостомысла, а там уже сам князь решит, кто будет посадником в Любиче. Попросил и о Вручее рассказать в обратном письме, а как не соврал наместник, вдруг и правда нападение было.

Передав послание через Граньку, вернулся в избу. За столом сидела Вила и спорила с домовым.

— …Знаю я, но сам слышал всё, ему я сужена, ему, — Прошка пробормотал что-то неразборчивое, но, судя по голосу, был против. — Да как я отдам? А? Я сама, где он, не знаю!

Светозар кашлянул, встав у притолоки, и голоса тут же стихли. На лице ведьмы появилось выражение усталости и недовольства.

— Отдал, что ли? — она отвернулась назад, от чего её волосы взметнулись, словно копна душистого сена, так и захотелось в них лицом окунуться. Домовой испортил момент:

— Чего пялишься? Садись давай, кумекать станем, как дале быть.

Светозар присел на лавку. Как быть, как быть? Меч искать надобно, вот только где? О том и вслух сказал. Вильфрида вздохнула.

— Знаю я, где меч, — начала она.

— Так что мы сидим? — вскочил князь, перевернув лавку.

— Сядь ты, оглашенный. Всю избу разнесёшь сейчас, — шикнул на него Домовой. — Ничо она не знает, окромя загадок, где тот меч искать.

Светозар тут же поник. Ну как так? Но подсказки тоже хорошо, разгадать — и дело с концом. Ну и выпалил: мол, давайте свои загадки, я с ними вмиг управлюсь.

Вила наморщила лоб и начала говорить:

— Как там было-то? А, вот: «Он ни близко, ни далеко. Он ни низко, ни высоко. Средь цепей тот меч хранится. Сыщет тот, кто не боится. У пленённого царя ноша, князь, лежит твоя».

— Ну так царя сыскать, что в плену, и всё. А что за царь? Каких земель? — начал сыпать вопросами князь.

— Если бы кто знал. Но в цепях я нашла Кощея. Возможно, у него и часть меча, — Вила наморщила носик.

— Часть? — Светозар аж мимо лавки сел. — Как это — часть?

— Бабка моя меч на три части поделила и все три запрятала, а нам с тобой их сыскать теперь нужно, — объяснила ведьма. — Первая, скорее всего, у Кощея. Он подходит, но где его теперь отыщешь?

Задумался князь.

— А может, он просто в его пещере? Говорится ж — средь цепей висит, — высказал свою догадку он.

— Может, и так, — Вильфрида откусила от пирога, а то, пока говорят, Прошка, считай, всё стаскал. Так и голодной останешься.

— Ну так надо просто сходить туда, — казалось, Светозар готов был прямо сейчас в пещеру ринуться.

— Утром и пойдём, нечего по ночам шарахаться, будто полуночницы, — доев пирожок, она обтёрла пальцы. — Меч я сыскать помогу, но на больше и не надейся, понял? — сразу обозначила ему будущее. — Может, и силу свою пробужу, а дальше — каждый своей дорожкой.

Тяжело ей было это говорить, сердце рвалось к пригожему парню напротив неё, но помнила она о том, как их род поступает с теми, кто им помогает. Незачем прикипать.

— Но ведь мы, — Светозар поперхнулся, когда Прошка будто невзначай толкнул его под ребро.

— Что мы? Сужены друг другу? — поднявшаяся с лавки ведьма обернулась. — Князь, окстись. Я ведьма болотная, с нечистью живу и их не брошу, а ты — князь престола древлянского. Какая из нас пара? Как из свиньи да утки? Аль вон как из Прошки с Гранькой? — теперь поперхнулся домовой, что там про него да кикимору говорят?

— То-то же, — закончила она, глядя на погрустневшего князя. — Спать иди уже, жених.

Её мысли не находили покоя, она лежала, устремив взгляд в потолок. Почему судьба свела её именно с ним? Сердце её отказывалось воспринимать доводы разума. Его лицо стояло перед ней, словно живое. Ей хотелось зарыться пальцами в его непослушные кудри золотых волос, вдыхать его запах, чувствовать его сильные руки, прижимающие её к груди. Но этому не суждено было сбыться. Даже если бы он не был подобен её деду, она не могла оставить Прошку и Тишку. Княжескому терему они были чужды: у него был свой домовой, а упырь... Упырю там точно не было места. Горькая слеза скатилась по её щеке. Она перевернулась на другой бок и залилась слезами.

Князь тоже не мог уснуть, мучимый мыслями о том, как растопить холод её сердца, как доказать, что ему уже безразлично, кто она, хоть ведьма, да хоть кикимора болотная. Он был готов принять даже её домового, если это было необходимо. О Тишке и речи не шло: он найдёт ему тихий уголок в большом тереме, где тот сможет вырезать и дальше ножичком, даже прогулки устроить можно, ежели по уму. Но девушка упорно отказывалась его слушать: «Помогу и катись», вот и вся недолга.

Домовой тоже не спал, сидел в своём углу за печью и думал: «Видно же, что эти двое друг для друга рождены. Но как им быть-то? Не бросит их Вилька, это точно, а князю престол оставлять нельзя. Вот и выходит, что не быть им вместе. Ну ничего, помается девка да забудет его. Что ж теперь, такая доля ведьмина. Аль, может, ученицу ей сыскать? Но то долго, не станет князь столько её ждать, ему наследник нужен для престола. Ну и ладно, неча их жизнь размеренную с ног на голову ставить».

Но сердце всё равно болело, глядя на то, как ворочается в своей постели Вила, ревёт там небось.

Алконост

— Отпусти меня, нечисть окаянная! — истошный вопль Прошки пронзил ночную тишину, вырывая Вильфриду из объятий сна.

Она вскочила с постели и, не успев даже накинуть одежду, с растрёпанными волосами выскочила во двор. Домового нигде не было видно. Следом выскочил и Светозар, тоже полуодетый и босой. Крик домового вновь послышался, на этот раз с болота.

— Куда ты меня тянешь? Отцепись, проклятая! Чтобы тебя бесы в болото утащили! Не смей! — вопль Прошки разносился над всем болотом, пугая ворон.

Испуганная Вильфрида кинулась к берегу. Там стоял Прошка в одних штанах, встрёпанный ещё больше обычного, и отбивался веником от… Граньки. Кикимора упорно тащила его в сторону болота, что-то бурча себе под нос.

— Да когда я обещал?! Что ты несёшь?! Отпусти, говорю! Никаких жениться не было, лента что лента. Так подарил, порадовать. И бусину тоже. Ты чего выдумала? Отпусти, последний раз прошу! — охаживал он веником разъярённую Граньку, которая никак не хотела выпускать его лапу.

— И что вы тут устроили? — рявкнула Вила, подходя ближе.

Гранька гордо задрала голову, в спутанных волосах болталась алая лента, местами уже изрядно замызганная.

— Вот вчерась подарил, а замуж брать отказывается! — выпалила она.

— А ты чего по ночам в таком виде шатаешься? — ведьма переключила своё внимание на домового.

— А что сразу я? Как что, так Проша. Я вобще с банником сидел, кости кидал… — начал оправдываться домовой.

— И, судя по запаху, опять мою настойку лакал, да? — прищурилась Вила.

— Да её там на дне было-то, а эта…

— Ленту дарил? — вмешался Светозар.

— А ты к нам не лезь, — тут же оскалился домовой. — Не чужих то дело. Ну дарил и что?

— Так это ж как сватовство.

— Так я чтоб она не ревела, что сеть утопила, а она…

Ведьма хлопнула в ладоши.

— Тихо все, утром разбираться станем, а пока марш по избам своим. Все! — злобный взгляд достался даже Светозару.

Наутро притихший домовой даже из-за печки не вылез, когда Вильфрида притащила кикимору.

— Проша!!! — она постучала по столу длинными тонкими пальцами. — Выходи.

Кряхтя и охая, он бочком выполз из-под печки и осторожно приблизился к столу, а ну как опять уцепится.

— Вилька, я жениться не стану. Я ей как другу, понимаешь, как сестре единоутробной, а она что удумала… — губы Граньки задрожали от обиды и гнева.

— Цыц оба. Ленту дарил? — она посмотрела на кикимору.

Та всхлипнула:

— Дарил.

— Что сказал?

— Сунул в лапы, не реви, говорит, сестрица, и пошёл.

— Ну и какой жениться? Он тебе обозначил, подарок как сестре, а ты что?

— А я что, что я? Люблю я его! Может, это ты колода бесчувственная, тебе окромя этого болота да нас ничё и не надо, а я, может, счастия бабьего хочу! — кикимора хлопнула дверью, выскочив из избы.

Если бы она знала, как больно её слова резанули по сердцу ведьмы, не только болото ей стало нужным.

— Эх ты, Прошка, Прошка. Совсем извёл бабу, — покачала она головой.

Прошка тоже из избы выскочил, сел на плетень и стал смотреть, как дрова князь рубит.

— Нет, ну вот ты мне скажи, а чего им, этим бабам, от меня надо? — не имея другого слушателя, обратился он к Светозару.

Тот воткнул топор в чурбак, отёр пот с лица и встал.

— Бабам же что надо? Повод для слёз. Уходит вой на рать — бабы в крик. Рожает? Бабы в крик. Свадьба? Бабы в крик, — он присел на бревно. — Так и тут, подарил ленту, значит, вниманием её одарил, а она себе уже напридумала. А ты не хочешь, кочевряжишься, как она-то думает. Вот и итог. У них же в горшочках, — Светозар постучал пальцем по своей голове, — места много, вот там у них всякие мысли-то и народятся. Думают больно много, оттуда и беды все.

За спиной раздался голос Вильфриды.

— То-то я смотрю, у вас горшки одной кашей полны. Сперва сделаете, а как место освободится от думы сделанной, так кумекать начинаете, — она посмотрела на князя. — Надевайся, в пещеру идти пора. Аль думаешь, она сама к нам придёт?

Светозар натянул рубаху и стал обуваться. Ведьма тем временем повязала на голову платок да факел с собой прихватила, неча ему пока знать, что она умеет и магический огонь делать.

Дошли быстро, спуск она хорошо помнила, а потому дорогу нашла сразу. Воткнув факел в щель между камнями, осмотрелась: вон оковы валяются, а больше ничего. Где искать часть меча, непонятно.

Князь пошёл вдоль стен, пытаясь найти подсказку, и вдруг натолкнулся на руническую надпись.

— Вила, смотри, — позвал он девушку.

Руны были старые, почти истёртые, выбитые чем-то острым в камне, но прочесть удалось; и едва она закончила говорить, как вдруг один из камней в стене с тихим скрежетом отъехал в сторону, открывая проход. Потянуло стылым, застоялым духом, пахло пылью и сыростью.

— Пойдём, что ли? — Вильфрида повернулась к Светозару.

Тот кивнул и первым шагнул в тёмный проём.

Оказавшись внутри, они оказались в ещё одной большой пещере. Единственным источником света был факел Вильфриды, отбрасывающий причудливые тени на неровные каменные стены. Пещера была сырой и холодной, а воздух тяжёлым, наполненным непонятным запахом. Стены были покрыты странными символами и рунами, вырезанными в камне. Вильфрида провела пальцем по одному из них, и он засветился слабым, мерцающим светом.

— Древние руны, я таких даже не знаю, — прошептала она. — Они, наверное, охраняют это место. Магии полны.

Они продолжили путь, осторожно ступая по неровному полу. Вила шла первой, держа факел высоко над головой, освещая путь. Светозар шёл следом, оглядывался, это место словно давило. Их шаги эхом разносились по пустой пещере, отражаясь от её каменных стен. Внезапно Вильфрида остановилась и прислушалась.

— Слышишь?

Впереди послышалось тихое пение. Князь кивнул.

— Поёт кто-то… Пойдём посмотрим, что ли?

Тот кивнул и первым шагнул в тёмный проём. Пол зала был выложен гладкими каменными плитами, а стены украшены сложными резными рунами. В центре зала стоял трон из тёмного камня, на нём сидела птица Алконост и тихо пела.

Алконост была прекрасна. Её перья переливались всеми цветами радуги, лицо её было красиво, руки тонки. Она сидела, закрыв глаза и сложив крылья поверх рук, будто яркие рукава платья.

Трон, вырезанный из цельного куска тёмного камня, украшенный искусной резьбой, каменьями, стоял он меж двух колонн из камней самоцветных, что светом освещали весь зал.

Почуяв путников, птица замолкла и открыла глаза, протянула руки к ним.

— Вижу, князь ко мне пришёл,
В темноте меня нашёл.
Значит, сбудется преданье,
Долго длилось ожиданье.
Но пришёл сегодня князь,
Чтоб послушать птицы сказ.

Она говорила стихами, протягивая руки в сторону Светозара.

— Ладу он свою сыскал,
Ту, что так давно искал.
Коль судьба вам пожениться,
То наследнику родиться.
А пока сыщи клинок,
Путь лежит твой, князь, далёк.
Нужно разгадать суметь
Мой вопрос, иначе смерть.

Напугали слова Алконост князя, но деваться некуда, кивнул. Опять загадки, так пока меч сыщешь, земли от мороза погибнут. Но что тут поделаешь, придётся разгадывать, иного пути нет, видимо.

— Загадывай, давай, — попросил он птицу.

— Корни древа в Нави сыщешь,
Кроной в Ирии он свищет.
Ствол увидите вы тут,
А название ему…

— Дуб, — закончила загадку Вильфрида.

— Верно дева слово молвит,
Дух её преданья помнит.
Вот ещё одна задача,
Отгадай, а то иначе…

— Да помню я, — перебил князь.

— Дом висит среди ветвей,
А на нём среди цепей…
Дом качается без окон,
Весь железом он окован.
Много платьев в доме том,
Зваться дому…

И снова ответила ведьма:

— Сундуком!

— Вновь девица, ты права,

Верные твои слова, — стихи птицы князя уже начали раздражать, но приходилось слушать, меч нужен был.

— Дом открыть непросто тот,
Путь к нему лежит далёк,
Он огнём висит объят,
Словно золото горят,
Руны, что его хранят,
В доме том лежит ваш клад.
Спрятан ключ среди камней,
И храним царицей сей.
Если сможешь не забыть,
Ту, что должен ты хранить,
Ключ тебе отдаст она,
Ну а нет? Твоя вина.
Средь камней навек оставит
И служить себе заставит.
Дверь открою к ней я вам,
Дальше, князь, давай-ка сам.

Птица договорила, прикрылась крылом и, кажется, заснула.

— Эээээ, птичка, — князь тронул её за перо, осторожно протянув руку. — А дверь-то открыть?

Встрепенулась Алконост, распахнула глаза.

— Дверь отыщешь, князь, скоро,
Путь ведёт тебя под гору.
Дверь откроется тотчас,
Как отыщешь змея глаз, — И снова укрылась крылом.

Светозар досадливо поморщился: «Ну и что это за помощь, когда опять самому всё делать надо?».

Долго ходили они с Вильфридой вокруг трона, осматривали стены, нигде не нашли и намёка на змею. «Да что ж это за подсказка такая-то?». Алконост иногда поднимала голову и бормотала что-то невразумительное, вот и сейчас снова заговорила, обведя зал мутным сонным взглядом:

— Змей петляет меж камней,
Шелест тихий всё слышней,
Чешуя блестит в огне,
Он окажется в ведре…

Повернула голову в другую сторону и снова закрыла глаза. Что сказать хотела, непонятно. Вила тоже её не поняла, пока не обернулась к одной из стен.

— Светозар, я, кажется, знаю, о какой змее Алконост пела, — она указала на тонкий ручеёк воды, сбегавший вниз по стене.

— А глаз-то где? — князь подошёл ближе и стал осматривать стену. Вверху трещина становилась шире, он попытался дотянуться, но не вышло. Осмотрелся и придумал, подойдя к трону, стал тянуть его к стене. Птица тут же захлопала крыльями.

— Ты чего удумал, князь?
Ну-ка с трона тотчас слазь,

Но Светозар уже залез на спинку и дотянулся до щели, пытаясь что-то там достать. Птица тем временем вопила ещё пуще прежнего:

— Птичий трон поставь на место,
Подсади туда невесту.
Что придумал ты такое?
Трон для птицы — дом покоя,

Разбудил меня ты зря,

Гибель ждёт теперь тебя.

Когда Светозар дотянулся до щели, Алконост пришла в ярость. Замахала своими огромными крыльями, издавая пронзительный крик, похожий на крик птицы. Затем она попыталась выцарапать ему глаза своими острыми когтями.

Князь отчаянно отбивался, уворачиваясь от её когтей и пытаясь схватить её за крыло. Но была Алконост слишком быстрой да ловкой. Светозару удалось уклониться от самых смертоносных ударов Алконост, но он понимал, что долго не продержится. Птица была намного сильнее и быстрее его, и её когти и клюв могли легко пронзить его плоть.

Размахнувшись, он кинул Вильфриде небольшой самоцвет.

— Найди, откуда он, — птица едва не схватила его за плечо.

Вила поймала камушек и бросилась искать, куда его вставить. Наконец она заметила в одной из стен небольшую ямку, как раз под камушек. Едва поставила, как стена словно провалилась, и открылся чёрный проём, сверху капала вода, а откуда-то снизу тянуло прохладой.

— Светозар, — крикнула она. — Бежим!

Оттолкнул он птицу от себя и бросился за ведьмой в дыру. Алконост ещё немного покружила по залу и наконец успокоилась, села обратно на трон свой и задремала.

А Вила с князем шли куда-то вниз, факел остался у птицы, пришлось ведьме способности свои открыть перед Светозаром. Восхитился он огоньку.

— Диво какое ты сотворила, а как обожжёт он тебе руки? — обеспокоенно спросил он.

— Не жжётся огонь ведьмин, ну мои руки так точно, чужие не знаю. Хочешь попробовать тронуть?

Опасливо потянулся князь к огоньку, тронул и тут же руку отдёрнул, обжёг его колдовской огонь. Считай, оружие с собой ведьма носит, жаль только, совсем небольшой выходит. Подивился и пошёл вперёд, откуда-то тянуло ветерком, а значит, туда и идти им. Но куда туда, пока было не особо-то понятно.

Вскоре вышли они на поляну, но не обычную. Под ногами мягко шуршали изумрудные травы, переплетаясь с золотыми нитями мха, будто вышитыми искусным мастером. В воздухе витал едва уловимый аромат свежести, смешанный с ароматом неизвестных цветов, распустившихся среди камней.

Тонкие ветви деревьев, усыпанные листьями из алатыря камня, тихо покачивались под лёгким ветерком, наполняя воздух мягким перезвоном. Листья, переливаясь всеми оттенками красного да жёлтого, отбрасывали тени. Каждое дуновение ветра приносило новые звуки: то звон хрустальных капель, то шелест шёлка, то мелодичный смех невидимых духов.

В центре поляны возвышался дуб, чей ствол, покрытый глубокими бороздами, был из лазурных каменьев. Его ветви тянулись к небу, а листья, сверкая на солнце, рассыпали вокруг искры света. На ветвях этого дерева сидели птицы дивные.

На краю журчал маленький ручей, вода которого переливалась всеми цветами радуги. Берега были устланы мелкими кристаллами смарагдов и карбункулов.

Словно зачарованные, князь и ведьма остановились, боясь шагнуть в это великолепие.

— Кажется, пришли, — прошептала Вила, боясь и слово молвить. — Где никак тут жить царице-то.

Кивнул Светозар, и правда, где как не тут. Но вот где сама хозяйка этих чудес? И тут из-за дерева вышла женщина. Она была высокой, статной, коса, перекинутая на грудь, отливала рыжиной. Бледное прекрасное лицо с тонкими чертами и большими карими глазами без тени румянца. Длинное её платье из тёмно-зелёного аксамита расшито было золотом. Подпоясано тонким поясом, на котором висел небольшой кинжал с яхонтовой рукояткой. На голове её была высокая корона в виде двух змей, которые обвивались вокруг её головы и встречались на лбу. В центре круга был крупный яхонт, который светился тусклым красным светом.

Протянула она руки тонкие, их приветствуя, голос её словно ручей зажурчал по камешкам:

— Долго же я вас ждала…

Князь уже час рассматривал стоящие на каменной полке резные фигурки зверей. Был тут и медведь, грозно рычащий на задних лапах, стоящий из яхонта, и белка на тонкой резной ветке из муррина, олень с ветвистыми рогами из незнакомого Светозару самоцвета. Каменная княжна положила ему на плечо руку.

— О чём думаешь, свет мой ясный?

Не мог он ответа найти на этот вопрос: что-то тревожило его душу, а что, никак вспомнить не мог. А Хозяйка меж тем продолжила:

— К свадьбе готовиться пора, касатик. Пойдём, негоже тут истуканом стоять, — голос её, полный нежности, никак не вязался с тем упорством, с которым она оттаскивала его от полочки, будто боялась, что увидит он там чего.

В комнате терема его уже ждал швец. Приготовив отрезы аксамита, белида, брачины, принялся за отмеры. Закончил всё, похватился да и был таков. А Светозар присел на кровать из дуба, карбункулами изукрашенную, пригорюнился. Что-то не давало сердцу покоя, будто что важное он забыл; так и тянуло его обратно к полочке со зверями дивными.

Выглянул за дверь — нет никого — и шмыгнул назад.

Снова стоит, вертит фигурки в руках и вдруг увидел птицу чудную. Перья её тонкие, тронуть страшно, вся переливается, дивная, нет среди птиц такой более. И вспомнилось ему вдруг:

«— А что это за птица такая?

— Ах, детушка, ты бы видел ту птицу! Не то чтобы птица, а чудо какое-то! Голова словно из золота, с красными камнями, блестящими как рубины. Глаза — как два тёмных озера. В них отражаются все звёзды ночного неба. А перья! Словно пламя в полдень, ярко-красные, но не простые, а с золотыми вкраплениями. И каждое пёрышко блестит, как драгоценный камень. И летит она не как другие птицы, а словно танцует. Крылья у неё широкие, как у сокола, но перья мягкие как шёлк. И когда она взлетает, то оставляет за собой след из золота, словно солнечный лучик касается земли. А хвост у неё огненный, как молния Перуна! И если кто-нибудь к ней хотел приблизиться, то хвост её мог зажечь всё вокруг. Опасна она была, но и красива неимоверно. А одно её перо может всю твою светлицу озарить светом, да таким ярким, как солнышко. А служит эта птаха самой Леле, весну призвать помогает, да Карачуна с Марой до зимы прогнать».

Вспомнил он тогда, как беда пришла на земли древлянские, сам он кто таков и как тут очутился, бросился прочь, зазвенели травы да листья хозяйке своей весточку послали, что

добыча её ускользает из рук. Бросились в погоню ожившие звери с полки, медведь рычит, гонится, олень так и норовит на рога взять. Бежит Светозар, вырваться норовит.

Добежал до дуба на поляне, смотрит, отстали звери, а Хозяйка поодаль стоит.

— Вспомнил всё же, — голос тихий, печальный.

А князь озирается, где ж ему ведьму свою искать. Усмехнулась Каменная княжна.

— Любушку свою ищешь? Спит она сном крепким, разбудить тебе её придётся. Ежели сможешь, — бросила ему ключ из яхонта к ногам и пропала, будто не было.

Тут и Вилу Светозар увидел, у корней в траве опутанная спит она. Присел рядом, провёл по волосам рукой. Не просыпается. Вспомнил о сказках нянюшкиных, где будили ладу поцелуем. Склонился, губ коснулся…

— Ты чего удумал, окаянный, чего лезешь? Или думаешь, коль сплю, так можно руки свои распускать!? — подхватилась ведьма.

А Светозар смеётся, схватил её, к груди прижимает, кружит.

— Совсем оглашенный? — ведьма упёрлась кулаками в грудь, пытаясь освободиться. — Поставь, кому говорю, на место меня! Чего схватил?

— Так от радости я, думал уже не найду тебя!

Вила, едва её князь на землю поставил, осторожно отошла.

— Точно с глузда двинулся. Чего меня искать, спать вместе же легли. Аль приблазнилось тебе чего во сне?

Яйцо

Светозар посмотрел на девушку; он её, значит, спасти пытается, а она неблагодарная. О чём он ей и высказал.

— От чего спасти, ото сна? — Вильфрида посмотрела на князя как на умалишённого.

— От вечного сна! — пояснил тот.

Не, ну точно двинулся, решила Вила.

Светозар, видя, что она ничего не понимает, начал ей рассказывать про Каменную княжну.

— Какая княжна, ты чё мелешь? Мы спать тут легли, какие травы каменные?

Он огляделся: «А где поляна волшебная? Да и дуб самый обычный». Теперь и он ничего не понимал, кинулся к дубу — да нет же, вон и ключ лежит. Показал его ведьме. Теперь та задумалась.

— Да как же так-то! Я точно помню, пришли мы сюда, уморились и прилегли под дубом, — девушка покрутила головой. — Но коль ключ имеется, пора и сундук доставать.

Кивнул Светозар, чего ждать-то. В ветвях и правда виднелись цепи. Светозар подбежал к дубу и, ухватившись за нижнюю ветку, подтянулся и перекинул ногу. Затем он ловко перебрался выше и дальше полез, цепляясь за сучки и выступы в коре. Подъём становился всё труднее, ветви становились тоньше, а расстояние между ними больше. Князь прилагал всё больше усилий, чтобы удержаться и не сорваться вниз. Наконец, он добрался до развилки, где располагался сундук. Он был скован из толстых железных полос и закрыт на большой замок. Ключ, который дала ему Каменная княжна, идеально подходил к замку.

Открыл он сундук и увидел внутри большое яйцо, как гусиное, что ли. Осторожно взял его в руки и спрятал его за пазуху. И слез обратно.

— Пустой он, — поник весь. — Только яйцо вот и нашёл.

— Так, может, его разбить надо? — предположила Вила.

«— Полезай ты, князь, в гнездо
И спасай скорей яйцо.
Отнеси его домой,
И согрей его душой.
Пусть в твоей скорей светлице
Птица жар в тепле родится», — промелькнули строки в голове Светозара.

— Кажется, я знаю, что это. Нам нужно вернуться домой.

— Мимо Алконоста как проходить станем, а? — задала резонный вопрос ведьма.

— Так, может, тут другой путь имеется? — князь осмотрелся.

Куда хватало взгляда, тянулась поляна, ни конца ни края не видно. Решили идти вперёд, а там куда тропка выведет.

Они шли по подземному лесу уже несколько часов, и начало казаться, что ему нет конца. Взгляду, куда бы он ни падал, открывалась всё та же бесконечная чаща из деревьев и кустарников.

Но вот впереди показался слабый свет. С каждым шагом он становился всё ярче, и вскоре они вышли на поляну со старым дубом. Вила огляделась, это место было знакомо. И вскоре они уже добрались до дома. В избе яйцо уложили в старую овчинную шапку и принялись гадать, как им его высидеть. Князь да ведьма тяжёлые больно. Домовой, услышав про их задумку, замахал волосатыми руками:

— Я вам что, селезень какой? Даже не просите, я на него не сяду!

Пока они спорили, коловерша накрыл пушистым тельцем яйцо и теперь лежал сверху, щуря хитрые глазенки.

— Слушай, а что вы коловерше имя не дадите? — спросил Светозар, поправляя вышитую рубаху.

Задумалась Вильфрида: «И правда, имя дать бы стоило. Но как назвать?».

— А давайте он Торяшкой будет, Торя.

— Почему Торяшка? — Прошка почесал макушку, разглядывая свои залатанные штаны.

— Выторопень же вылитый, вот и Торька, — пояснила ведьма, поправляя на голове платок. — Но ему одному яйцо не высидеть, придётся и тебе, Проша, помогать.

Домовой снова раскричался, что наседку из него делать не позволит, он приличный дух, а не квочка какая-нибудь.

Но ведьма была непреклонна, пришлось Прошке, как коловерша, обедать пошёл, усаживаться на шапку. Он долго ерзал, пытаясь усидеть на яйце, что-то недовольно бурча себе под нос.

За хлопотами пролетела, считай, седмица. Домовой в очередной раз изображал из себя наседку. Кажись, уже и попривык, во всяком случае, уже не ворчал недовольно, когда приходилось помогать.

Яйцо под ним зашевелилось. Он вскочил, будто его ужалил кто, и заорал не своим голосом:

— Вилька!!! Оно шевелится!

Вильфрида заскочила в избу, из шапки послышался негромкий треск, и скорлупа разлетелась на мелкие осколки, осыпав собою весь стол. Из неё выскочил птенец, такой яркий и прекрасный, что смотреть на него было больно глазам. Сиял он будто тысяча огоньков. Его перья переливались всеми цветами радуги, а хвост был таким длинным и пушистым, что казался будто сотканный из сверкающих самоцветов. Клюв и лапки птенца были золотыми, а глаза сияли, как два рубина. Он был похож на крошечное солнышко, излучающее тепло и свет. Птенец радостно чирикнул и взлетел над шапкой, освещая избу золотистым светом. Он кружился в воздухе, как маленький вихрь, и все смотрели на него с восторгом и изумлением.

Светозар протянул руку, и птица, подлетевши, села на неё.

— Ты смотри-ка, правду нянюшка рассказывала, существует она, — он склонил голову, рассматривая птенца.

А тот что-то крикнул, взлетел над князем и вдруг выронил из клюва ему на ладонь камень самоцветный — яхонт, да крупный такой. И вылетел в раскрытую дверь.

— Это что ж, часть меча получается? — Вила посмотрела на камень в ладони Светозара. Красивый, переливается так, будто внутри него огонь горит, сразу видно, непростой то камень, сила в нём имеется.

Тот пожал плечами.

— Видать, он, а где две другие?

Вильфрида задумалась, как оно там говорилось, вспомнила и начала читать по памяти подсказку.

— Отыскал ты, князь, каменья.

Применил ты все уменья.

Отыщи теперь клинок,

Чтобы он тебе помог.

Тот клинок во тьме таится.

Коли сыщешь, пригодится.

Берегись ты, князь, чего-то,

Стащит он тебя в болото.

— В какой это такой тьме? — Светозар присел на лавку. «Вот загадала бабка так загадала, где теперь сыскать клинок?»

Вила тоже задумалась: «Во тьме тьма бывает ночью, под землёй, в Нави ещё, и вроде бы и всё. И о чём тогда загадка? Непонятно». Но бабка, скорее всего, знала, что ответ они смогут отыскать, а главное, без неё, Вилы, никак. И тут её будто по голове ударило: «Мир Подлунный, там всегда тьма, скорее всего, бабка умела туда как-то ходить и меч там и запрятала». Рассказала о своей догадке князю она.

— Так чего сидишь, пошли, куда идти надо? — вскочил он с лавки, чуть ту не опрокинув, ну чисто медведь.

О чём Прошка ему тут же и доложил, дескать, сам ничо в доме не сделал, зато как ломать, так первый норовит. Вила шикнула на них, заставляя умолкнуть.

— Да не знаю я, как туда пройти! Не знаю, — ведьма присела на кровать, как тут поможешь, когда сила спит.

— А домовой? — он посмотрел на Прошку.

— А я вам что, упырь аль нетопырь что ли? Не знаю я ходу в этот мир ваш. Туда только мёртвые идут, а я так понимаю, вы пока помирать не собираетесь? Али как? — он отскочил на всякий случай подальше, а то как решат его гонцом сделать.

Князь, кажется, тоже об этом подумал.

— А вот ежели, к примеру, ты помрёшь, — он посмотрел на домового.

— Я не помру, я развеюсь. Но я ещё молод и хочу жить, на меня даже не смотри, — отрезал тот. — Да и обратно-то ходу нет.

— Ну так ты же дух, может, тебе-то будет ход обратно? — не отступал от своей затеи Светозар.

— А может, мы тебя лучше отправим? — напустился на князя домовой. — От тебя всё равно толку немного, и жрёшь ты уж больно хорошо, — он скосил взгляд на пирог в руке Светозара. — Ты-то вот и сходи, оно вобще одному тебе вроде как бы и надобно, у нас тут всё хорошо.

— Никого мы никуда посылать не станем, и надолго оно всем, али ты думаешь, опосля древлян к нам придти не решат? — наконец заговорила ведьма. — Дайте подумать, пойдите вон, может, что скумекаю.

Пришлось выйти, с ней спорить себе дороже, опять ухватом вытолкает. Во дворе у поленницы сидел Тишка, снова что-то строгая, после князевых подсказок у него получалось лучше. Присев рядом с ним, они тоже вытянули ноги и стали ждать, когда Вила обратно позовёт. Прошка махал руками, о чём-то горячо споря со Светозаром, Тишка пытался их успокоить, а коловерша свернулся клубочком и спал.

Вильфрида же покачала головой, глядя в окно, и легла на кровать, стала смотреть, как по закопченному потолку ползает паук. Должен быть проход туда, коль меч там, да и изба Ягини говорила о том, что есть между мирами путь. Вот только где ж его ей сыскать-то? Она перебирала в голове все сказки, рассказанные бабкой, была в них и Каменная княжна, и птица Алконост, и Кощей с Марой, а значит, и подсказка про мир Подлунный тоже имелась, вот только вспомнить бы её.

Мужики тем временем баню затопили и сидели с банником около неё и играли в кости, Прошка притащил бутыль мёда и стаканы, которые у него рассованы и тут и там были. Коловерша, как самый тихий, был заслан за пирогами, которые и умыкнул у ничего не заметившей ведьмы. Они тоже обсуждали способы, не померев, попасть в мир, где души ждут прохода через реку Смородину по Калинову мосту. Банник почесал лысоватую голову и прикрылся веником, опять всё наголо.

— А ежели, — начал он было. — Да не… А может? — снова замолчал, махнув лапкой.

Вила тем временем вспомнила одну из сказок, что рассказывала ей Ясиня. Там говорилось про ягиню, что ушла из мира людей и жила неподалёку от Калинова моста. Она стала вспоминать, о чём там говорилось. В памяти послышался голос бабки:

«— Давно то было, ещё боги ходили по земле. В деревне, название которой никто уж и не помнит, жила ягиня, силы великой она была, но зла не творила. Да всё равно люди её боялись, хотя и ходили, ежели что им надобно было. А однажды, когда у жены старейшины ребятенок помер, решили, что это она порчу наслала, и порешили её изгнать. Ушла она в леса дремучие, но и там от людей покоя не было, и стала она тогда искать себе место тихое. Прознала, что имеется такое, на границе миров, недалече от моста Калинова, что чрез реку Смородину перекинут. И стала она искать, как бы ей туда попасть, долго искала, у богов совета просила. И наконец ответили ей боги. Сказали, что нет туда хода живым, кроме сильных магов, но есть способ один. Нужно приготовить настойку специальную из трав редких и воды из волшебного источника, и можно тогда духом попасть своим, а там уже отыскать дом, что на озере стоит, и ежели примет её дом тот, то сможет она меж мирами ходить.

Долго бродила Ягиня по лесам и болотам, собирая нужные травы. А когда собрала, пошла к источнику, что на краю мира был. Набрала там воды и вернулась в свою избушку. Там она смешала травы с водой и стала варить настойку. Варила долго, приговаривая древние заклинания».

Задумалась ведьма: это получается, нужно им сперва сыскать источник с водой волшебной, да вот где ж его сыщешь-то? И вспомнила тут, Кощей же что-то говорил про него. Точно, у пещеры источник воды мёртвой имелся, может, из него и надо приготовить тот отвар? А коли нет? Так и помереть же можно.

Вышла во двор, покачала головой, опять мужики пьют. Подошла к ним да рассказала, что вспомнила. Светозар опять подскочил, за водой идти собрался.

— А что, ежели не она надобна? Выпьем отвар тот и помрём с тобой?

— Значит, я сперва попробую, — отрезал князь. — Мне людей спасать надобно, а значит, готов я рискнуть.

Банник хлопнул толстенькими ладошками по голым коленкам.

— Я испью, мне ничо не станется, но посмотреть, смогу я пройти в Навь аль нет, то могу.

На том и порешили. Сходили в баньку да спать легли, решив поутру идти к источнику да отваром заняться.

Источник отыскался почти сразу, помнила ведьма, где воду набирала. Принесли ведро домой, и принялась она варить зелье. Бурлит, кипит оно в котле, дым зелёный пускает, то ли надобно так, то ли нет, непонятно. Наконец приготовила. Разлила в бутыли и поставила остывать. Прошка всё вокруг котом крутится, любопытствует, а не можно ли его вместо настойки мухоровой и ему употребить её, еле отогнала.

А банник тем временем в избу пришёл, на лавку сел и тоже ждёт. Остыл отвар наконец. Налила Вильфрида чашу и подала духу. Тот понюхал, поморщился, обмотками, дескать, пахнет Прошкиными, и залпом выдул. Долго ждали, но ничего так и не случилось. Совсем пригорюнился Светозар, где иной источник искать, кто ж его знает-то?

Вечером в избу заглянула Гранька, отошла наконец от обиды на домового. Посмотрела на сидевших вокруг стола домочадцев.

— А вы чего такие смурные?

Рассказали и ей.

— Ну они-то ладно, мужики, а ты-то, Вилька, ведьма как-никак, — усмехнулась кикимора. — Сказы они ж всё иносказательно говорят, тут думать надобно, что бабка имела в виду про источник, когда баяла.

Ведьма снова задумалась, источник не источник, это вообще как такое может быть?

— А вообще, почитай, в каждом доме ход в Навь имеется, — снова заговорила кикимора. — В бане, как тебе-то не знать? — повернулась она к баннику.

— А ведь и то правда, — вскинулся тот. — Испокон веков баню проходом в Навий мир считают.

— Вот то-то же, — заключила кикимора.

— Ну и как нам его открыть? — Вила наморщила лоб.

— А вот того не ведаю, ведьма у нас ты, тебе и вспоминать, — помахала сухонькой ручкой и вышла за дверь, дескать, я помогла, а дале вы сами.

Вильфрида легла на постель и снова уставилась в потолок, и как ей проход меж мирами открыть, что она вообще про баню помнит? То, что плевать в ней нельзя — нельзя осквернять место, где люди очищаются, банник за то и осерчать может. Более двух разов не париться — третий раз он хозяина, самого банника, больно тот жар любит. Бабам опосля мужиков ходить надобно — женщины забирают мужскую силу, а оттого нельзя им первыми. Ночью мыться нельзя — духи там резвятся.

Точно, ночью там духи, а значит, ночью и проход сыскать можно в мир Навий, где духи и обитают, покуда не явятся в мир людей. Вот только опять вопрос: как? Банник тоже не знал, говорит, они просто приходят. Решили Вильфрида со Светозаром ночью сами в баню пойти, а чтоб наверняка, ещё и в полночь в полнолуние, когда для духов самое раздолье наступает. Оставалось два денёчка всего и подождать.

Через два дня дождались полуночи и отправились в баню, Вила, как положено, в одной рубахе нижней, хоть и неприлично то, но обряд того требует, Светозар в портах, волосы ведьма тоже распустила. Перед тем баню жарко натопили, чтобы париться, вспомнил князь, что ему нянька говорила, что ежели по ночи париться, то духи утянут. Главное не в саму Навь попасть, а посередке от них отбиться, решили они.

Зашли в баню, Светозар на полок лёг, а ведьма его парить начала. Света от плошки было немного, и в каждой тени ей духи разные мерещились, спустя час она уже было руки опустила, как послышался голос:

— Пошто вы ночью в баню заявились, разве не знаете, что ночью мы тут хозяева?

Чёрной тенью к ней кто-то метнулся, да давай за руки хватать, щекотать. Смеётся ведьма, остановиться не может, слышит, и князя кто-то хватать начал. И тут посреди бани будто яма появилась, и потащило их с ним в неё. Летят они, а как вырваться — непонятно. Начала она слова защитные говорить, солью вокруг себя сыпать. Завизжали духи, раскричались и отпустили её руку. Падает вниз, долго уже, Светозара рядом и не видать, стала кричать его, не откликается. Страшно ей стало, боязно, куда попала, где теперь князя сыщешь?

А вокруг шёпотки всякие слышно, кажется, будто кто-то трогает её мохнатыми лапами, но не хватает, отдёргивает сразу. Прислушалась, слышно в шёпоте её имя стало, будто зовёт её кто-то, показалось даже, будто бабка её. Еле отогнала от себя морок, а больше и некому тут её звать. Тишина настала, и будто холоднее что ли. Она даже придремать успела, падение было плавным, будто перышком по воздуху летела она. И тут падение ускорилось, её завертело в воздухе, будто волчок, что детской рукой по полу пущен, и ощутимо потянуло вниз.

Наконец она упала на что-то мягкое и тут же зарычавшее. Вскочила на ноги и закричала.

— А ну не подходи! — ещё вскакивая, она успела схватить палку и теперь махала той в темноте, стараясь напугать нападавшего на неё зверя аль духа. — Зашибу!!!

Чудовище кинулось вперёд, это она поняла по движению ветра, и схватило её в охапку, грозно рыча, и подняло над землёй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.